

Балканы

Имя
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Влад
Дракул
1444-1447 годы н.э.
13-16 лет
Тырговиште, Валахия
Эдирне, Османская империя
Крыса
Уничтожение вирусов
www.etnogenez.ru

Э Т Н О Г Е Н Е З

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Бенедиков, К., Бурносов, Ю.

Б46 Балканы. Книга первая: Дракула / Бенедиков Кирилл, Бурносов Юрий — М.:
Издательство «Этногенез», 2014. — 288 с.

В 1431 году в самом сердце Карпатских гор родился мальчик, которому было
суждено войти в историю под именем Дракулы. Князь Валахии, прозванный по-
томками «Цепеш» — «Колосажатель», был безжалостным и бесстрашным воином,
железной рукой защищавшим свою страну от врагов и жестоко каравшим поддан-
ных за малейшее нарушение.

Но был ли он на самом деле вампиром, как утверждают легенды? Правду зна-
ли лишь те, кто находился рядом с юным Владом, когда тот жил заложником при
дворе османского султана: друг — принц Мехмед, возлюбленная — Тангель и мо-
нах-францисканец фра Бернардо, посланный самим Папой Римским, чтобы спасти
мир от пробудившегося древнего зла.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

ISBN 978-5-906338-10-5

© Рыков К., 2014
© Бенедиков К., 2014
© Бурносов Ю., 2014
© Издательство «Этногенез», 2014

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удается простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и ку- миром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетики тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый и голубой).

Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удается избежать искушения сдаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей, величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения

могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

ПРОЛОГ

АНТИХРИСТ УБИТ В РОЖДЕСТВО

26 декабря 1989 года, Тырговиште, Румыния

1

Кто-то в тумане разговаривал с мертвыми.

Генералу хотелось заткнуть уши. Звуки, доносившиеся из сей-рой, волокнистой пелены, укрывшей мерзлое футбольное поле, скребли по нервам, как шершавые куски асбеста. Но генерал не заткнул уши. Это выглядело бы глупо и комично. Если бы на нем была зимняя шапка, он мог бы надвинуть ее поглубже. Но форменную фуражку на уши не натянем.

Охранник осторожно тронул его за плечо.

— Пойдемте, господин генерал. Машина ждет.

«“Господин генерал”, — машинально повторил про себя Джорджицу. — Еще два дня назад ко мне обращались — “товарищ”. Что же изменилось в стране за эти два дня?»

Дурацкий вопрос. В стране изменилось все.

Началось с волнений в Тимишоаре — приграничном городе, населенном в основном венграми. Толпа отбила у полиции пастора-диссидента, рассказавшего западным журналистам о зловещем плане по уничтожению семнадцати тысяч трансильванских сел — это называлось «Систематизация». Зачем было опустошать Трансильванию, пастор растолковать не мог, но западникам объясня员ий и не требовалось. «Чудовищное преступление кровавого тирана» — прекрасный заголовок для сенсационного материала

на первой полосе. «Румынский вампир ищет новые жертвы». Да, и такая статья попалась генералу в одной из немецких газет.

А потом съехавшимся в Тимишоару со всей Европы журналистам показали трупы — сначала десятки, а потом и сотни трупов. Изуродованных, обескровленных, с вывороченными суставами и переломанными костями. Их демонстрировали по всем мировым телеканалам как свидетельство безумия и жестокости человека, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в Румынии.

Когда о массовых казнях в Тимишоаре стало известно в столице, народ восстал. На площадях Бухареста собирались многотысячные толпы. В столицу вошли бронетранспортеры, солдаты сначала стреляли по демонстрантам, но потом министр обороны Милля отдал приказ прекратить огонь, и войска ушли в казармы. На следующее утро Миллю нашли в своем кабинете мертвым — официальная версия гласила, что министр застрелился. И тогда вождь поставил во главе армии генерал-майора Стэнкулеску, незадолго перед тем железной рукой подавившего беспорядки в Тимишоаре.

Виктора Стэнкулеску, который сейчас ожидал генерала в стоящей за воротами стадиона машине.

— Пойдемте, господин генерал, — терпеливо повторил охранник. Здоровенный малый с широким и неподвижным, словно вытесанным из камня, лицом. Коротко, по-военному, остриженные светлые волосы, прозрачные северные глаза.

«Не похож на румына», — подумал генерал и отчего-то вздрогнул.

— Да-да, конечно...

Но не двинулся с места, а вместо этого снял запотевшие от утренней сырости очки и начал протирать их мягкой тряпочкой, против воли прислушиваясь к странным, царапающим звукам незнакомого языка, доносившимся из тумана. Очень древнего, поднимающего со дна памяти кровавую муть, размытые, жуткие картины. «На нем можно разговаривать с демонами, — неожиданно для себя подумал атеист Джорджицу. — Или с мертвецами».

Тела Кондукатора и его жены до сих пор лежали на ломкой от холода траве футбольного стадиона. Их перетащили туда сразу после расстрела — за ноги, как зарезанных к празднику баранов. Почему не похоронили? Генерал видел наспех сколоченные кресты, стоявшие у стены сарая, — солдаты принесли их еще до того, как трибунал, в котором он председательствовал, вынес свой приговор.

...За подрыв национальной экономики — статья 145-я Уголовного кодекса Румынии...

...За вооруженное выступление против народа и государства — статья 163-я...

...За разрушение государственных институтов — статья 165-я...

И, наконец, самое страшное — за геноцид собственного народа, статья 365-я...

...Приговорить Николае и Елену Чаушеску к смертной казни через расстрел.

Приговор привели в исполнение немедленно. По закону, осужденным предоставлялось десять дней на обжалование решения трибунала, но никто из тех, кто судил Чаушеску, не собирался соблюдать закон. И это не давало покоя генералу юстиции Джорджицу Попа, стоявшему сейчас на краю футбольного поля и дрожавшему не то от холода, не то от темного, первобытного ужаса, который рождали в душе звуки незнакомого языка.

Там, за серым занавесом тумана, кто-то разговаривал с расстрелянным Кондукатором и его мертвой женой.

2

— Ну, ну, генерал, — буркнул Виктор Стэнкулеску, протягивая председателю трибунала металлическую фляжку. — Выпейте. Это болгарский бренди, весьма неплохой.

Джорджицу дрожащими пальцами отвинтил ребристую пробку. Посмотрел на Стэнкулеску, тот понимающее усмехнулся.

— Пейте, пейте, не бойтесь. Вы хорошо справились со своим заданием.

Генерал сделал пару глотков обжигающего напитка. Дышать стало немного легче. Он приложился к фляжке еще раз и благодарно вернул новому министру обороны.

— Тиран мертв, — сказал Стэнкулеску, аккуратно завинчивая колпачок. — Теперь все будет по-другому. Совсем по-другому, генерал.

Он спрятал фляжку в глубокий карман шинели. Похлопал по плечу водителя.

— Поехали, сержант. Возвращаемся в столицу.

Шофер повернулся голову, и Джорджицу машинально отметил, что он очень похож на сопровождавшего его к машине охранника — гранитный подбородок, светлые волосы, прозрачные голубые глаза.

— При всем уважении, господин министр, — невозмутимо произнес сержант с легким, почти неуловимым акцентом, — но у меня приказ дождаться господина подполковника.

К изумлению Джорджицу, Стэнкулеску пропустил дерзость водителя мимо ушей.

— Ну да, — сказал он рассеянно и вновь потянул из кармана флягу. — Подождем, конечно...

Генерал смотрел, как янтарная капля бренди стекает по плохо выбритому подбородку Виктора Стэнкулеску. Он не понимал, почему какой-то сержант осмеливается возражать министру обороны, причем возражать совершенно не по-уставному. Не мог представить себе, чьи приказы могут быть приоритетнее приказов верховного главнокомандующего. Неужели переворот организован внешними силами и все они — и председатель военного трибунала, и военный министр — только марионетки в руках невидимых иностранных хозяев?

Не может быть, сказал себе генерал, искоса поглядывая на крупного, атлетически сложенного мужчину, сидевшего рядом

с ним в пропахшем дорогим табаком салоне «трехсотого» «Гелендвагена». Ведь именно он, Стэнкулеску, тот человек, который за одну ночь решил судьбу страны и ее вождя.

То, что сделал Виктор Стэнкулеску — предательство. Нет, не так — Предательство с большой буквы. Когда Кондукатор назначил его министром обороны вместо вовремя покончившего с собой Мили, он не стал выводить армию из казарм. Но вызвал командиров частей и намекнул, что не будет возражать, если армия поможет восставшему народу.

Тогда-то все и произошло. Отряды секретной службы — Секуритате — оказались бессильны против могучего напора революционных толп, пришедших им на подмогу воинских подразделений и загадочных, неизвестно кому подчинявшихся снайперов, засевших на крышах и чердаках столичных зданий и отстреливавших офицеров безопасности. Чаушеску и его жена Елена поднялись в небо над Бухарестом на вертолете, взлетевшем с плоской крыши ЦК Коммунистической партии Румынии. У них было достаточно горючего, чтобы долететь до границы и спастись — югославы предоставили бы им убежище. Но вертолет взял курс на озеро Снагов, где находилась дача Кондукатора. Летняя дача. Зимой делать там было совершенно нечего.

Если не считать...

Но Джорджицу не хотел допускать даже мысли о таком. Безумие и так было слишком близко. Низкий гортанный голос, доносившийся из тумана, до сих пор эхом отдавался в его голове.

— Вы все сделали правильно, генерал, — повторил Стэнкулеску. — Если будете держать язык за зубами, станете министром юстиции.

Джорджицу молча кивнул. Никакие слова на ум не шли. Держать язык за зубами... да кому нужна правда об этом суде — или правильнее сказать: судилище?

В машине повисла тяжелая, душная тишина. На лобовом стекле «Гелендвагена» концентрировались крупные тяжелые капли,

набухали и скользили вниз, оставляя за собой широкие влажные дорожки. Сырая, отвратительная погода. «Как мерзко, должно быть, умирать в такую погоду», — подумал генерал. Он вспомнил модное, двубортное итальянское пальто Кондукатора, усыпанное шрапнелью кирпичной крошки, пропитанное сочившейся из ран кровью. Шикарная шляпа-федора из дорогого английского фетра лежала, растоптанная, в луже подмерзшей грязи — кто-то из расстрельной команды наступил на нее сапогом. Говорят, Чаушеску нравились американские гангстерские фильмы, и он носил эту шляпу, чтобы быть немного похожим на Крестного отца...

В окно машины постучали. Костяшкой пальца, коротко, требовательно. Генерал прищурился — но стекло было покрыто изморосью, за ним угадывался только размытый темный силуэт. Водитель, однако, тут же выскоцил из машины и через мгновение уже услужливо открывал правую переднюю дверцу «Гелендвагена».

— Доброе утро, господа, — негромко сказал мужчина в черном, влажном от утренней росы плаще, усаживаясь на сиденье рядом с водителем.

— Господин подполковник, — в голосе военного министра явственно прозвучала почтительная нотка, — вы знакомы с нашим другом из департамента юстиции?

— Нет, — ответил человек в плаще, оборачиваясь к Джорджице. У него было очень бледное лицо с глубоко запавшими темными глазами. Совершенно незапоминающееся лицо, если б не тонкий белый шрам, пересекавший наискось лоб. — Подполковник Траян, директорат V.

— Генерал Попа, — пробормотал Джорджицу. В сердце ему взнилась ледяная игла. Пятый директорат был святая святых секретной службы Румынии — Секуритате. Он отвечал за личную безопасность вождя и его семьи, а также самых видных партийных деятелей страны. В нем служило всего двести человек, и подчинялись эти люди напрямую Чаушеску.

Но что делает личный телохранитель Кондукатора в одной машине с его убийцами?

Траян, видимо, прочитал мелькнувший в глазах генерала испуг и усмехнулся тонкими бескровными губами.

— Не удивляйтесь, господин Попа. Нам нужно было удостовериться, что вы расстреляли именно Товарища, а не его двойника.

Это небрежное «вы расстреляли» обожгло Джорджицу, словно удар хлыста. Генерал зачем-то снял очки и принялся протирать их нервными движениями.

Он вдруг отчетливо вспомнил донесение одного из советских дипломатов, атташе по культуре посольства СССР в Румынии. В донесении, скопированном уборщицей посольства (а по совместительству — лейтенантом Секуритате), дипломат сообщал московскому начальству о приеме, на котором оказался рядом с Николае и Еленой Чаушеску. «Гений Карпат» показался ему очень странным — он вел себя неестественно, лицо его было мертвенно-бледного цвета, толстый слой грима, покрывавший ноздреватую кожу, придавал Кондукатору унизительное сходство с цирковым клоуном.

«Елена Чаушеску, — писал русский, — очевидно, поняла, о чем я думаю. Грубо засмеявшись, она наклонилась ко мне и доверительно прошептала:

— Это не он. Это дубль. Мой муж сегодня болен...»

Почему Елена решила раскрыть государственную тайну иностранцу? Теперь-то уже никто этого не узнает... Но советские «друзья» были в курсе, что у Кондукатора есть двойники и что готовили их профессионалы из директората V.

— Были подозрения? — спросил он тихо.

— Разумеется. — При этих словах Траян как-то по-особенному посмотрел на Стэнкулеску. — Кстати, на острове ничего не нашли.

— Правда? — удивился министр. Или, вернее, сыграл удивление — не очень-то убедительно. — А как же... могила? И... князь?

— Так же, как и всегда. — Подполковник отвернулся, словно потеряв интерес к разговору. — У него по-прежнему нет головы.

В салоне вдруг стало невыносимо душно. Генерал почувствовал, что ему не хватает воздуха. Остров... могила... у князя нет головы...

Все-таки безумная мысль, мелькнувшая у него в мозгу при упоминании об озере Снагов, оказалась не такой уж безумной.

Озеро было знаменито не только тем, что на его берегах стояла летняя дача Кондукатора. Там еще находился остров с монастырем, под мраморным полом которого, по преданию, похоронен Влад III Цепеш.

Он же Дракула.

3

— Трупы в Тимишоаре были не настоящие, — сказал Стэнкулеску.

— То есть как? — Генерал вышел из оцепенения, в котором пребывал последние полчаса. «Гелендваген» мягко несся по шоссе, вдоль покрытого пятнами грязноватого снега поля. — Как это — не настоящие?..

— Ну, не то чтобы совсем... — Министр замялся. — Конечно, это были люди, а не куклы. Но только... их взяли напрокат. За деньги.

— Где? — Джорджицу по-прежнему ничего не понимал. — Что значит — напрокат?

— В городских моргах. Там их нашлось довольно много. Санитары с удовольствием помогали... гrimировать. За каждый труп платили пятьдесят дойчмарок. Кто-то неплохо заработал в тот день.

— Но зачем?

— Картинка, друг мой. — Стэнкулеску похлопал его по руке в шинели. — Телевизионная картинка. Нынешние революции

делаются не на улицах, а на телевидении. Или, вернее, сначала на телевидении — а потом уже на улицах.

— Я думаю, генерал спрашивает не об этом. — Подполковник Траян вновь повернулся к нему свое бледное лицо. — Зачем было все это устраивать, так? Вас ведь это интересует, господин Попа?

Генерал мрачно кивнул. Ему совсем не хотелось разговаривать с Траяном на эту тему. Ему вообще не хотелось ни с кем разговаривать. Доехать бы до дома, выпить стакан цуйки, залезть в горячую ванну и постараться забыть весь ужас и позор последних суток...

— На это были причины, — неожиданно мягко сказал офицер Секуритате. — Поверьте, очень серьезные причины.

Джорджицу промычал что-то невразумительное. Невыносимо слышать этот голос, особенно когда в него вплетались такие мягкие вкрадчивые интонации. Это похоже на попытку старой и потасканной проститутки выдать себя за юную невинную девушку. Голос подполковника Траяна был насквозь фальшивым. Настоящий он слышал там, накрытом туманом футбольном поле.

«Кто ты такой? — думал генерал, стараясь не смотреть в лицо подполковника. — Кто ты, черт возьми, такой и на каком языке ты разговаривал с Николае и Еленой? И какого дьявола ты вообще с ними разговаривал, ведь они уже столько часов были мертвы!»

Он одернул себя — мысленно, как привык за долгие годы беспорочной службы в департаменте юстиции. Нельзя и думать об этом. Нельзя спрашивать. Потому что если бы подполковник ответил на эти вопросы, генералу пришлось бы задать еще один. И он не был уверен, что хочет знать на него ответ.

— Вы все поймете, — словно прочитав его мысли, произнес Траян. — Позже. Если, конечно...

И не договорил, отвернулся. «Если, конечно, доживете», — закончил про себя фразу генерал. Он смотрел в окно, за которым уже мелькали серые уродливые коробки пригородов Бухареста. Ему вдруг расхотелось возвращаться домой.

Февраль 1990 года, Бухарест

— Вы что-нибудь знаете об Институте крови?

— Нет, — глухо ответил генерал. — О таком институте я впервые слышу.

— Он находится в Напоке, в Трансильвании. Этот город до войны назывался Клуж.

— Да, помню. Старая римская крепость, основанная еще императором Траяном.

— Вот именно, — засмеялся подполковник. Смех у него был тихий, шелестящий. — Я родом из тех мест, меня и назвали в честь императора. Так вот, Институт крови...

Он помедлил, словно решая, что можно доверить собеседнику, а о чем лучше умолчать.

— Но вы же, наверное, в курсе, генерал, кто придумал программу увеличения рождаемости?

Джорджицу пожал плечами.

— Не имею понятия. Это довольно далеко от круга моих профессиональных интересов.

— Попытайтесь догадаться.

— Вероятно, кто-нибудь из наших партийных шишек. Может быть, сам Кондуктор?

— Почти. — Генералу показалось, что во взгляде Траяна мелькнуло легкое разочарование. — Его великолепная супруга. Цаца, как называли ее в народе. Она хотела... или, точнее, мечтала о том, чтобы в каждой румынской семье было по три-четыре ребенка. Под ее чутким руководством Академия наук разработала многоступенчатую программу. Одним из звеньев этой программы и стал Институт крови в Напоке.

Генерал привычным жестом снял очки и полез в карман за тряпочкой. Но карман был пуст: Джорджицу с сожалением вспомнил, что оставил тряпочку в кармане плаща, в прихожей.

А они с подполковником сидели у него в кабинете.

Подполковник нашел его сам. Джорджицу вернулся домой после очередного бесплодного визита в министерство — его просьбу о переводе на должность военного атташе в какую-нибудь далекую африканскую страну вновь отфутболили дежурному бюрократу, словарный запас которого исчерпывался выражением «приходите завтра». Припарковал свою старенькую «Дачию» возле заваленной мусором помойки (мусорщики не приезжали уже третью неделю, и шансов на то, что они решат взяться за дело в ближайшие дни, было немного), вышел, сделал несколько шагов к дому и вернулся к машине, чтобы запереть дверцу. Свобода свободой, а воровать стали куда больше, чем при коммунистической диктатуре. Поднял воротник плаща (с неба сеялась мелкая противная влага) и двинулся к подъезду, стараясь не наступать на разбросанные по тротуару картофельные очистки — видно, кто-то не успел донести мешок с мусором до бака.

Траян появился из подворотни и зашагал навстречу, помахивая рукой, словно старому знакомому. Он был в штатском — синых джинсах и кожаной куртке. Такую одежду шили цыгане, в переставших быть подпольными, цехах и ее можно легко купить, хотя и не задешево, на любом рынке. Вот только что-то подсказывало Джорджицу, что и джинсы, и куртка подполковника сшиты гораздо западнее Бухареста.

— Добрый вечер, господин генерал, — сказал Траян, подходя. Джорджицу с изумлением обнаружил, что шрам у него на лбу почти исчез.

«Тональным кремом он его замазал, что ли?» — подумал генерал, вспомнив ухищрения супруги, прилагавшей титанические усилия для скрытия морщин.

— Здравствуйте, подполковник, — сдержанно ответил он. — Чем могу быть полезен?

Не хотел спрашивать, а все же спросил. Ругая себя за эту ненужную вежливость — кто, в конце концов, этот Траян? Бывший

офицер бывшей службы безопасности? Секуритате разогнали почти сразу после казни Чаушеску, а ее всесильный шеф — Юлиан Влад — сидит в тюрьме. Так почему же он, генерал юстиции Джорджицу Попа, должен испытывать трепет перед каким-то бледным подполковником?

Может быть, потому, что генералом он теперь только именуется? А никакой реальной власти у него уже давно нет? И все, что ему осталось, — это надежда устроиться на непыльную должность в какой-нибудь маленькой теплой стране?

— У вас найдется для меня полчаса? — спросил Траян. — Этот разговор может оказаться важным... для нас обоих.

Генерал взглянул на часы. Двадцать минут седьмого. Жена вернется от подруги не раньше восьми, Сорела — любимая дочка — укатила с компанией однокурсников в Поляну Брашов, вроде бы кататься на лыжах, хотя какие сейчас лыжи? Февраль, слякотный, промозглый февраль, ни снега, ни солнца...

— Хорошо, — сказал он глухо. — Полчаса у меня есть. Пойдемте.

... — В Институте крови проводились исследования, которые могли бы показаться ученым Запада антинаучным безумием, — продолжал свой рассказ Траян. — Кровь переливали по цепочке — от одного человека к другому, от того — к третьему, и так до двадцати раз. Иногда это давало очень хорошие результаты. Иногда — приводило к чудовищным последствиям. Вы знаете, что такое AIDS, генерал?

Джорджицу устало покачал головой. Ему вдруг показалось, что Траян специально задает ему только те вопросы, на которые он может ответить лишь отрицательно.

— Это страшная болезнь, от неё нет спасения, нет лекарств. Передается она через кровь. Ей часто болеют наркоманы, пользующиеся грязными шприцами. Еще — гомосексуалисты, по понятным причинам. Каждый, кому в кровь попал смертоносный вирус, умирает. Кто-то раньше, кто-то позже. Но выживших не бывает.

— Какое это имеет отношение ко мне? — Генерал раздраженно вертел в руках очки.

— Немного терпения, прошу вас. В ходе экспериментов в Институте крови иногда получались целые цепочки людей, больных AIDS. Поэтому за последние годы количество заболевших этой заразой в стране достигло трехсот пятидесяти тысяч. Понимаете, генерал? Триста пятьдесят тысяч обреченных на страшную смерть. И миллионы тех, кого они могут в любой момент заразить.

Подполковник сцепил тонкие пальцы в замок. Хрустнул суставами.

— Уже за одно это Кондуктор и его жена заслуживали расстрела. Вы осудили их за геноцид — и даже не знаете, насколько вы были правы.

— Это все, что вы хотели мне рассказать, подполковник? — Джорджицу начал подниматься из кресла, но Траян быстро поднял руку.

— Нет, это лишь предисловие. Сейчас я перейду к сути.

— Сделайте одолжение, — холодно произнес генерал.

— Дело в том, что программа повышения рождаемости была лишь прикрытием. На самом деле в Институте крови, так же как и в Институте гериатрии и геронтологии в Бухаресте, велись эксперименты по достижению физического бессмертия.

— Какая чушь! — не сдержался генерал. — Я знаю об успехах наших геронтологов, но они могут продлять активную жизнь максимум до 90 лет. Я и сам принимаю геровитал...

— И совершенно напрасно, — перебил его Траян. — Геровитал не так безвреден, как уверяют врачи. Его продукты распада накапливаются в печени и требуют детоксикации... у вас мешки под глазами, генерал, вы замечали?

— Я не собираюсь обсуждать с вами проблемы своего здоровья, — отрезал Джорджицу.

— Как угодно. Хотя то, что я собираюсь вам предложить, может решить эти проблемы раз и навсегда.

Траян откинулся в кресле и провел пальцем по лбу, где еще можно было различить светлую полоску шрама.

— За несколько дней до нашей первой встречи, генерал, мне раскроили череп большим мясницким тесаком. Это произошло во время бунта в Тимишоаре. Уверяю вас, обычного человека такой удар уложил бы на месте. А я, как видите, жив-здоров.

— Стало быть, эксперименты увенчались успехом? — усмехнулся генерал.

— Нет. Иначе Кондуктор и его жена уцелели бы во время расстрела. Мы не были уверены... в нашей организации правая рука часто не знала, что делает левая. Поэтому я и приехал тогда в Тырговиште.

— Попрошу вас выражаться яснее. — Генерал и сам не заметил, как в его голосе прорезались повелительные интонации председателя военного трибунала. — Если программа достижения физического бессмертия не привела к положительным результатам, как вы лично выжили после... вот этого?

Он машинально повторил жест Траяна, проведя пальцем над бровью.

— Я — это другое дело. — Подполковник прищурился, словно неяркий свет настольной лампы резал ему глаза. — Такие, как я, генерал, не нуждаются в помощи науки... точнее, наука могла бы нам помочь, но Николае и его жена всячески сопротивлялись этому. Была еще одна линия исследований... гораздо более перспективная. Создание искусственной крови. Но Кондуктор и, особенно, Елена слышать ничего об этом не хотели.

— Почему же?

На этот раз Траян помедлил с ответом. Он поднялся с кресла и несколько раз прошелся туда-сюда по кабинету. Потом негромко заговорил:

— Пятнадцать лет назад к нам в Румынию прилетел президент Центральноафриканской республики Бокасса. Здесь он познакомился с танцовщицей по имени Габриэла Дримбо, которая

выступала в столичном мюзик-холле. Габриэла очаровала Бокасу... он всегда был неравнодушен к блондинкам, а Дримбо к тому же очень красива. Вскоре влюбленный Бокасса попросил Кондукатора разрешить Габриэле выйти за него замуж.

Чаушеску, конечно, тут же посоветовался с женой. А та — со своим конфидентом Ионом Пачепой, шефом внешней разведки.

Пачепа хорошо знал, что в Центральноафриканской республике добываются одни из лучших алмазов в мире. Он предложил Елене использовать Габриэлу для того, чтобы получить доступ к алмазам Бокассы... Габриэлу быстро завербовало Секуритате, ей даже дали чин лейтенанта. Вскоре Дримбо специальным самолетом отправили в Африку. Там она прожила несколько лет на положении любимой жены в гареме Бокассы... а в обмен Кондуктор получил концессию на разработку центральноафриканских алмазов.

— К чему вы мне все это рассказываете? — спросил Джорджицу, когда подполковник на мгновение замолчал.

— А вот к чему... Вскоре Елена Чаушеску собрала самую крупную коллекцию бриллиантов в Европе. Но однажды тот самый Ион Пачепа — а он был не только разведчиком, но и химиком по образованию — привез ей в подарок целую вазу, наполненную искусственными алмазами. Их делали на секретной фабрике «Звезда». Елена сначала вроде бы обрадовалась... а потом высыпала камни на пол и стала топтать их своими туфельками. «У нас с Ники, — кричала она, — должно быть все только самое лучшее! Самое настоящее!»

Траян стоял в тени, так что Джорджицу не видел его лица.

— Им нужна была только натуральная кровь, генерал. Они не хотели довольствоваться заменителями. Для этого и понадобились тысячи детей-сирот по всей Румынии. Детские дома, куда свозили брошенных младенцев. Вы же юрист, генерал, вы прекрасно знаете, какое наказание полагалось в нашей стране за аборт!

По позвоночнику генерала словно пробежали быстрые ледяные пальцы.

— Вампиры? — хрипло проговорил Джорджицу. — Вы на это намекаете? И могила на острове...

— Потому-то я к вам и пришел, генерал. Вы слишком много слышали. И были свидетелем многих страшных вещей. Таких, как вы, обычно убирают — без всякого сожаления.

— Так вы пришли меня убить? — резко спросил Джорджицу. Пистолет — надежный советский «макаров» — лежал в верхнем ящике письменного стола. Но успеет ли он выдвинуть ящик, выхватить оружие, дослать патрон в патронник? Траян гораздо моложе и, судя по всему, хорошо тренирован...

— Нет, — коротко ответил подполковник. — Если бы я хотел вас убить — к чему были бы эти предисловия?

Он вернулся к столу и снова сел в кресло, сцепив руки на обтянутом джинсовой тканью колене.

— Вы умный человек, господин Попа, и можете быть нам полезны. Я предлагаю вам... ну, скажем, новую жизнь. Долгую, очень долгую, без старости и болезней. Очень интересную, поверьте.

— А что взамен? — Генерал нашел в себе силы усмехнуться. — Ведь за все в этой жизни надо платить, не так ли?

— Взамен? — Траян вроде бы даже удивился. — Ничего такого, что пошло бы вразрез с вашими моральными принципами. Я ведь вас не покупаю, господин Попа, я в некотором смысле предлагаю вам награду. За то, что вы уже сделали.

— За тот приговор? — тяжело вздохнув, уточнил генерал.

— За то, что помогли избавить мир от двух чудовищ. Они очень хотели стать такими, как мы, тратили на это миллиарды, уничтожали сотни людей. А вот вы можете получить то, к чему они так стремились, просто в благодарность.

— Кто это «вы»? — перебил его Джорджицу. — Вы сказали — «такими, как мы». Кто вы?

Подполковник пожал плечами.

— Нас называют по-разному, генерал. И про нас очень много врут. Но вы, конечно, узнаете всю правду... когда согласитесь вступить в наш орден.

— Но ведь... — Джорджицу говорил медленно, словно боясь поверить в то, что произносит эти слова, — но ведь... в таком случае... мне придется тоже... пить кровь?

Траян кивнул.

— Кровь животных вполне годится, хотя и не так питательна. Но теперь, после того как тирана больше нет... мы в двух шагах от создания искусственной крови. И очень скоро моральная проблема, которая вас так пугает, исчезнет сама собой.

Он замолчал, и в повисшей тишине отчетливо прозвучал бой старых настенных часов. «Восемь вечера, — в смятении подумал Джорджицу, — с минуты на минуту вернется Нора!»

— Я... должен подумать, — пробормотал генерал, поднимаясь. — Вы... у меня же есть время, не так ли?

— Есть. — Траян тоже встал, протянул собеседнику руку. — Не очень много, но есть. И поверьте, господин Попа, мы будем очень рады видеть вас в наших рядах.

Его ладонь показалась генералу ледяной. Впрочем, в квартире было очень холодно — отопительный сезон в этом году закончился еще неделю назад.

1 марта 1990 года. Ночь

Дождь барабанил по жестянику карниза холодными твердыми пальцами.

Генерал Джорджицу Попа опрокинул в рот стакан цуйки, нашарил на тарелке кусок твердого сыра, прожевал, не чувствуя вкуса.

Посмотрел на чистый лист бумаги, белевший на письменном столе. Отвернулся.

Грузно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Провел рукой по толстым стеклам книжных шкафов, за которыми несли свою молчаливую службу верные книги. На пальцах осталась серая пыль — генерал уже давно никого не пускал в свой кабинет. Даже Нору.

Он остановился перед массивным металлическим сейфом. Набрал код цифрового замка, потянул на себя тяжелую дверцу. В темном, пахнущем кожей и железом пространстве лежали картонные папки, на каждую из которых был наклеен ярлычок из разноцветной бумаги. Джорджицу принялся вытаскивать их — одну за другой — и бросать на стол.

Всего папок было шесть. Генерал убедился, что сейф пуст, и захлопнул дверцу.

Папки следовало сжечь. Но в квартире генерала не было камина, а выносить документы на улицу и сжигать их, где-нибудь у мусорных баков, рискованно — кто-нибудь из соседей мог вызвать полицию.

Поэтому генерал просто вытащил из первой папки несколько листов бумаги и начал методично рвать их — сначала вдоль, а потом поперек, на мелкие клочки. Бумажный мусор он скидывал в корзину, стоявшую у стола.

Это была долгая и очень нудная работа, но генерал некуда не спешил.

Закончив с последней папкой (корзина была набита обрывками документов до самых краев), он перочинным ножом срезал с картона ярлычки с аккуратными надписями:

«Порфирия»

«Княжеские дома Европы»

«Институт гериатрии и геронтологии»

«Доктор Папеску»

«Проект “Бессмертие”»

На последнем ярлычке одно слово было заштриховано замазкой. На белом фоне четким, разборчивым почерком военного юриста выведено:

«Влад III Цепеш»

Ярлычки генерал сжег в пепельнице.

— Ну, вот и все, — сказал он сам себе. — Теперь никто ничего не узнает.

Он пододвинул к себе чистый лист бумаги. Взял авторучку — «Паркер» с золотым пером, подарок министра. Сувенир из тех спокойных времен, когда он еще не вздрагивал при каждом шорохе за окном, не боялся грозных ночных теней.

«Дорогая Нора, — написал генерал на листе. — Надеюсь, ты простишь меня. Я делаю это ради тебя и ради Сорелы. Я не хочу...»

«Чего? — спросил он себя. — Чтобы девочка когда-нибудь узнала, что ее нестареющий отец — мерзкий упырь? Чтобы эти бледные твари шантажировали меня женой и дочерью?»

«...Я не хочу, чтобы вы страдали из-за тех ошибок, которые я совершил. Так вам будет спокойнее. Простите меня, простите тех, кто толкнул меня на это».

Он достал из ящика стола конверт, набитый купюрами. Там лежали все сбережения генерала — чуть больше десяти тысяч лей. Когда-то приличная сумма, а теперь, с этой проклятой инфляцией, — куча резаных бумажек. Джорджицу еще раз зачем-то пересчитал их, потом облизал сладковатую клеевую полоску и запечатал конверт. Положил его поверх прощального письма.

— Пора заканчивать, — сказал он вслух.

«Макаров» показался ему непривычно тяжелым. Генерал поднес его к виску и почувствовал, как дрожит рука, сжимающая оружие.

«Можно ведь согласиться, — подумал он. — Они же специально все так подстроили, чтобы у меня не было другого выхода. Надавили на Министерство иностранных дел, может и на самого премьера... Значит, зачем-то я им все-таки нужен».

Джорджицу отложил пистолет, полез в карман пиджака за платком, чтобы вытереть вспотевший лоб. В кармане лежало сложенное вчетверо заявление — «прошу назначить меня на пост военного атташе в любую страну, с которой Румыния имеет дипломатические

отношения». «В любую» было подчеркнуто красными чернилами. А ниже, теми же чернилами, размашистый вердикт: «ОТКАЗАТЬ».

Некуда деться. Не будет никакой африканской страны, где раскаленное солнце защищает куда надежнее чеснока и серебра.

Тем более что чеснок и серебро не помогают вообще.

В этой сумрачной, холодной стране они — хозяева. Так повелось с давних, очень давних времен. С четырнадцатого века.

Теперь генерал кое-что знал о них. Подполковник Траян дал ему необходимые зацепки — для человека, двадцать лет прослужившего военным следователем, этого оказалось достаточно, чтобы раскопать необходимую информацию.

Помимо всего прочего, генерал выяснил, что Траян кое-что утаил от него. Ночным господам приходилось платить за свое могущество высокую цену. Легенды называли их нежитью, но это, конечно, была неправда. Они были живыми, вот только их жизнь сама по себе была смертельной болезнью.

Не менее страшной, чем AIDS.

«Я не хочу, — в сотый раз повторил про себя Джорджицу. — Я не хочу становиться таким, как они... и не хочу, чтобы они расправились со мной так же, как с беднягой Папеску».

Раду Папеску был врачом, делавшим вскрытие Николае и Елены Чаушеску после того, как Траян осмотрел их на футбольном стадионе в Тырговиште. Месяц назад доктора обнаружили в ванной — со вскрытыми венами. В теле почти не осталось крови — но не было ее и в ванной, потому что доктор перед смертью зачем-то вытащил пробку. Самоубийцы обычно так не поступают.

Генерал повертел в руках «Паркер», потом решительно сдвинул в сторону конверт с деньгами и дописал на листе:

«Я не вижу другого выхода, чтобы освободить себя от этого страха, который делает мою жизнь невыносимой. Я никого ни в чем не упрекаю и прощаю тех, по чьей воле я оказался в безвыходном положении. Да поможет мне Бог решиться на это!»

Отодвинул записку, быстрым движением поднял пистолет и так же быстро — чтобы не успеть испугаться и передумать — выстрелил себе в висок.

6

Ватикан, декабрь 2012 года

Хранитель Ватиканской апостольской библиотеки стоял на коленях, глядя в узорчатый пол, не смел поднять головы.

— Не понимаю, — тихо промолвил папа. — Пропала? Из реликвария? Как такое могло случиться?

— Ваше святейшество, я даже не могу предположить... — забормотал едва живой от страха старенький хранитель. Голос его дрожал, и папа забеспокоился, как бы верного Паоло не хватил удар — прямо здесь, во внутренних покоях Дворца Сикста. Поднявшись со своего кресла, Бенедикт Шестнадцатый сделал несколько шагов, накнулся и возложил сухую крепкую ладонь на голову хранителя.

— Не переживай, сын мой, — сказал он ласково. — Эти стены хранят слишком много тайн... В реликварий ведь давно не заглядывали?

— О да, ваше святейшество! Последний раз это было еще в том столетии... Я проверил всю книгу посещений...

— Значит, кто-то сделал это втайне от тебя, сын мой. Кто-то, кто знает о существовании Серебряного Зверинца.

Хранитель молчал. Плечи его вздрагивали, а из глаз капали на мраморный пол по-детски крупные слезы. Папа мог понять старичка — ему был доверен секрет, о котором не ведал сам архивариус Ватиканского секретного архива и Библиотекарь римской церкви архиепископ Жан-Луи Брюге, а он оказался недостоин этой высокой чести.

Но Бенедикт Шестнадцатый не винил хранителя. Он слишком хорошо представлял себе, какие могучие силы плетут интриги

вокруг трона святого Петра. Для них в Ватикане нет закрытых дверей, нет надежных замков и сейфов.

Однако кому мог понадобиться предмет, у которого было столь специфическое, столь зловещее назначение?..

— Не плачь... — сказал Бенедикт Шестнадцатый. — Скажи лучше — нашел ли ты то, что я просил тебя отыскать?

— Да, — воскликнул хранитель. — Я нашел!

Он довольно резво для своего преклонного возраста вскочил с колен, бережно извлек из кожаного футляра старинный пергамент и с низким поклоном протянул его папе.

— Вот она, ваше святейшество...

Папа принял рукопись, осторожно провел пальцами по переплету.

— Иди, сын мой, за тобой нет греха... — мягко промолвил он.

Хранитель с благоговением поцеловал Перстень Рыбака и, поклонившись, удалился. А Бенедикт Шестнадцатый уселся за стол, нацепил на нос очки и, вознеся молитву Всевышнему, раскрыл рукопись, которую, будь на то его воля, не хотел бы даже видеть.

«Сообщение фра Бернардо, личного посланника его святейшества Николая Пятого в землях венгров, валахов и османов, в год 1447 от Рождества Христова, дополненное подробным рассказом о страшных и кровавых событиях, происходивших в Трансильвании в годы правления князя Влада Дракула и его сына, Влада Дракула-Младшего, прозванного Цепешем»

Прочитав это название, папа тяжело вздохнул и бросил взгляд на стопку пожелтевших газет, принесенных по его требованию из архива. То были старые румынские и венгерские газеты с фотографиями расстрелянных Николае и Елены Чаушеску на первых полосах. Кричащий заголовок одной из передовиц гласил: «Антихрист был убит в Рождество!»

«Казнь супругов Чаушеску в Тырговиште сопровождалась католическими молитвами! — утверждалось в статье. — Кроме членов трибунала, судившего “Гения Карпат” и его жену, при расстреле

присутствовали два католических священника, которые прибыли на военную базу в сопровождении солдат спецназа».

Никаких имен. Никаких намеков на принадлежность к тому или иному ордену. Конечно, прошло уже двадцать три года, но в архивах Ватикана ничто не пропадает бесследно. Если только... если только кто-то не уничтожает эту информацию специально.

Похоже, кому-то в Ватикане очень не хотелось предавать гласности имена тех католических священников, что читали когда-то молитвы над мертвыми телами Николае и Елены Чаушеску.

Возможно, этот «кто-то» проник в Серебряный Зверинец и выкрад оттуда фигурку, единственным предназначением которой было защищать своего обладателя от существ, пьющих кровь.

От вампиров.

Бенедикт Шестнадцатый, в миру Йозеф Алоиз Ратцингер, придинул к себе старинный манускрипт и принялся разбирать выцветшие от времени буквы, написанные более пяти веков назад монахом по имени фра Бернардо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

— Кровь! — прохрипел умирающий рыцарь.

Копье пронзило его насквозь, пробив чешуйчатый панцирь и надетую под него легкую кольчугу персидской работы. Наконечник вошел под ребра и торчал из спины на добрых две ладони, перемазанный кровью и дермом из разорванных кишок. Исполинской мощи удар — но даже исполину оказалось не под силу вытащить копье, застрявшее в смятом переплетении стальных колец и посеребренных чешуек. Тогда он просто бросил копье вместе с наколотым на него рыцарем — тот так и остался стоять, ясеневое древко, упирающееся в рыхлую землю, только согнулось под тяжестью навалившегося на него воина.

Влад подъехал и остановился в нескольких шагах от убитого. Судя по богатому доспеху, это был один из людей польского магната Радзивилла: пан Симон вывел на поле пятьсот конных рыцарей в расшитых золотом шелках и пылавших на солнце шлемах. За спинами у них реяли роскошные плюмажи из фазаньих перьев, а сбруи их боевых коней были украшены серебром и самоцветами.

Теперь перья их плюмажей втоптаны в землю, а кони хрипели в кровавой грязи, пытаясь подняться, — турки бросили против польской тяжелой конницы не солдат, а толпы обычных мужиков с острыми косами, перерубавшими лошадям сухожилия. Лошадей Владу было по-настоящему жаль.

Он обернулся к своим гайдукам: тем явно не терпелось приняться за убитого рыцаря. Панцирь безнадежно испорчен, жаль, но есть ведь еще наколенники, наплечники, щиток, закрывающий шею, шлем, наконец. Кто-то скажет — мародерство, но для этого поляка все уже позади, а у них впереди еще много битв. Может, снятый с убитого шлем спасет кому-нибудь из них жизнь.

Под тяжелым взглядом господина гайдуки опустили головы. Только Мирчо, самый молодой и дерзкий, продолжал нагловато ухмыляться: казалось, еще чуть-чуть, и он подмигнет Владу. Из него, пожалуй, выйдет толк, если воспитывать его как бойцовского пса: лупить палкой, но бросать лучшие куски мяса.

— Похоронить, — приказал Влад. — Поляк покинет этот мир таким же нагим, каким в него и пришел. — Мирчо, ты со мной.

Наглая ухмылка гайдука мигом погасла. Но прежде чем он успел возразить (а он собирался, Влад видел это по глазам), убитый поднял голову и прохрипел:

— Кровь!

Влад соскочил с коня и подошел. Даже наколотый на копье, рыцарь возвышался над ним на полголовы, а Влад был не мал ростом. Залитые кровью глаза смотрели из-под поднятого забрала с тоской и мукой.

— Кто ты? — спросил Влад по-немецки. Польского он не знал, к тому же пронзенный явно произнес «*Blut*».

Из горла поляка вырвался хриплый клекот. Если таково было его имя, то крестили его не в костеле, а в орлином гнезде.

— Кровь! — простонал он снова. Это слово, во всяком случае, у него выходило отчетливо.

— Она тут везде. — Влад обвел рукой усеянное трупами людей и коней поле. — Пропитала землю на двадцать локтей. Или ты жалуешься, что немного запачкался в крови? Так это и немудрено: в тебе проделали дыру, в которую корова пролезет.

Рыцарь прикрыл глаза, словно отчаявшись растолковать собеседнику свою мысль. Мгновение Влад думал, что он все-таки

отдал богу душу. Но тут поляк собрался с силами и предпринял последнюю попытку.

— Дай! — сказал он. — Кровь! Дай мне! Проклятье...

Голова его бессильно упала на грудь, оказавшись вровень с лицом Влада. Тот, не торопясь, ослабил кожаные завязки шлема и рывком снял его с головы пронзенного. Налетевший ветерок растрепал пшеничные волосы рыцаря, без шлема выглядевшего совсем юным.

Влад кинул шлем подъехавшему Мирчо.

— Наполни.

Мирчо спешился, огляделся, присел рядом с жалобно ржущей лошадью с перерезанными сухожилиями. В руке его, словно по волшебству, оказался тонкий изогнутый турецкий кинжал.

— Нет... — Поляк прошептал это тихо-тихо, но Влад услышал и приблизил ухо к запекшимся, черным губам. — Дру... гую...

— Мирчо! — Влад махнул гайдуку рукой. — Лошадь не годится.

Гайдук поднялся, гибкий, как хлыст. За шагал между трупов, придерживая шлем на сгибе локтя, как это делают рыцари. Иногда он останавливался, переворачивая головы лежавших сапогом из мягкой кожи, но, ни разу не наклонился. Ему пришло отойти довольно далеко, прежде чем он обнаружил то, что искал. Это оказался один из тех мужиков с косами, что погубили польскую конницу, — корявый, черный, как головешка, одетый в какие-то лохмотья. Мадьярская сабля отделила его правую руку от туловища, но он все еще был жив и даже попытался уползти от неторопливо идущего за ним Мирчо. Натешившись, гайдук пнул мужика ногой в спину, встал над ним, запустил сильные пальцы в его жесткие курчавые волосы, задрал голову вверх и перехватил кинжалом шею. Потом ловко подставил под хлестнувшую багряную струю посеребренный шлем поляка.

— Только половина, — сказал он, подходя и протягивая шлем Владу. — У него из обрубка много вытекло...

Рыцарь с пшеничными волосами жадно смотрел на шлем. Его почерневшие губы вытянулись в трубочку, он громко причмокивал, будто целуя воздух. Влад поднял шлем с кровью к его лицу. Повернул так, чтобы кровь стекала по желобу носового выступа. Наклонил. Тонкая алая струйка потекла рыцарю на лицо. Черные губы вытянулись еще больше, ловя каждую каплю еще теплой жидкости. Причмокивание перешло в исступленное урчание, словно огромному зверю чесали брюхо. Влад, прищурившись, смотрел на лицо поляка — под засохшей кровью и грязью оно было бледным, как рыбье брюхо.

Руки рыцаря, бессильно обхватывавшие убившее его копье, вздрогнули и медленно поднялись. Поляк издал голодное рычание и вырвал у Влада шлем с кровью. Судорожным движением поднес ко рту и начал, захлебываясь, глотать. Алые струйки стекали по подбородку, покрытому светлым юношеским пушком.

— Господин, — тихо промолвил за спиной у Влада старый гайдук Батя. — Это же...

Влад не шевельнулся и не ответил. Он, не отрываясь, смотрел на светловолосого рыцаря. А тот, выхлебав содержимое шлема, уронил его себе под ноги, взялся за копье и легко, словно соломинку, переломил пополам. Накрыл кольчужной перчаткой обломанный кусок древка и резким движением вогнал его еще глубже в свой развороченный живот. Теперь копье почти вышло у него из спины. Вокруг распространилось зловоние, неизбежно сопутствующее ранам живота. А рыцарь медленно завел длинную и гибкую, как у обезьяны, руку себе за спину, ухватился за копье и со страшной перекошенной ухмылкой вырвал его из тела.

Прежде чем он успел метнуть его Владу в горло, тот сорвал с пояса изогнутую персидскую саблю.

Сверкнула гибкая голубая молния. Лезвие сабли, коротко свистнув, отделило голову рыцаря от закованного в чешуйчатую броню туловища. Удар пришелся чуть выше кольчужного воротника.

В хмурое, затянутое тучами небо хлестнула тугая струя темной крови.

Ноги рыцаря подкосились, и безголовое тело тяжело рухнуло на влажную от крови траву. Влад поднял откатившуюся голову за длинные, пшеничного цвета волосы. Красные, как у альбиноса, глаза смотрели на него с дикой злобой.

— Древний враг, — сказал Влад по-румынски. — Я думал, ты сражаешься за Полумесяц.

Голова ничего не ответила, но зрачки бешено вращались в залипших кровью глазницах.

— Их давно не встречали тут, господин, — неуверенно заговорил старый Батя. — Последнего поколия убил ваш дед, Раду Храбрый. И было то в горах, а не на равнине.

— Слышишь, — сказал Влад голове, — можешь гордиться, тварь. Мужчины моего рода всегда убивали упырей. Я Влад Дракул, князь Валахии, рыцарь ордена Дракона. Я дал клятву убивать вас, где бы вы ни прятались, под чьими бы знаменами ни служили. И сейчас я произношу эту клятву снова, прямо перед твоей мерзопакостной рожей.

Он разжал пальцы, и голова, словно кочан капусты, упала в грязь у его ног.

— Сожгите ее, — приказал Влад гайдукам. — А в тело забейте осиновый кол.

Князь тщательно вытер саблю о траву и вскочил в седло.

— И вот еще что. Каждого, кто осмелится взять себе хоть колечко с кольчуги упыря, я лично скормлю собакам.

Гонец прискакал на закате.

Он летел, склонившись к шее черного, как вороново крыло, жеребца, по узкой, петляющей между скал дороге. Отец рассказывал Владу, что в этих скалах скрыты сторожевые посты, по три

воина на каждый пост. Они предупредят замок о приближении врага, если тому удастся каким-то чудом незамеченным перейти мост Святого Андрея, и будут сдерживать его до подхода основных сил. На этой дороге десять человек могут остановить тысячу, говорил отец.

Но гонца, спешащего в замок, задерживать никто не стал. Во-первых, он был один, а во-вторых, в плаще с багряной лентой дома Дракул. Это означало, что он привез весть от отца.

Княжич смотрел на приближающегося всадника с Грозовой башни. Грозовой она называлась потому, что четырнадцать лет назад, за год до рождения Влада-младшего, в нее ударила молния. Она дотла выжгла караульное помещение на верхушке башни и убила двух стражников, коротавших время за игрой в кости. С тех пор место это считалось в замке несчастливым, стражу в обычное время там больше не выставляли, чем вовсю пользовались оба княжича — Влад и его младший брат Раду, — когда нужно было сбежать от отца Пафнутия или спрятаться от ненавистного Гуго Игнациуса. Но сейчас Раду играл с дворовыми мальчишками в «горного господаря» на крыше конюшни, и Влад был в Грозовой башне один. Последнее время он замечал, что одиночество нравится ему больше, чем общество брата и друзей. Да и то — какие они ему друзья? Сыновья конюха, кузнеца, водоноса — никто из них ему не ровня, даже Матей, чей отец командует стрелками. Влад вырастет и станет князем, а они так и останутся мужичьем. А князю с холопами водиться не пристало.

«У князя нет друзей, — говорил Владу отец. — Только слуги. Друзьями могут быть равные по положению, а таких можно лишь в соседних странах сыскать».

«Значит, у тебя совсем нет друзей? — удивлялся Влад. — А как же барон Отто? А воевода Милош? Они же приезжают к нам в замок, и на пиры вы сидите рядом, как равные?»

«Это иное, — отвечал отец. — Отто и Милош — мои братья по ордену. Они, как и я, носят на шее знак Дракона. Мы присягнули

императору, и в этом мы все равны. Но друзьями я бы и их не назвал».

Он невесело усмехался и кивал на залитый солнцем двор замка, где Раду и Матей увлеченно лупили друг друга палками.

— Мне кажется, сын, что настоящие друзья у нас есть только в детстве. В твои годы у меня тоже был друг, сын свинопаса. Мы были неразлучны, словно Кастор и Поллукс.

— А как его звали? — заинтересовался Влад.

Отец пожал плечами.

— Не помню. Когда мне исполнилось шестнадцать, он сбежал с дочкой мельника. Мой отец не дал им разрешения жениться, но сыну свинопаса, как видно, до смерти хотелось назвать ту румяную девицу своей женушкой. И его желание сбылось.

— Как так?

— Отец послал за ними погоню, и их, конечно, поймали. Девку поучили плетьми, да и отпустили, она потом вышла замуж за старшину каменщиков и родила кучу ребятишек. А вот моего друга казнили.

— За что?

— За то, что пошел против воли князя. Его хотели колесовать, но я упросил отца, чтобы к нему проявили снисхождение. Отец согласился — но с одним условием. Он сказал, что если я хочу помочь своему другу, то должен казнить его сам. С одного удара отсечь ему голову — тогда он мучиться не будет.

Влад смотрел на князя, ожидая, что тот скажет: «и тогда я помог сыну свинопаса бежать». Но князь погрузился в молчание.

— И что ты сделал? — робко спросил, наконец, Влад.

— Разумеется, я исполнил волю отца.

— Отрубил голову своему другу?

— С одного удара. Он даже не успел понять, что случилось. А я с тех пор никого больше своим другом не называл.

Эта история запала Владу в душу, и теперь, играя с мальчишками, он все чаще ловил себя на мысли: получилось бы у него

сделать с Матеем или Романом то же, что сделал отец с сыном свинопаса? Уверенности у него не было. Когда кто-то из друзей побеждал его в бою на деревянных мечах, Влада охватывала мгновенная злость: как же так, я ведь старший сын князя, меня учат лучшие мечники Валахии, не может какой-то холоп быть искуснее в схватке! Вот отрублю тебе руку, чтобы впредь знал, как проявлять неуважение к своему господину! Но ярость быстро проходила, гнев стихал, трезвый рассудок снова брал верх над горячим нравом княжича. Значит, говорил он спокойно, ты плохо учился у своих наставников. А то, что тебя одолели, должно послужить тебе еще одним уроком. Отец же не гнушается биться со своим старым гайдуком Батей и бранит его, если тот сражается впол силы. А если рубить руки всем подряд, то скоро не останется никого, кто поднял бы меч на защиту своего князя.

Потому-то он и не был уверен, что сможет поступить так же, как когда-то отец. Занесет секиру над головой того же Матея, а тихий голос рассудка шепнет ему: не делай этого, Влад, этот холоп тебе еще пригодится. Убить человека просто, а вот воскрешать из мертвых только Бог умеет, ты же не хочешь дойти в своей дерзости до того, чтобы равнять себя с Господом? И задрожит рука, сжимающая секиру, и увидят все, что он — слабый правитель, недостойный зваться князем Валахии. Отец ему с самых ранних лет повторял: лучше десять раз показать себя жестоким, чем один раз — слабым. Кресло князя держится на плечах его самых преданных, самых приближенных слуг — бояр, людей боя, каждый из которых убил больше врагов, чем чаш с вином на пирах выпил. Это смелые, отчаянные, верные люди — но верность они хранят лишь до тех пор, пока служат сильному правителью. Слабый их не удержит, слабого они сожрут, как волки — загнанного оленя, и самый сильный из них займет княжье кресло. Так было всегда, говорил отец, так повелось с Каина и Авеля, когда тот, у кого в руке камень, первый раз убил того, у кого камня не было.

Влад пытался доказать себе, что может быть сильным. Он придумал игру в суд, по правилам которой виновный в преступлении (вину, конечно, нужно прежде доказать) получал настоящее наказание розгами на конюшне. Первым приговор получил рябой Захария по прозвищу Шелуха: двадцать ударов за то, что стянул на кухне крынку сливок для своей больной сестры. Влад сек его сам, с оттяжкой, как всегда делал Гуго Игнациус, их ненавистный mentor. Получилось: Шелуха орал и брыкался, на спине его вспухали багровые рубцы, а на последнем ударе парень прокусил от боли губу. Но большого удовольствия Влад не получил: подумаешь, вы сек приятеля! Тоже мне, великий правитель. Выносить приговор ему понравилось больше: сидеть на высоком деревянном стуле и смотреть сверху вниз на распостертого у ног Шелуху, понимая, что тот весь превратился в трепещущее ухо, ожидающее решения своей участи. И все равно все это было не то.

Тогда он попробовал утопить щенка.

Одна из отцовских гончих, Ласка, ощенилась в конце весны. Влад выпросил у пса самого красивого, коричневого с белыми подпалинами щенка — соврал, что отец позволил ему взять собаку. Щенок был крупный, с упрямой лобастой головой и все время норовил вылизать княжичу лицо. Влад возился с ним целый день, пока не почувствовал, что щенок ему по-настоящему нравится. Тогда он отнес его к запруде за мельницей, туда, где под пологим берегом прятался глубокий — взрослому человеку по затылок — омут.

— Я буду князем Валахии, — сказал он щенку. — А ты всего лишь глупый пес. Я приговариваю тебя к смерти.

Щенок смотрел на него умными ореховыми глазами. Владу казалось, что он все понимает. Но он не скулил и не просил о пощаде. Княжич лег на траву, стиснул зубы и опустил щенка в воду, придерживая его за шею и за спину.

Щенок начал барабататься. Он вырывался, сучил лапами, и Владу пришлось до судороги сжать пальцы, чтобы щенок не выскользнул

у него из рук. Он смотрел, как бьется под водой коричнево-белое тельце. Этот безымянный щенок мог бы вырасти в большого, красивого и сильного пса, обожающего своего хозяина. Охотился бы с ним, загонял для него дичь. А по вечерам лежал бы под его креслом и скалил зубы на тех, в ком чуял недобрые намерения.

По лицу княжича текли слезы. Когда щенок начал слабеть, он не выдержал и вытащил его из реки. Швырнул на траву и сам упал рядом. Щенок отрывисто кашлял, выплевывая воду. Влад его ненавидел. Проклятый недопесок похоронил его надежду стать сильным и жестоким правителем. Валахия — суровый, жестокий край, и люди в нем живут жестокие и суровые. Как он может надеяться стать их повелителем, если даже собаку утопить не сумел?

Он почувствовал, что кто-то слизывает с его щек позорные, жгучие слезы. Щенок. Он подобрался совсем близко на дрожащих лапах и тыкался в лицо Владу своей лобастой головой.

— Уйди, — сказал ему Влад. Но щенок не ушел, а продолжал лизаться. В конце концов Влад прижал его к себе, спрятал под руку, и щенок постепенно перестал дрожать.

Вечером он положил его к себе в кровать, а на следующий день Раду, сгоравший от зависти, наябедничал Гуго Игнациусу, и про самоуправство Влада стало известно отцу.

— Кто позволил тебе взять моего пса? — спросил отец ровным голосом, когда Влада привели к нему в Обеденный зал. Он ел в одиночестве, сидя в торце длинного и широкого стола, за которым во время пира могло разместиться пятьдесят человек. Перед князем стояла простая глиняная тарелка с мамалыгой и деревянный кубок с вином.

— Никто, отец, — ответил Влад, стоявший в десяти шагах от отцовского кресла. За ним, длинный и сухой, как жердь, возвышался ментор Гуго Игнациус, за большие деньги выписанный из Саксонского княжества. — Я сделал это по собственной воле.

— Ты совершил кражу, сын. — В голосе князя не было ни злости, ни удивления, и Влад подумал, что именно таким голосом

и должен говорить судья. — Ты знаешь, что полагается за кражу в моем княжестве?

— Вору отрубают левую руку, отец, — сказал Влад, затрепетав от ужаса, но стараясь не показать вида. — А если он попадется на краже вторично, то отрубают и правую.

— Это так, — кивнул князь, отправив в рот ложку мамалыги. — Но ты мой наследник, и я не думаю, что такой дикой землей, как Валахия, мог бы управлять однорукий. Поэтому я позволю тебе самому выбрать себе наказание. Но учти: если оно будет чересчур мягким, то я увеличу его настолько, насколько сочту нужным. Ты понял меня?

— Понял, отец. — Влад почувствовал облегчение. — Можно, я поразмыслию минуту?

— Можешь размышлять, пока я не доем.

Князь ел не спеша, но Влад все равно чувствовал себя как рыба на раскаленной сковороде. Гуго Игнациус громко и сипло дышал у него за спиной. Княжичу казалось, что взгляд немца выжигает ему клеймо между лопаток.

— Ты придумал, сын? — Князь отодвинул пустую тарелку и отхлебнул из кубка.

— Да, отец. — Влад изо всех сил старался, чтобы у него не дрожал голос. — За кражу полагается отсечение руки. Я видел, как отрубают руки — человек от боли лишается чувств. Значит, чтобы наказание было справедливым, мне нужно получить такую порку, чтобы я тоже потерял сознание. Я думаю, ста розог будет достаточно.

Лицо князя оставалось бесстрастным, как у деревянной статуи.

— Что ж, — сказал он наконец. — Это действительно справедливо...

— Прости, отец, — перебил его Влад, сам испугавшись своей дерзости. Внутри у него словно выбрировала туго натянутая струна. — Этого было бы достаточно, если бы я совершил только

кражу. Но я сделал еще одну плохую вещь. И за нее мне тоже полагается наказание.

— Что за вещь? — нахмурился князь.

— Я взял щенка, чтобы утопить его, — признался княжич. — Хотел доказать себе, что я могу быть жестоким... и не смог.

В зале воцарилась абсолютная тишина. Даже Гуго Игнациус перестал сопеть.

— И какое же наказание ты выберешь себе за этот проступок? — спросил отец после долгого молчания.

Струна натянулась до предела и звонко лопнула.

— Еще сто розог, отец, — услышал Влад собственный голос.

Его никогда так не наказывали. Лишь однажды Гуго Игнациус выдрал его пятьюдесятью розгами, и к концу экзекуции Влад плакал кровавыми слезами.

В Обеденном зале снова стало очень тихо. Слышно было, как жужжит где-то попавшая в паутину муха. Князь допил вино и с громким стуком отставил пустой кубок.

— Надеюсь, когда ты станешь господарем Валахии, сын, твои приговоры будут такими же справедливыми. Я сказал, что ты можешь выбрать себе наказание сам, но я, пользуясь княжеской властью, могу отменить его. Двести розог превратят тебя в окровавленный кусок мяса. Стa — более чем достаточно.

Влад дернулся, но крепкие пальцы Гуго Игнациуса больно впились ему в ключицу.

— Что же касается твоего второго проступка, то ты искупишь его, если возьмешь на себя труд воспитать из этого щенка лучшую гончую, которую когда-нибудь видели в замке.

— Отец! — только и сумел сказать Влад.

— В том, что ты пожалел пса, нет ничего дурного, — продолжал князь. — Собаки и лошади лучше и вернее многих людей. Но если уж ты избавил его от смерти, то тем самым взял на себя ответственность за его жизнь. Так что постарайся стать ему хорошим хозяином. Теперь иди.

Влад получил свои сто розог на следующее утро. Порол его, как обычно, Игнациус, но княжичу показалось, что в этот раз немец был не так свиреп, как прежде. На девяносто втором ударе Влад потерял сознание и так и не узнал, исполнили ли приговор до конца.

После этого он не мог встать с постели пять дней. Все это время щенок спал у него в ногах и заливисто лаял, когда кто-нибудь входил в комнату княжича.

Влад назвал пса Львом. Не самое подходящее имя для гончей, но для любимого пса валашского господаря — в самый раз.

3

Решетка Въездной башни поднималась медленно. Ворот, который должны были вращать четверо стражников, крутили двое — с князем ушла большая часть гарнизона, в замке оставалось от силы сорок солдат. Толстая, блестящая от жира цепь, лязгая, неохотно наматывалась на дубовый барабан.

Гонец, которого, словно кнутом, подгоняло его послание, не стал ждать, пока решетка поднимется полностью. Спрятавшись с вороного, бросил поводья подбежавшему хлопцу, пролез под острыми зубцами решетки и стремительной, слегка раскачивающейся после долгой скачки походкой устремился в замковый двор.

Навстречу ему уже ковылял на своей деревяшке кастелян замка Петр Ворона. Кастеляну было за семьдесят, ногу он потерял еще в битве у Тырговиште, сражаясь, бок о бок с дедом Влада. Он был бы совсем седым, если бы не полоска иссиня-черных, блестевших на солнце волос, протянувшаяся ото лба к затылку ровно посередине головы. Из-за этой полоски, да еще из-за большого костлявого носа кастеляна и прозвали Вороной.

Они встретились посреди двора и обнялись, потому что гонец приходился Вороне племянником.

— Что с князем? Жив ли он? — спросил кастелян вместо приветствия. Гонец коротко кивнул. Он был совсем молод, не старше

двадцати лет. Василькового цвета глаза выдавали в нем северную кровь — сестра Вороны была замужем за беглым московитом.

— Жив, дядя, слава богу, — сказал он, оглядевшись. Во дворе уже собирались люди: свободные от караула стражники, камнетесы, бросившие работу у покосившейся стены, прачки, любопытные ребятишки. Все делали вид, что ничуть не интересуются разговором дяди и племянника, но сгорали от желания узнать, что за вести привез посланец князя. — Это он велел передать тебе.

Гонец полез за пазуху и вытащил плотно свернутый в трубку пергамент, еще хранящий тепло его тела. Пергамент был скреплен печатью черного воска с оттиснутой на ней буквой D.

— Пойдем, — велел кастелян, оглядев стоявших в отдалении зевак из-под насупленных бровей. — Это дело не для чужих ушей и глаз.

Окна комнаты кастеляна, жившего в Водяной башне, выходили на юг. Пока Ворона срывал печать и разворачивал пергамент, гонец рассматривал извилистую дорогу, по которой он только что проскакал, возвышавшиеся по ее сторонам скальные бастионы и далекие зубцы гор, заслонявших твердыню дома Дракул от надвигавшихся из-за Босфора орд. Гонец знал то, что Вороне еще только предстояло узнать: султан Мурад разбил объединенное войско валахов, мадьяр и поляков на равнине под Варной, и теперь огромная армия османов неотвратимо, как ощетинившаяся копьями и ятаганами лавина, движется на север.

Ворона вдруг закашлялся.

— Князь пишет, что ведет переговоры с султаном. Он сохранил достаточно сил, чтобы ставить условия, а не просить?

— Я не читал послание. Но мы вышли из битвы, потеряв не больше трех сотен воинов. Основные силы князю удалось сберечь. Поляки полегли почти все, из мадьярских рыцарей уцелело не больше трети.

Ворона кривовато усмехнулся.

— Он пишет, что султан согласен оставить ему престол господаря, если князь отдаст ему в заложники сыновей. Ты знал об этом?

Гонец снова кивнул. Он был не из разговорчивых.

— И тут сказано, что заложники должны быть в ставке султана не позже, чем через десять дней. Иначе османы двинутся на север и вторгнутся в Валахию.

— Поэтому я так и торопился, дядя.

Ворона тяжело опустился в кресло, вытянув деревянную ногу. Пергамент он вновь свернул в плотную трубочку.

— Бедные дети. Когда ты покинул лагерь господаря?

— Три дня назад. Но я скакал очень быстро.

— Дети так быстро ехать не смогут. Дорога займет у них дней шесть.

— Может, и больше. А султан ждать не станет.

Кастелян вздохнул. Посидел немного с закрытыми глазами — такой у него был способ собираться с мыслями.

— Выехать придется завтра на рассвете. Иди, отдохни и отоспись. Детей в Варну повезешь ты.

4

Влад перехватил гонца, когда тот выходил из Водяной башни. Страшное напряжение, владевшее гонцом последние три дня, исчезло, когда он передал послание, и теперь парня шатало от усталости. Влад заступил ему дорогу.

— Какие вести ты привез от моего отца? — требовательно спросил княжич.

— Он жив и здоров, — ответил гонец. Это был один из гайдуков, но Влад никак не мог вспомнить его имени. — Остальное тебе мой дядя расскажет.

Он попытался пройти мимо княжича, но Лев, который, как обычно, держался сбоку и чуть позади, предупреждающее зарычал.

— Нет, — сказал Влад спокойно. — Расскажешь мне все ты.

Если бы гонец начал упираться и спорить, он бы не слишком удивился. Конечно, он сын и наследник господаря Валахии, но реальная власть в замке в отсутствие князя принадлежит кастеляну. Но парень вдруг улыбнулся, и васильковые глаза его весело сверкнули.

— Твой отец убил поколя, — сказал он.

Влад обомлел. Поколи были существами из страшных сказок и старинных легенд, такими же, как драконы. Конечно, его прапрадед Витус Гуткелед убил дракона, но это случилось почти полтысячи лет назад!

— Турка? — только и сумел вымолвить Влад.

Гонец покачал головой.

— Нет. Польского рыцаря, откуда-то из Силезии. Когда мы его нашли, он был мертв — во всяком случае, в нем торчало копье длиной в восемь футов. Но он открыл глаза и попросил пить. И напиться он хотел не водой, а кровью.

— А что отец?

— Велел дать ему крови. Хотел своими глазами убедиться, что легенды о поколях не врут. А когда поляк напился крови и ожил, князь срубил ему голову.

У Влада часто-часто забилось сердце.

— И ты все это видел своими глазами?

Парень подмигнул — дерзость, конечно, но княжич был так поражен рассказом гонца, что не обиделся на него.

— И ты, может, увидишь, если поедешь со мной к своему отцу.

Когда час спустя Петр Ворона, тяжело припадая на деревянную ногу, вошел в комнату княжичей, Влад собирал свои вещи, а восьмилетний Раду лежал ничком на кровати и горько рыдал.

— Почему ты плачешь, мальчик? — спросил его кастелян.

— Влад едет к отцу, — пробормотал тот сквозь слезы, — а меня оставляет здесь!

— Ты еще слишком мал для такого путешествия, — не оборачиваясь, сказал Влад. — Вырастешь — поедешь куда захочешь.

— Но я тоже хочу увидеть поколей! — рыдал Раду.

— Каких поколей? — не понял Ворона.

— Таких! Наш отец убил одного под Варной! И Влад едет, чтобы посмотреть на него!

Кастелян подошел и положил на русую голову Раду свою грубою, заскорузлую руку.

— Не плачь, мальчик, — сказал он. — Вы поедете вместе.

Раду тут же затих, а Влад медленно обернулся к Вороне, и старик увидел у него в глазах гнев и недоумение.

— Как это — вместе? — спросил он. — Зачем?

Старый Ворона крякнул и убрал руку с головы Раду.

— Затем, что вы отправляетесь в столицу османов, — сказал он негромко. — Ко двору султана Мурада, в Эдирне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Путешествовать оказалось гораздо труднее, чем представлял себе Влад, любивший истории о странствующих рыцарях.

Во-первых, выяснилось, что если ехать верхом больше двух часов кряду, задница начинает болеть, как после хорошей порки. А они не слезали с коней по десять-двенадцать часов, даже маленький Раду, которого гайдук вез на седле перед собой.

Во-вторых, гайдук, чье имя было Данил, все время их подгонял. Владу и самому не терпелось увидеть загадочный Эдирне, в котором его отец вел какие-то переговоры с турецким султаном, — но он не понимал, почему нельзя делать хотя бы два коротких дневных привала, чтобы сходить по нужде в кусты и заодно размять ноги. А Данил им этого не позволял. Мужчина должен уметь терпеть, объяснил он в первый же вечер, когда выяснилось, что Раду не выдержал и обмочился прямо в седле. Иногда приходится целый день, не шевелясь, лежать в засаде — а если шевельнешься, тут же получишь стрелу в затылок. Поэтому молодые воины учатся не только биться на мечах и секирах, но и сохранять неподвижность в течение долгих часов. Тело — тот же слуга, говорил он братьям, оно должно беспрекословно повиноваться своему господину, а господин этот — ум. Если слуга нерадив и плохо выполняет свои обязанности, его наказывают. Но бить самого себя глупо, поэтому лучшее наказание для тела — это выполнение сложных и однообразных упражнений, которые делают

его выносливым и послушным. Учитесь проводить в седле не по десять часов, а день и ночь напролет, и в час смертельной опасности, когда вам нужно будет уйти от погони, тело не подведет вас. Так Данил повторял им на каждом вечернем привале, и в конце концов Влад пришел к выводу, что гайдук — самое занудное существо в Валахии, хуже ненавистного Гуго Игнациуса.

Вот уж кого бы Влад с радостью бы оставил в замке, так это немца. Но ментор тоже поехал с ними — его долг, мол, присматривать за молодыми княжичами, где бы те ни находились. Нужен он в походе, как пятое колесо в телеге! Только и делает, что зудит, словно огромная желтая муха: Влад-де не так сидит в седле, глазеет по сторонам, вместо того чтобы смотреть на дорогу перед собой, ест без присущего сыну господаря достоинства (это когда проголодавшийся княжич первым вцепился в горячий кусок только что поджаренной на костре кабантины и обжег себе язык)... Лучше бы вместо Игнациуса они взяли бы с собой Льва! Но пса пришлось оставить дома: даже гончая не может бежать несколько дней наравне с лошадьми, а в седельную суму Льва не посадишь.

Еще вместе с ними ехали десять арбалетчиков под командованием Деметриуса Белки, сурового грузного мужчины со шрамом через все лицо. Белкой его прозвали за то, что он попадал в глаз этому зверьку с расстояния в сто шагов. За все время пути Белка обронил едва ли с десяток слов, и ни одно из них не предназначалось для ушей Влада.

А Раду на привалах лишь хныкал, жалуясь на натертую седлом попу, или сидел, забившись куда-нибудь в тень, и грыз орехи в меду. Этих медовых орешков, любимого лакомства Раду, они взяли с собой целый мешок, но судя по тому, как увлеченно уничтожал их братец, Влад сомневался, что к моменту прибытия в Эдирне от этого запаса что-нибудь останется. Сам он терпеть не мог сладости — считал, что это недостойно мужчины.

Во время бесконечных дневных переходов Влад думал о том, что путешествовать без попутчиков было бы куда интереснее. Он

ехал бы к отцу один, не слишком торопясь, любуясь открывающимися по обе стороны дороги видами. Первые два дня они двигались через горы, вздымавшие свои вершины к прозрачно-голубоватому осеннему небу. Как-то маленький отряд ехал через ущелье, стены которого были образованы скалами, в три раза превосходившими по высоте самую высокую колокольню. Дорога здесь вилась по берегу стремительной горной реки и сужалась настолько, что лошади могли проехать по ней только одна за другой. Было темно и сыро. Влад задрал голову — высоко вверху сияла узкая голубая полоска, как будто там протекала еще одна, небесная река. В этом ущелье им пришлось заночевать. Белка велел своим стрелкам наловить рыбы, и в тот вечер они объелись запеченной на углях форелью — такой вкусной Влад никогда еще не едал. А на утро, когда они выехали из ущелья, перед ними открылись цветущие равнины южной Валахии, на которых тут и там сверкали, словно прозрачные самоцветы, небольшие озера. Здесь даже воздух пах по-другому, не так, как в горах, — свежескошенной травой, цветами, теплой, распаренной на солнце землей. По сторонам дороги встречались небольшие, утопавшие в зелени садов деревушки с опрятными белыми домиками, поля, в которых трудились дочерна загорелые крестьяне в широких соломенных шляпах, водяные мельницы над окаймленными тенистыми липами запрудами, веселые и шумные ярмарки, где продавали глиняную и деревянную посуду, кур и гусей, молодое вино и золотисто-прозрачный мед. То был счастливый и благодатный край, совсем непохожий на привычные для Влада Карпаты. Его жители — мирные земледельцы и скотоводы — снабжали обитателей горных селений и замков дарами своей щедрой земли в обмен на защиту от грозных врагов с другой стороны Босфора. Полвека назад, когда султан османов Баязид перешел Дунай и вторгся в Валахию во главе огромной армии, дед Влада, Мирчо Старый, вышел ему навстречу из горных ущелий с небольшим, но хорошо обученным войском. Целый год он изматывал турок неожиданными нападениями и мелкими стычками, пока, наконец,

не разбил Баязида в решающем сражении под стенами Ровина. Мирчо едва не убил самого султана, но тому вовремя удалось бежать с поля боя под прикрытием отборных телохранителей.

С тех пор турки не раз вторгались в южную Валахию, и князьям из славного рода Басарабов, наследникам Мирчо Старого, приходилось отражать их атаки то силой, то хитростью. Последние двадцать лет Валахия платила османам по три тысячи золотых в год, откупаясь от набегов, угрожавших, прежде всего богатым равнинам юга. Отец Влада, тоже происходивший из династии Басарабов, после вступления в орден Дракона основал собственный дом Дракул и попытался изменить этот порядок вещей, отказавшись выплачивать унизительную дань. Он примкнул к объединенному войску мадьяр и поляков, двинувшемуся к Дунаю, где стояли основные силы османского султана Мурада. Но турки нанесли союзникам поражение и оттеснили их к стенам древнего города Варны. Там-то и произошла последняя битва, в которой рыцари Запада оказались наголову разбиты янычарами Востока. Возглавлявший войско молодой король Владислав погиб, тысячи рыцарей были захвачены в плен. Влад уже знал, что его отцу удалось вырваться из кольца врагов, но, чтобы остановить орды османов, готовых вторгнуться на земли Валахии, он сам прибыл в ставку Мурада и вступил с султаном в переговоры. Данил обмолвился однажды, что отправка в Эдирне Влада и Раду было условием, которое султан поставил валашскому господарю.

Влад хорошо понимал, что это значит. Гуго Игнациус не зря вдалбливал княжичам историю немецких и итальянских княжеств, Венгрии и Польши. Их везли в Эдирне как заложников: султан был готов оставить отцу престол Валахии, но хотел посадить его на прочную цепь. А что может удержать прочнее, чем судьба двух сыновей, один из которых рано или поздно унаследует княжескую корону?

Раду был слишком мал, чтобы переживать из-за того, какая судьба им уготована. Неудобства, причиняемые жестким седлом,

огорчали его куда больше. А вот Влад думал о будущем постоянно и даже после утомительных дневных переходов долго не мог заснуть, разглядывая мерцающие на темном хрустале неба звезды и представляя себе, что ждет их в столице османов.

Какие они вообще, эти османы? Игнациус говорит, что настоящее имя этого свирепого народа — турки, а Османом звали их первого султана, правившего полтора века назад. Предки их пришли из бескрайних восточных степей, спасаясь от наводящих ужас монголов. Но беглецы, как показало время, были ничуть не лучше своих обидчиков. Оказавшись в безопасности на берегах голубого Босфора, они вскоре показали свою волчью природу. Сначала сожрали земли приютивших их сельджуков, потом вытеснили из Анатолии византийцев и стали подбираться к Константинополю. Лет за десять до рождения Влада огромная армия султана Мурада — того самого, к которому везли их с братом, — осадила столицу Восточной империи. Тогда натиск османов удалось отбить, но Константинополь потерял почти все свои владения, оставшись одиноким островом христианской веры посреди бушующего зеленого моря ислама.

«Они грязные варвары, — говорил Игнациус, — и злейшие враги христиан. Чтут своего пророка Магомеда и поклоняются дьяволу, которого называют “аллах”. В городах, осмелившихся им сопротивляться, они убивают всех мужчин, насилуют всех женщин, а младенцев едят живьем. Кровожадные и жестокие, они завоевывают все новые и новые земли, стремясь дойти до самого Рима. И когда их воняющие бааным жиром, обмазанные кровью воины ворвутся во дворец наместника святого Петра и зарубят его своими кривыми саблями — вот тут-то и настанет конец света».

Раду, слушая лязгающую речь ментора, втягивал голову в плечи и начинал плакать. Но Влад думал, что немец преувеличивает, выставляя османов исчадиями ада. Вряд ли отец стал бы вести переговоры с чудовищами, пожирающими детей. Наверняка что-то

человеческое в турках все-таки есть. Должно быть. Ведь им с братом предстоит провести среди них несколько месяцев...

Никто не говорил им, сколько времени займет их пребывание в Эдирне. «Это князю решать», — отрезал Данил, измученный вопросами Раду. «Вряд ли, — подумал тогда Влад. — Скорее всего, решать будет султан. А отец только поставит свою подпись под договором».

Что, если им придется «гостить» при дворе султана целый год? Год вдали от родных мест, от замка, ото Льва, который за это время забудет своего хозяина...

Подумав так, Влад тут же выбранил себя за то, что беспокоится о какой-то чепухе. Подумаешь, пес! А каково отцу? Ведь пока они с Раду будут торчать в османской столице, князь должен вести себя так, чтобы ненароком не разгневать султана. А значит, не сможет даже защитить своих подданных, если турецкие орды вновь вторгнутся в Валахию. Или сможет?

Влад представил себе отрешенное, холодное лицо отца. Представил его сильные пальцы, поглаживающие серебристого, свищающегося кольцами чешуйчатого змея — знак принадлежности к ордену Дракона. Представил, как князь разжимает тонкие бледные губы и произносит:

— Благо моего княжества для меня дороже моих детей.

Перед мысленным взором Влада проносились закованные в броню воины, суровые рыцари Карпатских гор. Подчиняясь воле князя, они вырвутся на равнину и отбросят османов, как было уже не раз в истории. А султан, разгневанный таким неповиновением, прикажет утопить княжеских детей в водах Босфора.

Отец еще не стар. Он найдет себе молодую жену, которая рождет ему сына. И тот станет наследником трона Валахии. А Влад, всю жизнь готовивший себя к судьбе господаря, будет гнить в набитом камнями мешке на дне морском.

«Нет, — думал Влад, ворочаясь на кошмарах под неуютным, пронизывающим взглядом звезд. — Я должен уцелеть и вернуться,

чтобы стать князем. Я стану притворяться и лгать, я научусь лицедействовать, как бродячий актер, и пусть османы считают меня своим другом. И даже если мой отец выступит против турок, султан не захочет лишить меня жизни, потому что я сумею вну什ить ему, что буду полезнее живым... А потом, когда я все-таки стану князем... я буду знать об османах все — все их слабые и сильные стороны. И тогда я ударю прямо им в сердце и навсегда покончу с их владычеством. И повсюду на Западе — от Рима до Кракова — люди назовут меня Владом-Освободителем».

Эти мысли были приятны — гораздо приятнее, чем досадный образ погружающегося в волны извивающегося мешка. И, думая о своей грядущей славе, Влад, третий этого имени из рода Басарбов и второй — из дома Дракул, наконец, забывался крепким, полным ярких видений сном.

2

— Смотрите в четыре глаза, ребята, — сказал Данил на следующее утро. — Перед вами одно из чудес света.

Маленький отряд поднялся на плоскую и лысую, словно старческое темя, вершину холма. Под ними расстилалась широкая, серо-стальная лента реки, закованная в темно-зеленую бронзу покрытых лесами берегов. В нескольких лигах к северо-западу на другом берегу реки возносил к голубому небу сияющие купола собор, который, как показалось Владу, был не из камня построен, а соткан из нежно-кремовых облаков. Витые башенки собора словно парили в воздухе — до того невесомыми и легкими они выглядели. Золотые кресты пылали в ярких лучах восходящего солнца.

— Это монастырь Арджеш, — пояснил гайдук. — Двести лет назад его основал Черный Князь. А строил его великий мастер Маноле и восемь других мастеров, лучше которых не было по эту сторону Карпатских гор.

— Черный Князь? — переспросил Раду, утирая тыльной стороной ладони ползущую из носа соплю. — Тот, что приходился прпрадедушкой Мирче Старому?

— Наверное, — пожал плечами Данил. — Я не очень силен в генеалогии. Мой дядя, рассказывавший мне эту историю, всегда называл его просто Черный Князь — Негру Водэ.

— Это всего лишь легенда, — проскрипел подъехавший Гуго Игнациус. — В книгах дома Басарабов нет никакого Негру Водэ. Первым владельцем этого рода, чье имя записано на пергаменте, был Токомерий, родом из куманов¹.

— Но ведь князь, построивший это чудо, жил на свете, — улыбнулся Данил. — Не так уж важно, как его звали.

— А кто такой великий мастер Маноле? — спросил Влад.

— Он был воином и зодчим, — ответил гайдук. — Сражался бок о бок с Черным Князем, когда тот покорял дикие карпатские племена. Строил для него крепости и осадные машины. А потом, когда Негру Водэ одержал свою последнюю победу и объединил всю Валахию, он велел Маноле построить самый красивый храм на земле. Но такая работа была не по плечу одному зодчему, даже самому выдающемуся. И Маноле объехал полмира в поисках других мастеров. Одного привез из Галицкой земли, другого — из самого Константинополя, третьего — из Венгрии, четвертого — из далматской Рагузы. Остальные четверо были валахами.

Негру Водэ пообещал осыпать мастеров золотом, так что они не будут нуждаться в деньгах до конца своих дней. А еще он пообещал сделать их боярами — но только в том случае, если они построят такой храм, с каким не сравнится ни один христианский

¹ Куманы — в русской истории более известные как половцы — кочевой народ тюркского происхождения, в XII и начале XIII века безраздельно правивший степями к востоку от Руси. В 1238 году разбитый монголами половецкий хан Котян бежал в Венгрию и увел с собой сорокатысячную орду. Венгры предательски убили Котяна, после чего куманы рассеялись по всей Центральной Европе.

собор на свете. Если же им не удастся этого сделать, сказал Черный Князь, он замурует их заживо в стенах собора.

— Но ведь у них получилось? — с надеждой спросил Раду.

— Не сразу. Сначала строителей храма преследовал какой-то злой рок. Все, что они строили днем, за ночь превращалось в груды камней и песка. Мастера выставляли караулы по ночам, но волшебная сила погружала их в сон, и утром они вновь видели на месте постройки одни руины. И так продолжалось месяц или даже больше.

И вот мастера устали и отчаялись. Они прекратили работать и стали думать о том, как потихоньку покинуть Валахию, чтобы избегнуть гнева Черного Князя. Маноле, которому бежать было некуда, с горя выпил цуйки и лег спать. Во сне он услышал голос, говоривший: «Чтобы постройка стала крепкой, замуруй в стене сестру или жену одного из мастеров — ту, что первой принесет мужу обед».

А надо сказать, что с каждым из мастеров приехала в Арджеш его жена. Они жили вон там, — гайдук вытянул руку с арапником, указывая на россыпь разноцветных хаток, усыпавших склон холма неподалеку от собора, — в деревне. Конечно, мастерам не понравилось то, что сказал им Маноле, и каждый поспешил тайно предупредить свою женушку, чтобы она не торопилась с обедом. Только Маноле свою жену не предупредил, зная, что она гостит в соседнем селе у тетки.

Но вышло так, что, поднявшись утром на леса, Маноле увидел спешащую к нему через поле женщину — и была то его молодая жена Анна. Она так соскучилась по нему, что вернулась из гостей раньше времени и сразу же побежала проведать мужа.

«Хорошая жена, — подумал Влад, — но глупая».

— Упал тогда Маноле на колени, — продолжал свой рассказ Данил, — и взмолился: «Господи, пусть польет ливень, чтобы Анна вернулась домой!» И Бог внял его мольбе, и ливень, каких еще не видывали Карпаты, пролился с мгновенно потемневших

небес. Но молодая женщина так хотела увидеть своего любимого, что продолжала идти сквозь секущие струи дождя.

«Пошли, Господи, сильный ветер!» — продолжал молить Маноле. И ураган, вырывающий с корнем деревья, обрушился на Арджеш. Но Анна, закрывая лицо руками, все шла и шла через поле.

И, когда очистилось небо и утих ветер, Анна, улыбаясь сквозь слезы, подошла к лесам, на которых трудились мастера. Все они — кроме Маноле, конечно, — очень обрадовались, увидев ее. Маноле же сердился на Анну и хотел отослать ее обратно, но мастера ему не позволили.

«Помоги нам, — сказали они Анне. — Мы должны сделать нишу в стене, такую, чтобы в ней могла поместиться деревянная статуя святой Анны в полный рост. Стань в нишу, а мы замуруем тебя до пояса, так что ты легко сможешь выбраться. Так мы будем знать, что в нише достаточно места для статуи».

Анна сказала: «Как решит мой муж». И Маноле хмуро кивнул.

Его жена встала в нишу, и мастера начали быстро закладывать ее камнями. Когда ряд камней поднялся выше ее груди, Анна испугалась.

«Вы говорили, что замуруете меня только до пояса, — сказала она. — Выпустите меня поскорее».

Но тут к нише подошел сам Маноле и начал ряд за рядом класть камни, замуровывая свою жену в толще стены. Анна закричала: «Маноле, Маноле, стена давит на меня слишком сильно, я умираю!» Но он не остановился, пока не положил последний ряд камней.

— И она умерла? — дрожащим голосом пролепетал Раду.

— А ты как думал? — презрительно отозвался Влад. — Кто, по-твоему, мог бы выжить в каменной стене?

— Ты прав, — сказал Данил. — Анна действительно умерла, хотя ее стоны доносились еще несколько дней. Но с тех пор постройка собора стала продвигаться быстро, и меньше чем через год самый красивый храм в Валахии был готов.

— И Черный Князь действительно осыпал мастеров золотом? — недоверчиво спросил Влад.

— Да, он сдержал слово. Он приказал набить золотыми монетами девять мешков размером с бурдюк для вина. И велел своим слугам отнести мешки на вершину недостроенной башни монастыря — вон ту, видите?

Когда же зодчие поднялись на башню по шатающимся под ветром лесам, слуги Негру Водэ подожгли просмоленные леса, и они сгорели, как пух, — быстро и ярко. И девять мастеров оказались на плоской крыше башни, на высоте трехсот локтей от земли.

Круглые глаза Раду полезли на лоб от удивления.

— Зачем он это сделал?

— Чтобы они никогда больше не построили ничего столь же прекрасного, — ответил гайдук. — У мастеров не было ничего, кроме мешков с золотом, а золото, как вы знаете, нельзя есть. Но Маноле, искусный изобретатель, нашел выход.

Данил сделал паузу, предоставив мальчишкам поразмышлять, какой бы выход нашли они из такой хитроумной ловушки.

— На крыше башни оставались еще строительные доски и инструменты. Маноле распилил их так, что получились тонкие дощечки, и сделал крылья — по два на каждого мастера. Они привязали деревянные крылья к плечам и прыгнули вниз с крыши башни.

— И спаслись? — перебил его Раду.

— Нет. Они разбились, потому что никто, кроме Маноле, не захотел расстаться со своим золотом. Тяжелые мешки с монетами потянули мастеров вниз, и легкие крылья не помогли им.

— А Маноле отказался от золота и уцелел? — не выдержал Влад.

— Он прыгнул с башни последним. Свое золото он оставил там, на крыше. И сильный порыв ветра подхватил Маноле и понес его высоко в небе, над куполами собора, который он построил. И тут Маноле вновь услышал голос, но на этот раз голос принадлежал

его мертвой жене. «Маноле, Маноле, — говорила она, — стена давит на меня слишком сильно, холодные камни сжимают мою грудь, они высасывают жизнь из меня и из нашего ребенка, которого я ношу в своем чреве». Тогда Маноле понял, что обрек на страшную смерть не только Анну, но и их нерожденного сына. Он сложил свои деревянные крылья и камнем рухнул вниз, к подножию стены, в которой была замурована его жена. С тех пор там, у стены собора, из земли бьет источник, соленый, как слезы Анны.

— Старые байки, — буркнул Гуго Игнациус. — У нас в Баварии найдется немало замков, похожими легендами.

— Это не байки, — внезапно вмешался в разговор одноглазый Деметриус Белка. — При Мирче Старом монастыре отстраивали заново после большого пожара. И в стене собора нашли женский скелет.

Теперь монастырь Арджеш уже не казался Владу опустившимся на землю розовато-белым облаком. За его украшенными затейливыми рисунками башнями и стенами скрывалось древнее зло.

— Мы теряем время, — неожиданно властно произнес княжич. — Мой отец ждет нас, а мы тут развлекаемся, слушая всякие небылицы.

И Влад первым повернул коня на юг, туда, где за цветущими фруктовыми садами и лавровыми рощами, на берегу теплого моря раскинулись шатры несметного воинства султана Мурада.

У стен Варны османов уже не было. В самом городе, правда, оставался значительный гарнизон во главе с сардаром Атабеком, но сам султан со своими плениками и гостями вернулся в столицу. От Варны до Эдирне не менее четырех дневных переходов — и то если скакать, не останавливаясь. Между тем из отпущенного Мурадом срока путешественники израсходовали уже шесть дней. Данил хотел немедленно отправляться в путь, но

сардар — тучный добродушный мужчина с неестественно ярким румянцем на пухлых, как подушки, щеках — остановил его.

— Отдохните до утра, — предложил он. — Сходите в хаммам, смойте с себя пыль и грязь дорог. Его величество султан — да продолжит Аллах его дни! — идет к Эдирне во главе войска в триста тысяч человек. Такое войско поневоле движется медленно. Если вы отправитесь в путь завтра с рассветом, то через два дня на закате догоните его величество в предгорьях Истранджа.

Гайдук, поразмыслив, согласился с доводами османа. Сам он, как и арбалетчики Белки, не нуждался в отдыхе, но оба княжича, непривычные к долгим походам, были совершенно измотаны шестидневной скачкой. Влад еще держался, а маленький Раду беспрерывно плакал и жаловался, что не может больше сидеть в жестком седле.

Сардар Атабек велел предоставить княжичам и сопровождавшему их гайдуку покой в собственном дворце. Арбалетчиков Белки — и, к радости Влада, ментора Игнациуса — разместили в казарме, примыкающей к городской стене. Дворец поражал роскошью и одновременно какой-то запущенностью — в темных углах огромных гулких залов лежала пыль, тяжелые портьеры из расшитого золотом шелка пятнали проеденные молью дыры, а в массивных бронзовых светильниках не хватало свечей. Но в гостевых покоях было чисто и приятно пахло свежестью — каменные полы сплошь усыпаны толстым слоем розовых лепестков: ноги утопали по щиколотку.

— Турецкие штучки, — презрительно хмыкнул Данил, покрывая носком сапога розовый ковер. — Не понимаю, как такие неженки сумели завоевать полмира.

Влад и сам чувствовал себя обманутым. Он ожидал встретить кровожадных, волосатых и кривоногих воинов, которые если и не едят на завтрак христианских младенцев, то, по крайней мере, наводят ужас на врагов одним своим видом. Но сардар Атабек мог навести ужас разве что на жареного каплуна, а стражники,

дежурившие в полутемных коридорах дворца, были самыми обычными людьми, отличавшимися от валахов разве что чуть более смуглым оттенком кожи. Влад спросил у Данила, все ли османы таковы, и гайдук ответил:

— Это вообще не турки.

— А кто же тогда?

— Ну, сардар, конечно, чистокровный осман. А стража в основном набрана из местных, из болгар.

— Как же сардар им доверяет? — не поверил Влад. — Ведь они же могут поднять бунт, захватить крепость и перерезать весь гарнизон!

Данил покачал головой.

— Баязид покорил болгар полвека назад. Нынешние болгари — дети тех, кто сражался с османами под Тырново и Никополем. Почти все они мусульмане, выросшие в рабстве. Такие не станут бунтовать.

Продолжить разговор им не удалось — слуги, присланные Атабеком, внесли в комнату огромные медные подносы с мисками и тарелками, над которыми поднимался аппетитный пар. Тут был бараний плов, жареные в меду перепелки, зеленые стручки фасоли в луковом соусе, маленькие голубцы, завернутые в виноградные листья (Данил сказал, что они называются «долма»), мясные шарики, сбрызнутые лимонным соком, баклажаны, фаршированные нежным кроличьим паштетом, и огромное количество сладостей. Влад за всю свою жизнь не видел такого разнообразия блюд, а уж Раду-то и подавно. Младший княжич немедленно пошел в наступление на блюда со сластями, запихивая себе в рот сочущиеся медом пирожки, ореховое печенье, какие-то полупрозрачные кубики, посыпанные розовым сахаром... Невольники, прислуживавшие им за столом, никуда не уходили, стояли у стен, готовые по первому знаку поменять тарелки или наполнить чаши с шербетом. Наверняка поведение Раду вызовет пересуды и сплетни в коридорах дворца; теперь слуги османов будут долго рассказывать о том,

какие варвары эти валахи, даже княжеские дети не умеют прилично вести себя за столом. Влад не удержался и больно пихнул брата в бок. Раду перестал жевать и немедленно захныкал.

— Не надо так, молодой господин, — негромко произнес гайдук (Влад с удивлением отметил, что он впервые за все время путешествия обратился к нему на «вы»). — Ваш брат еще очень мал, а таким детям турки прощают все.

Влад раздраженно передернулся плечами.

— Будешь есть только сладкое — попа слипнется, — сказал он брату. — Попробуй лучше мясо на палочке — оно не хуже твоего печенья и гораздо полезнее. Мужчине нужно есть много мяса.

— Не хочу! — капризно надул губы Раду. — Хочу еще таких трубочек с ореховой пастой!

Подскочивший невольник немедленно исполнил его желание. Влад фыркнул и отвернулся.

После трапезы его сморил сон, но как следует выспаться Владу не дали. За ним явилась целая делегация слуг, одетых в странные длинные халаты. С перекинутыми через плечо пушистыми полотенцами. Влада чуть ли не насильно отвели в сырой, но теплый подвал, в котором ничего не было видно из-за густого водяного пара. Там с него сняли одежду и уложили на большой плоский камень, теплый, приятно греющий кожу.

— Это хаммам, — объяснил гайдук, внезапно материализовавшийся из клубов белого пара. Вокруг узких бедер Даниила была обернута тканевая повязка, от плеча к животу шел тонкий белый шрам. — Паровая баня османов. После пары часов, проведенных в хаммаме, ты забудешь о том, что неделю не слезал с седла.

Влад недоверчиво нахмурился.

— Откуда у тебя этот шрам?

— Стычка в Урочище Ангелов, — небрежно ответил Даниил. — С венграми. Их было восемь, нас — трое.

Он наклонился, подхватил с пола кувшин с водой и вдруг окатил Влада с ног до головы. Вода оказалась ледяной.

— Эй! — крикнул Влад возмущенно. — Ты что себе позволяешь?

— Подожди, — ухмыльнулся Данил, — скоро сам попросишь, чтобы тебя облили холодной водицей.

Он оказался прав. Хотя в хаммаме было не слишком жарко, Влад очень скоро почувствовал, что покрываются липким потом. И, конечно же, захотел смыть его с себя. Данил хлопнул в ладоши, и из тумана выступил огромный смуглолицый детина, с ног до головы заросший черным курчавым волосом. Он принялся натирать Влада душистой мыльной пеной, а затем опрокинул на княжича большую лохань чистой воды. Хотя вода в лохани была такой же ледяной, что и в кувшине, Влад с удивлением понял, что его распаренному, разгоряченному телу это даже нравится.

— Теперь, по крайней мере, ты предстанешь перед отцом чисто вымытым, — одобрительно сказал Данил, глядя, как волосатый великан по второму разу растирает княжича мягкой мочалкой. — А то я боялся, как бы он не принял тебя за углежога.

Влад хотел было поставить дерзкого гайдука на место, но почувствовал себя таким счастливым и разомлевшим, что лишь презрительно усмехнулся. Банщик между тем перевернул его лицом вниз и принялся изо всех сил разминать мышцы княжича. Поначалу было больно, но постепенно напряжение, сковывавшее мускулы Влада, исчезло, уступив место блаженной истоме. Накатила дремота, перед глазами Влада потянулась бесконечная дорога, по которой монотонно стучали подкованные копыта коней. Княжича подхватила и понесла куда-то теплая река, с берегами одетыми молочным туманом.

— Не буди его, — сказал Данил банщику по-турецки. — Пусть выспится, как следует.

«Кто знает, — подумал он про себя, — когда парню удастся в следующий раз отдохнуть по-человечески».

Гайдук Данил по прозвищу Два Сердца не понялышке знал, что такая жизнь заложника. Четыре года назад Данилу пришлось

охранять венгерского графа Матуша в замке Бран. Граф был пленником Влада Дракула, причем пленником ценным — его родне принадлежали богатейшие земли в верхнем течении Дуная и золотые рудники на реке Грон. Но это не помешало князю держать ценного пленника в тесной и узкой каменной клети под самой крышей замковой башни. Дважды в день Данил приносил графу еду — тарелку просяной мамалыги и половину ковриги хлеба. Ни мяса, ни молока, ни, тем более, вина. Князь Дракул был зол на графа Матуша за то, что тот насмехался над родом Басарабов, называя господарей этого дома татарскими последышами и деревенскими губошлепами. Данил как-то сказал об этом графу, когда тот уж слишком утомил его своими жалобами.

— Но как он узнал? — недоуменно спросил венгерский вельможа. Изумление его было столь велико, что он даже перестал возмущаться. — Никто не мог донести вашему князю об этом — ведь я шутил так только в узком кругу верных мне людей!

— Моему князю не нужно пользоваться услугами доносчиков, — гордо ответил тогда молодой гайдук. — Он и так знает обо всем, что творится под небесами.

Говоря так, он лишь повторял слова своего дяди, старого кастеляна Петра Вороны. Тот с детства твердил племяннику: горе тебе, если захочешь обмануть нашего князя! Он зрит сквозь горы и воды, и нет для него ничего тайного под луной и солнцем.

Но, лишь став приближенным гайдуком князя, сражаясь с ним бок о бок, Данил узнал, что было источником легендарного всеведения Влада Дракула, о котором шептались солдаты у лагерных костров.

И сейчас, глядя на распластавшегося на теплом камне, мирно посапывающего княжича, Данил не сомневался, что его господин, сопровождающий сейчас османского султана к Эдирне, видит ту же самую картину. И рука его поглаживает серебряный амулет, надежно прикованный к прочной стальной цепочке.

Свернувшегося тугими чешуйчатыми кольцами дракона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

— Вот мои сыновья, великий султан. — Князь подтолкнул Влада и Раду по направлению к трону. — Они — самое дорогое, чем я владею. И сегодня, в доказательство своей верности дому Османа, я отдаю их под ваше попечительство.

Толмач — худосочный сутулый валах с длинными сальными волосами и слезящимися, как у больного пса, глазами — перевел чеканную речь князя на странный, плавный и полный гласных язык, похожий на волшебные заклинания, что-то вроде «кырым-бырым-шагадым».

Княжичи стояли, опустив головы и изучая узор на мраморных плитах пола. Отец строго-настрого запретил им поднимать глаза, пока султан не спросит их о чем-то.

Влад видел только огромные мягкие туфли с загнутыми кверху острыми носами. В такую туфлю можно посадить большую кошку и отправить в плавание по ручью. Интересно, подумал Влад, это у султана такие здоровенные ноги или просто османский этикет предписывает властелину носить обувь, которая подошла бы великану?

— Подойдите, дети, — произнес обладатель гигантских туфель. Голос у него был негромкий и как бы уставший. Влад, конечно, не понял бы, что он сказал, если бы не толмач.

Он сделал шаг вперед, а Раду остался на месте. Влад, по-прежнему не поднимая головы, ухватил брата за рукав и потянул на себя.

— Посмотрите на меня, дети, — велел султан.

В тронном зале было полутемно, но луч солнца, пойманный в узкое окно под высокой крышей, падал к подножию резного деревянного трона, на котором восседал грузный мужчина в роскошном, расшитом золотыми и пурпурными нитями одеянии. У султана была черная с проседью борода и остроконечные, по западной моде завитые усы. «Совсем не похож на дикого варвара, — подумал Влад. — Скорее, на толстого вельможу откуда-нибудь из дальних западных стран. Вот только этот дурацкий тюрбан...»

Тюрбан поражал воображение. В два раза больше, чем голова, которую он украшал, он был похож на пышный белоснежный цветок хлопка с золотой сердцевиной. Влад догадался, что тюрбан накручен поверх позолоченного металлического шлема. «Значит, — подумал он, — и под этими богатыми одеждами скрывается кольчуга».

Султану, видно, не понравился пытливый взгляд мальчика. Он нахмурился и произнес слово, которое толмач переводить не стал. На всякий случай Влад постарался его запомнить — что-то вроде «яврукурт».

В зале сразу же стало неуютно и холодно — словно вырвавшийся откуда-то из мрачного сырого подвала ветер легкой и быстрой рукой провел по лицам стоявших перед троном людей.

Все молчали. Султан хмуро крутил свой великолепный ус. Влад почувствовал, что в этот момент, возможно, решается их с Раду судьба.

— Великий султан, — проговорил он, смело глядя в непроницаемые кофейные глаза повелителя османов, — мы с братом прошли девять дней в седле, чтобы увидеть вас и ваш прекрасный дворец. Но если бы мы только могли представить себе истинный блеск вашего двора и мудрость вашего величества, то ехали бы в два раза быстрее и не слезали бы с лошадей вовсе.

Мурад Второй перестал хмуриться, на его полных губах заиграла усмешка.

— А парень-то красноречивей тебя, князь, — заметил он валашскому господарю. — От тебя я за всю жизнь такой лести не слышал. Что ж, мальчик, неплохо для начала — только имей в виду, что лесть должна быть не только красивой, но и правдоподобной. Если бы ты ни разу не слез с седла, пока сюда ехал, то прибыл бы в Эдирне, весь перепачканный собственными нечистотами.

Он зафыркал, развеселившись. Напряжение, царившее в зале, мгновенно куда-то исчезло.

— Вы будете жить в моем дворце, — заявил владыка османов. — Мой сын Мехмед недавно вернулся в столицу из Манисы, где постигал законы управления государством. Надеюсь, вы подружитесь.

Он щелкнул пальцами, и из тени за высокой спинкой трона выдвинулся высокий худой стариk с изможденным лицом и пышной серебряной бородой.

— Гюрани-эфенди, — обратился к нему султан, — не сочти за труд взять на себя воспитание и образование этих двух юных валахов.

Стариk резко поклонился, переломившись в пояснице — Влад даже испугался, что он сейчас упадет.

— Слушаю и повинуюсь, блистательнейший султан, — прокрипел он.

— Со всем уважением, повелитель, — громыхнул за спиной у Влада голос отца, — мы не валахи. Дом Дракул по мужской линии происходит от куманского вождя Токомерия и, таким образом, является родственным дому Османа. По женской же линии мы ведем свое происхождение от славного немецкого рыцаря Витуса Гуткеледа, основателя дома Баториев.

— Я и запамятовал, что мы родня, — благодушно усмехнулся Мурад. — Что ж, Гюрани-эфенди, ваша задача упрощается: вам предстоит обучить не двух валашских олухов, а двух наследников древней степной доблести.

По изборожденному морщинами лицу старца промелькнула какая-то тень.

— Я непременно учту это обстоятельство, блистательнейший.

— Ты можешь быть спокоен, князь Влад. — Султан спрятал распухшие кисти рук в рукава халата. — Молла Гюраны шесть лет воспитывал моего наследника Мехмеда, и воспитал хорошо.

— Я благодарен великому султану за участие, которое он принимает в моих сыновьях, — ровным голосом ответил князь. — Но я позволю себе напомнить о том единственном условии, которое...

Мураду явно не понравился такой поворот беседы. Он раздраженно махнул широким рукавом, словно приказывая валашскому господарю остановиться.

— Я помню о твоем условии. Твоих сыновей никто не станет принуждать принять истинную веру... но, если они сами захотят этого, останавливать их мы не станем.

— Слово великого султана — закон, — согласился князь. — Я уверен, что мои сыновья будут верны православию.

— Мать моего наследника Мехмеда — сербского княжеского рода, — заметил Мурад. — Она сохранила веру и обычай своего племени. И твоих детей, князь, никто не принудит.

— Я же, в свою очередь, клянусь быть верным подданным великого султана, — торжественно произнес князь Влад. — Валахия станет истинным украшением сокровищницы Дома Османа.

— Не то чтобы я не доверял тебе, — перебил его владыка всех турок, — но я уже слышал похожие клятвы. Где-то в наших архивах хранится грамота, подписанная Яношом Хуньяди и заверенная печатью венгерского короля, — там тоже написано, что рыцари Запада никогда больше не нападут на мои владения. Эта бумага, однако, не помешала вам выступить против моего сына. И, если бы я не успел принять командование на себя...

Султан явно начал гневаться. Жирная складка у него на лбу стала багровой.

— Король Владислав заявил, что клятвы, которые христиане дают неверным, не имеют силы! Но Аллах не любит обманщиков, и король нашел под Варной свою смерть. Ты понимаешь, о чем я говорю, князь?

Влад услышал, как у него за спиной отец скрипнул зубами.

— Прекрасно понимаю, великий султан. Даже если все владыки Запада пойдут войной на его величество, Валахия останется его верным союзником.

— Раз так, — сказал Мурад, поглаживая бороду, — тебе не о чем беспокоиться, князь. Здесь твои дети будут окружены любовью и заботой.

— Я рад это слышать, — уже спокойнее ответил князь. — Тем более что если с моими детьми что-то случится, отцовское сердце сразу же подскажет мне об этом.

— Ничего с ними не случится, упрямый ты человек! — раздул усы повелитель османов. — Разве что розог получат от строгого Гюрани-эфенди, так ведь розги для мальчика — что вода для цветка.

— Не хочу розог, — прошептал Раду, крепко сжав руку брата. — Этот противный старик будет сечь нас сильнее, чем Гugo Игнациус.

— Что ты там шепчешь, маленький шалун? — спросил султан.

Раду замер, словно пойманный за кражей печенья с кухни. Но Мурад уже потерял к детям всякий интерес.

— Бегите во двор, — приказал он, махнув рукой. — Поиграйте в саду. А мы с вашим отцом обсудим кое-какие детали.

— Благодарим, великий султан, — поклонился Влад и дернул Раду за рукав. — Пошли, бестолочь.

Облаченные в пышные одежды слуги султана почтительно расступились перед ними, звеня кривыми саблями. Когда дети вышли, Мурад Второй жестом приказал валашскому господарю приблизиться.

— Не хотел говорить при детях, — шепнул он на ухо князю, — но, если я узнаю, что ты или кто-то из твоих подданных выступил

против меня или моего наследника с оружием в руках, с твоих сыновей снимут кожу, набьют ее соломой и отправят в твои холодные горы.

Дворец султана был большим — больше, чем дворец наместника Варны, но на первый взгляд не таким грандиозным. Владу он показался похожим на огромный караван-сарай, в каких они останавливались по пути из Варны в Эдирне. Весь он состоял из мощенных известняком двориков, окруженных двухэтажными зданиями, стены сплошь покрывала белая штукатурка. Купола и крытые галереи, увитые плющом, таинственные узкие проходы между зданиями, фонтаны с журчащей водой образовывали бесконечный лабиринт, в котором легко было заблудиться. В первом же дворе Раду обнаружил невысокое раскидистое дерево, с ветвями, усыпанными темно-фиолетовыми, сладкими на вкус ягодами, и преисполнился решимости съесть их все — или, по крайней мере, те до которых мог дотянуться.

Влад без особого интереса пожевал ягоды, выяснил, что их сок пачкает одежду, и отправился исследовать дворец, взяв с младшего брата честное слово, что он не будет отходить далеко от дерева.

Он прошел несколько похожих друг на друга двориков и оказался на большой, вытянутой площади, окруженной невысокой стеной. Здесь стояла группа людей — то ли воинов, то ли придворных, различить их было сложно, поскольку все носили одинаково пышные наряды. Все они наблюдали за пареньком лет тринадцати, упражнявшимся в стрельбе из лука.

Мальчик был метким. Он, не торопясь, натягивал тетиву почти до уха — одним большим пальцем. Лук сгибался, как шея большой птицы. Потом слышалось гулкое — «пум-мм», — и тетива звонко хлопала по кожаной муфте, защищавшей левую руку стрелка. Плечи лука выгибались вперед, а стрела, выпущенная

из него, впивалась в вырезанную из дерева человеческую фигуру, стоявшую на другом конце площади.

Из десяти стрел девять поразили голову деревянного болвана, сделав ее похожей на дикобраза. Еще одна торчала в груди фигуры, там, где у человека располагается сердце.

Когда колчан мальчика опустел, придворные (или воины) принялись что-то громко и одобрительно выкрикивать. Некоторые приветственно гремели саблями — Влад уже понял, что у османов это распространенный знак уважения.

Мальчик, казалось, не обращал внимания на сыпавшиеся со всех сторон похвалы. Закинув лук за спину, он протолкался через толпу придворных и направился к фонтану. Бросил равнодушный взгляд на сидевшего на бортике Влада и принял умываться, бросая себе в лицо пригоршни ледяной воды.

— Хорошо стреляешь, — сказал ему Влад по-немецки. Почему-то ему казалось, что османы должны понимать этот язык.

Но юный стрелок немецкого явно не знал. Он взорвался на Влада с таким изумлением, словно у того вдруг выросли крылья.

— Альман? — нахмурившись, спросил он.

Лицо его, острое, с выдающимся вперед хрящеватым носом, приобрело в этот момент удивительное сходство с круглой, украшенной усами физиономией великого султана.

Влад помотал головой.

— Я Влад из Дома Дракул, — произнес он на родном языке. — Сын валашского господаря.

Мальчик по-птичьи склонил голову к плечу, как будто мучительно старался понять, о чем говорит его собеседник. Внезапно глаза его расширились, и он отпрянул назад, словно увидев что-то страшное за спиной Влада. Влад быстро обернулся, и в ту же секунду коварный осман изо всех сил толкнул его рукой в грудь.

Влад полетел в фонтан, подняв кучу брызг. Над площадью прокатился громкий хохот, который обжег Влада сильнее, чем ледяная вода.

Княжич вскочил на ноги — фонтан был неглубоким — и, сжав челюсти, выбрался из каменной чаши. Лучник смотрел на него с ухмылкой на птичьем лице. А толпа разряженных турок хохотала, показывая на Влада пальцами.

— Шутник, — проговорил Влад сквозь зубы. — Ну, я сейчас тоже с тобой пошучу.

Он шагнул к осману и схватил его за отвороты рубахи. Парень отшатнулся, но было поздно. Княжич припал на одно колено и перекинул противника через плечо — в точности так, как учил его старый гайдук Батя.

— Ох! — успел только выдохнуть обидчик Влада, прежде чем ноги его, обутые в мягкие сафьяновые сапожки, оторвались от земли.

Прием, который не раз приносил Владу победу в дворовых стычках со сверстниками, не подвел и на этот раз. Осман, оказавшийся неожиданно легким, взмыл в воздух и, описав красивую дугу, рухнул в воду. Насладившись триумфом Влад не успел — набежавшие со всех сторон турки повалили его на землю. Какой-то толстяк уселся на него сверху, так что княжич не мог даже вздохнуть. Бить — не били, но держали крепко.

Перед глазами Влада, прижатого к земле, мелькали ноги придворных, суетившихся у фонтана. Лучника суетливо, мешая друг другу, вытаскивали из воды. Наконец вытащили — Влад увидел промокшие насовсем сафьяновые сапожки. Сапожки приблизились.

Княжич явственно представил себе, как мокрый острый носок сапога врезается ему в глаз, и непроизвольно зажмурился. Но удара не последовало.

— Отпустите его, — приказал обладатель мокрых сапог. Он произнес это на языке османов, но Влад каким-то образом понял. Турок, сидевший у него на спине, мгновенно поднялся на ноги, едва не раздавив при этом Влада. Кто-то подхватил княжича под мышки, помогая встать.

Вода стекала с лучника ручьями, длинные волосы сбились в мокрый колтун. Но он выглядел совершенно спокойным, и в темно-коричневых глазах его не было видно гнева.

Он коротко что-то сказал толпящимся вокруг придворным. «Пошли вон», — предположил Влад и не ошибся — пышно одетые турки, кланяясь и пятясь, поспешили покинуть площадь. Через минуту у фонтана остались лишь Влад и похожий на вымокшего, взъерошенного вороненка лучник.

— Я — принц Мехмед, — сказал он на немецком языке. У него был сильный акцент, но Влад его понял. — Я второй после отца человек в государстве. Ты... чужеземец... неверный... ты бросил меня в фонтан! Тебе нужно отрубить голову!

— Сначала ты бросил меня в фонтан, — возразил Влад. — А я тоже второй человек у себя в княжестве.

Принц Мехмед немного подумал и неожиданно рассмеялся.

— Точно! Значит, мы оба — принцы и оба искупались в этом фонтане!

Он подошел к каменной чаше и с силой ударил ладонью по воде, будто мстя ей за свое унижение.

— Нарекаю тебя «Фонтан Принцев»! — и расхохотался еще сильнее.

Влад тоже улыбнулся — не столько потому, что его рассмешила шутка османа, сколько от облегчения.

— Ты будешь заложником, как я слышал? — спросил Мехмед, отсмеявшись.

— Да. И мой младший брат — тоже.

— Отлично! Мы сможем вместе охотиться. Ты ведь охотишься, неверный?

Влад кивнул. Отец брал его на охоту с семи лет, а с десяти начал учить обращаться с ловчими соколами.

— Но мне не нравится, что ты называешь меня «неверный», — сказал он, тщательно подбирав слова. — Мое имя — Влад.

— Но ведь ты же не мусульманин? — удивился Мехмед. — Значит, неверный. А мне вот не нравится, что мы разговариваем на этом дурацком языке алеманов. Ты не знаешь нашего языка, ведь так?

— Только несколько слов: хаммам, экмек, ат¹.

— Этого слишком мало, — заявил принц. — Я хочу, чтобы ты выучил язык османов и говорил на нем свободно. Тогда мы сможем дружить.

— Дружить? — переспросил Влад.

— Да. У меня, видишь ли, нет друзей.

— И у меня нет. Отец говорит, что у князя друзей быть не может.

— Мой отец говорит то же самое, — вздохнул Мехмед. — Но если ты принц...

— Я еще и заложник, — напомнил Влад.

Минуту оба мальчика молчали, изучая друг друга.

— А ты здорово дерешься, — сменил тему Мехмед. — Научишь меня этому броску?

— Конечно, — пожал плечами Влад. — На самом деле он простой. А у вас что, не любят бороться?

— Еще как любят! — с жаром воскликнул принц. — Османы всегда славились своими богатырями. Но меня, понимаешь, никогда не учили борьбе. Гаким-эфенди² сказал, что у меня хрупкие кости, поэтому я упражняюсь в основном в стрельбе из лука.

— Для некоторых приемов особая сила не нужна, — повторил Влад слова старого гайдука Бати. — Только ловкость и быстрота. Ну-ка, становись вот сюда. Смотри — допустим, я собираюсь тебя ударить...

¹ Баня, хлеб, конь (*tur.*).

² Гаким-эфенди — «главный врач» при дворе султана, должность, соответствующая европейскому лейб-медику.

— Только осторожно, — предупредил Мехмед. — Если кто-то из этих придворных собак подсматривает за нами — а я уверен, что так оно и есть, — они могут донести моему отцу, что ты меня бьешь, и тогда тебе не поздоровится.

— Они и так расскажут ему про фонтан, — усмехнулся Влад, — но ты не бойся, бить я тебя не стану. Просто покажу, что нужно сделать, чтобы удар противника не достиг цели...

В тот день сын валашского господаря научил наследника турецкого султана не только приему, позволявшему бросать противника через себя, но и весьма популярной в Карпатах игре в семь камешков, для которой требовалась исключительная сноровка и прекрасная реакция. Мехмед, стойчески переносивший проигрыш за проигрышем, пришел в бешеный восторг, когда ему наконец удалось выбить все семь камней Влада своим битком.

Расстались они только поздно вечером — и то лишь потому, что за принцем явился посланец самого великого визиря, который принял долг и нудно объяснять ему что-то по-турецки.

— Мне надо идти, — со вздохом сказал Мехмед новому товарищу. — Государственные дела. Но обещай, что завтра мы снова встретимся!

— Обещаю, — улыбнулся Влад. Подумал и добавил: — Обещаю, друг.

3

Князь Влад Дракул, расстегнул тугой кожаный дублет и уселся в кресло, вытянув длинные ноги. В комнате было почти темно, только трепетал огонек одинокой свечи на дубовом столе. Но князю не нужен свет.

Он прикрыл глаза. Веки жгло, как после песчаной бури. Мерцали золотые искорки, плавали багровые пятна. Где-то под сводом черепа гулко бухал тяжелый бронзовый колокол.

«Устал я, — подумал князь. — Рабское ярмо вдвойне тяжелее, если надето на человека, рожденного быть повелителем».

Вернувшись из Эдирне в свою карпатскую резиденцию, князь долго не показывался людям. Запершись у себя в башне, принимал только кастеляна Ворону да командира домашней стражи Стефана Стана. А по всему kraю крестьяне и ремесленники, воины и торговцы, виноградари и рыбаки поднимали чаши с вином за здоровье великого князя, даровавшего Валахии мир и избавившего ее от кровожадных османов.

Но никто из них не догадывался, какую цену пришлось заплатить Владу Дракулу за этот хрупкий мир. Хрупкий — потому что он мог рухнуть в одно мгновение, стоит только неистовому Яношу Хуньяди вновь выступить против османов. А Хуньяди явно собирался это сделать — этот венгерский магнат никогда не скрывал, что намерен создать собственное королевство на приграничных землях. А для этого нужно было отбросить турецкие полчища за Босфор.

«Если начнется война, — думал князь, — мне придется выступить на стороне султана. Иначе Мурад убьет моих сыновей.

А дальше события могут пойти двумя разными путями, словно дорога, обтекающая холм. Если султан вновь одержит победу — что более чем вероятно, — на моих руках будет кровь христианских воинов. Пусть католиков, но все же христиан. И вряд ли патриарх в Константинополе сочтет это веской причиной, чтобы не отлучать меня от церкви...

Если же султан проиграет... тогда яростные крестоносцы Хуньяди пройдут по землям Валахии огнем и мечом. И моим сыновьям вряд ли посчастливится пережить своего отца».

Со стороны казалось, что князь дремлет. Но он не спал, просто глубоко погрузился в свои невеселые думы. Сильные пальцы его сжимали серебряную фигурку дракона, полученную когда-то от императора Сигизмунда.

«Теперь ты рыцарь ордена Дракона, — сказал ему тогда император. — И будешь носить его знак до самой своей смерти».

И собственноручно надел на шею валашского господаря крепкую стальную цепочку с диковинным амулетом.

«Помни, рыцарь, — в глазах старого императора князю почудилась усмешка, — это не простой знак. С помощью данного талисмана ты сможешь узнавать все, что тебе будет нужно, — о твоих друзьях или врагах. Но не пытайся делать это слишком часто — дракон не только дает знание, но и берет за него плату».

Долгие годы валашский князь следовал совету своего императора и обращался к серебряному зверю только в случае крайней необходимости. И каждый раз ему приходилось платить за то, что он видел, мучительной головной болью и невыносимым жжением в глазах. Но все равно он оставался в выигрыше — дракон показывал ему, как обходить засады и избегать ловушек, расставленных врагами. Вплоть до последнего времени, когда князь, забыв об осторожности, почти каждую ночь прибегал к помощи талисмана, чтобы узнать, что происходит в ставке повелителя османов.

Сегодня дракон показал ему выступающую в поход армию. Султан Мурад двинулся на греческую Морею, чтобы принудить к покорности ее деспота, Константина Палеолога. Огромное войско, насчитывающее, по меньшей мере, две тысячи человек, выступило из Эдирне на рассвете. Впереди колыхались привязанные к длинным пикам желтые и красные флаги. Пики держали облаченные в пышные одежды гвардейцы на великолепных белых лошадях. Следом шли артиллеристы, вооруженные тяжелыми аркебузами и кривыми саблями. Затем — пехотинцы, представлявшие собой весьма пеструю и нестройную толпу. А за ними двигались блестящие, поражающие воображение кавалеристы-сипахи, потомки легендарных степных наездников, подобные мифическим кентаврам. Как герои Древней Эллады, они носили шкуры леопардов и умели стрелять на полном скаку так быстро, что расходовали полный колчан стрел за одну минуту. За спинами их командиров развевались огромные крылья — легкие, почти невесомые конструкции, украшенные множеством разноцветных перьев.

Сипахи ехали не спеша, и их длинная колонна, выползавшая из западных ворот Эдирне, казалась бесконечной. Но вот и последние отряды конницы скрылись за поворотом ведущей к Конинфскому перешейку дороги, и тут, к восторгу толпившихся у обочины зевак, из-за городских стен показался еще один вооруженный отряд — янычары. На языке османов это означало «новое войско». В отличие от кавалеристов-сипахи, которые были турками и мусульманами по рождению, янычары это детьми балканских пастухов и земледельцев, отрекшиеся и от своих родителей, и от их веры.

По мнению князя Влада, это было самое коварное и самое действенное изобретение османов. Почти сто лет назад великий визирь султана Мурада Первого, Чандарлы Кара Халил паша придумал брать с покоренных христианских народов страшный налог кровью — *девширме*. Раз в три года в балканские и греческие деревни отправлялись сборщики живой дани, забиравшие самых лучших мальчиков из христианских семей для службы султану. Обычно брали мальчиков, достигших восьмилетнего возраста, и подростков до шестнадцати лет — но бывали и исключения. Всем отобранным делали обрезание и обращали в ислам — разумеется, мнения самих мальчиков при этом не спрашивали.

У попавших в сеть *девширме* мальчишек было два пути: их либо отправляли в села и городки Анатолии — той части империи османов, которая располагалась к югу от Босфора, — где они работали, набирались сил и учились говорить по-турецки, либо же зачисляли в одну из дворцовых школ, где они попадали под начало славившихся своей жестокостью «белых евнухов».

Обучение в этих школах было суровым испытанием — помимо многочисленных наук, мальчиков учили искусству смирять свои страсти, быть почтительными, соблюдать тишину, кланяться старшим, не поднимать головы при разговоре с вышестоящими, а за малейшее несоблюдение правил и законов наказывали палками. Зато по окончании обучения молодых *капыкулу* — рабов

султана — отправляли в провинции на важные должности, ведь тот, кто умеет подчиняться, способен и хорошо управлять.

Но тех, кто становился государственными чиновниками, было меньшинство. Большая же часть оторванных от своих семей, лишенных веры предков мальчишек пополняла огромную армию османов, образуя корпус янычаров, или «нового войска». Янычары жили в просторных казармах, ели и спали вместе, с самого первого дня беспрекословно подчиняясь правилам и традициям своего полка. Новобранцы должны были приносить клятву верности своим товарищам и султану на Коране, соли и сабле — после этого им выдавались кишащие вшами матрасы, на которых они спали первый год своей службы, учась переносить тяготы армейской жизни. Они должны были стирать одежду своим старшим товарищам, чистить им сапоги и готовить еду. Постепенно поднимаясь по невидимой лестнице, молодые янычары сами обзаводились слугами из числа новобранцев и получали все больше прав и денег — некоторые из них становились очень состоятельными людьми. Однако до самого конца службы (а пенсия полагалась только старым иувечным янычарам) им строго-настрого запрещалось жениться. Семей янычара был его полк, и в полк переходило его имущество и все его деньги, когда янычар погибал на поле битвы¹.

¹ Так обстояли дела в годы, предшествовавшие переносу столицы в Константинополь. Позже система обучения самых способных «чужеземных мальчиков» («аджиме огланы») была значительно усовершенствована. Первый этап подготовки по-прежнему проходил в казармах Эдирне, однако затем показавшие наилучшие результаты выпускники учились еще семь курсов, или ступеней обучения, в своеобразном «военном университете» Эндерун, располагавшемся во дворце Топкапы в Константинополе. В программу Эндеруна входили основы исламской религии и культуры, языки (турецкий, арабский и персидский), а также бег, борьба, прыжки, стрельба из лука и т.д. Три высшие ступени Эндерун — «Палата эконома», «Казначейская палата» и «Личные покой» — были организованы тем самым вредным носатым принцем, которого Влад швырнул в фонтан, — Мехмедом Вторым. Из учеников последней ступени формировалась личная охрана султана.

Пехота янычар, которую князь видел глазами своего серебряного дракона, представляла собою странное зрелище. На них не было никаких доспехов, а все оружие их составляли кривые сабли и маленькие топоры или лопатки, заткнутые за широкие кушаки. Эти топоры и лопатки могли рассмешить человека несведущего, но князь хорошо помнил, какую роль они сыграли при штурме Константинополя, когда сто тысяч янычар принялись одновременно вырубать рощи, закрывавшие подступы к городским укреплениям, и рыть подкопы под стены Вечного города. Тогда только заступничество Пречистой Богородицы спасло Константинополь, но многие города, не заслужившие помощи с небес, пали под ударами янычарских лопаток.

За толпой янычар следовало еще одно войско, игрушечное — чернокожие невольники несли на своих плечах сколоченные из досок платформы, на которых стояли деревянные пушки и маленькие деревянные галеры с куклами в пышных тюрбанах. Парад этот служил исключительно для развлечения толпы. Поднимать патриотический дух должны были и дервиши — оборванные, с безумными глазами, они пели, плясали и кружились вокруг своей оси, предсказывая войску султана новые блестящие победы, а полчищам неверных — горечь и позор поражения.

Наконец, замыкали эту фантастическую армию высшие сановники империи — великий визирь, великий муфтий и сам султан, окруженный блестящей конницей. Лучшие скакуны империи накрытые спускавшимися до земли попонами, расшитыми золотом, и стремена у них тоже были позолочены. На огромном, свисающем на плечи белоснежном тюрбане Мурада Второго колыхался роскошный плюмаж из перьев цапли.

А за отрядом отборных телохранителей султана, мыча, ревя и роняя слону, двигались тысячи верблюдов и волов, тащивших тяжелые пушки. Обоз тянулся на много лиг, и последние его арбы и телеги скрылись из виду, когда солнце уже садилось за вершины западных холмов.

Все это князь видел так отчетливо, словно наблюдал за движением войск с площадки одного из минаретов Эдирне. Тонкий, как кипарис, минарет пронзал темно-синее небо Румелии¹, на котором уже высипали первые звезды. На его ажурном балконе, изукрашенном голубыми и золотистыми изразцами, стояли, обнявшись, два темноволосых мальчика, глядя вслед уходящей армии.

Один из этих мальчиков был его сыном.

¹ Румелия — европейская часть империи османов, преимущественно Балканы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Весною 1446 года от Рождества Христова, или 824 года Хиджры, двое неразлучных друзей — наследник сultана Мехмед и наследник валашского господаря Влад — сидели в кофейне Кривого Шарифа и смотрели представление о Карагезе и Хадживате.

Это было куда интереснее, чем слушать хафизов, часами цитирующих Коран. Хафизы — мудрые люди, всю жизнь заучивавшие наизусть священную книгу, — по очереди демонстрировали свое искусство в мечетях, на базарах, в кофейнях и во дворцах. Во дворце сultана они бывали чаще, чем в других местах, — ведь всем известно, что великий сultан Мурад Второй отличается крайним благочестием. Ни один чтец не уходил из дворца без щедрой награды, поэтому хафизы даже соревновались за право выступать перед лицом повелителя правоверных. А значит, и перед лицом его наследника, Мехмеда. А где наследник, там и его верный друг-христианин. Неверному слушать хафизов не возбранялось — османы вообще были на удивление терпимы к чужеземцам, исповедующим иную религию. Им даже мечеть посещать разрешали — нужно было только одеться так, чтобы с виду ино-верец напоминал мусульманина. В результате за два года, проведенных при дворе сultана, Влад выучил Коран наизусть — причем по-арабски, потому что хафизы цитировали стихи священной книги на языке пророка Магомеда.

К своим пятнадцати годам Влад, помимо родного славянского¹ и латыни, а также полузабытого немецкого (Гуго Игнациус

¹ В описываемое время государственным языком Валахии был язык, очень близкий к древнерусскому.

давно отбыл в родную Саксонию, не выдержав конкуренции с хитрым и злым Моллой Гюрани), свободно говорил на турецком и арабском. Оказалось, это не так уж и сложно — разве что для правильного арабского произношения приходилось сильно напрягать горло — гортанные и хриплые звуки этого красивого, в общем-то, языка давались Владу с трудом.

Но зато он больше не чувствовал себя в Эдирне чужаком. Теперь никто не смеялся у него за спиной, не отпускал шуточек в надежде на то, что заложник-христианин ничего не поймет. А сам Влад слышал и запоминал многое, что могло бы ему пригодиться в будущем.

В том будущем, в котором он сидет на трон Валахии и будет вести дела с султаном Мехмедом.

Он часто думал о том, прекратится ли их дружба после того, как он вернется домой. А в том, что он вернется, Влад не сомневался. Князь Дракул за все эти годы ни разу не вызывал у Мурада не то что гнева, но даже и малого раздражения. Валахия исправно платила Дому Османа дань, поставляла воинов для новых походов империи в Грецию и Сербию, а когда злейший враг турок Янош Хуньяди начал собирать войска, чтобы отомстить султану за поражение при Варне, валашский господарь пленил его и заточил в сыром подвале под Часовой башней в Сигишоаре. Правда, через несколько месяцев Хуньяди из подвала куда-то исчез, поскольку венгерские магнаты отправили в Сигишоару под охраной сотни отборных латников две телеги, груженные золотом и серебром. Но султан и тогда не рассердился на князя: он хорошо понимал, что на телегах с золотом может сбежать даже без ногий.

Влад благоразумно не спрашивал, когда же их с Раду отпустят домой. Конечно, Мураду Второму наверняка было все равно, хотят валашские заложники вернуться в родные Карпаты, или же им и в Эдирне неплохо. Но он относился к Владу и Раду с доброжелательным равнодушием — по крайней мере, пока они оставались

друзьями его сына и наследника, — и это отношение не стоило подвергать испытанию.

К тому же, если честно, Владу было интересно в Эдирне. Он даже полюбил этот древний город, где еще сохранились развалины римских построек времен императора Адриана. Повсюду сквозь торопливую османскую кирпичную кладку проглядывали мощные византийские стены. Но в турецких дворцах, галереях, лавках и двориках тоже была своя прелесть. Высокие — выше замковых башен — минареты, облицованные голубым и белым глазурованным кирпичом, с балконов которых созывали правоверных на молитву бородатые муэдзины. Сады, окружавшие дворец султана — роскошные и таинственные. Правда, Мехмед считал, что все сады в Эдирне не стоят и одной лавровой рощи Манисы, где наследник престола провел несколько лет.

— Разве это город! — кипятился принц, когда Влад неосторожно хвалил при нем ту или иную достопримечательность Эдирне. — Если бы ты видел Манису! Какое там небо! Какие горы! Какие пруды и источники! А какие девушки, о! Изящные, как газели, сладкие, как мед...

— Послушай, — сказал ему как-то Влад, — я охотно верю, что Маниса — прекрасное место, но как ты можешь судить о ее девушках? Тебе же было двенадцать лет!

— Во-первых, тринадцать! И не забывай, что я почти год был настоящим султаном! А султану положен целый гарем, если хочешь знать!

К этому моменту Влад уже не раз слышал историю короткого правления Мехмеда — принца, ставшего султаном и опять разжалованного в наследники. Когда Мехмеду исполнилось двенадцать лет, Мурад Второй, устав от тягот правления, решил удалиться на покой. В Манису прискакал гонец с султанским фирмаком, назначавшим мальчика правителем огромной империи.

— Конечно, мне помогал править регентский совет, — нехотя признавал принц. — Но входившие в него придворные всегда были очень почтительны и исполняли все мои повеления.

Если верить Мехмеду (а Влад благоразумно делал вид, что верит каждому слову своего друга), тот год, что он правил империей, был годом сплошных радостей и наслаждений. Юный султан проводил время на охоте и в гареме, где его услаждали лучшие девушки всех покоренных османами стран.

— Ты попал к нам не в лучшее время, друг мой, — говорил он Владу, завистливо поглядывая на высокие окна отцовского сарая, — если бы я сидел сейчас на троне Дома Османа, то подарил бы тебе вторую красавицу своего гарема. Первую, как ты понимаешь, я оставил бы себе.

— Разумеется, Мехмед, — смеялся Влад. — А скажи мне, кто были эти красавицы — первая и вторая курицы твоего курятника?

— Курицы! — возмущенно фыркал принц. — Первой, без сомнения, была берберка из племени амазахов. Ух, какая горячая! Как дикая кобылица! А второй — ну, той, которой я бы с тобой поделился, — была черкешенка с волосами черными, как деготь, и грудью полной и упругой, как... как...

— Как мешок, набитый брынзой! — хохотал Влад. — И правда, жаль, что ты всего лишь наследник престола и Молла Гюраны лупит тебя своей палкой безо всякого почтения, так же как и меня!

К оливковой коже принца приливалась кровь, и он бросался на Влада с кулаками. Больше всего на свете Мехмед не любил, когда ему напоминали о его нынешнем положении. Когда Хуньяди подговорил короля Владислава Ягеллона обрушиться на империю, управляемую безусым мальчишкой, регенты, погрязшие в интригах и казнокрадстве, советовали запросить у врагов мира, отдав Ягеллону часть земель Румелии. Но Мехмед, несмотря на юный возраст, твердо знал, что земли, однажды завоеванные османами, неверным возвращать нельзя. Однако надежды победить такого сильного противника, как Хуньяди, у него тоже не было.

И тогда он попросил помочь у отца.

Мурад Второй, наслаждавшийся покоем в садах Манисы (став султаном, Мехмед вынужден был перебраться в Эдирне, и отец

с сыном поменялись местами), согласился не сразу. По-видимому, он считал, что война с христианами станет для его наследника хорошим экзаменом. Но в это время в горах Албании поднял восстание бывший воспитанник Мурада Георгий Кастроити, прозванный Скандербегом. Поводом, как часто случается, стал сущий пустяк: в родном городе Скандербега, Круе, кто-то из турецких солдат затащил в свою палатку красивую албанскую девицу. Девица подняла крик, прибежавшие на помощь братья избили солдата, а турки порубили их кривыми саблями. В ту же ночь вспыльчивые жители Круи вырезали весь османский гарнизон и отправили посольство к Скандербергу с просьбой о защите.

Бейлербей Румелии, входивший в регентский совет юного султана, послал против Круи карательную экспедицию. Круя — хорошо укрепленная крепость на вершине горы — закрыла ворота и подготовилась к осаде. Пятидесятитысячная армия, которая очень пригодилась бы Мехмеду в приближающейся войне с королем Владиславом, застrella в албанском захолустье.

Скандербег с большой охотой пришел бы на помощь Круе, тем более что там находился его родовой замок. Но сил у него было немного — тысяча тяжелых кавалеристов, пять тысяч пехотинцев и тысячи две лучников. Формально эти воины находились на службе у Дома Османа, и до происшествия в Круе султан вполне мог на них рассчитывать. Но безымянный турецкий сладострастник спутал Мехмеду все карты. Скандербег публично отрекся от мусульманской веры, принял католическое крещение и объявил великий освободительный поход против османов. Через неделю его войско увеличилось в пять раз, правда, в основном за счет плохо вооруженных албанских крестьян. А потом Скандербег взял и заключил договор с венгерским демоном Хуньяди.

Мурад Второй хорошо знал, чего можно ожидать от воинственного албанца. Решив, что против двух серьезных противников его сын, пожалуй, не выстоит, он согласился помочь Мехмеду.

Прежде всего он договорился с генуэзцами, и те предоставили ему свой огромный флот. То, что корабли генуэзцев были торговыми и плохо подходили для ведения боевых действий, Мурада не смущало: ему, в конце концов, требовалось лишь перебросить через пролив огромную анатолийскую армию. Когда Мурад подошел к стенам Эдирне, за которыми прятался его сын, приведенное им войско покрыло равнину перед городом, подобно стае саранчи.

А дальше произошло то, о чем Мехмед предпочитал не упоминать. Армия — как та, что защищала Эдирне, так и пришедшая с Мурадом — пожелала возвращения на трон старого султана. Янычары, разбившие лагерь под окнами дворца, пили бузу, били в огромные барабаны, жгли факелы и орали в десять тысяч глоток: «Не хотим сосунка!»

Мурад Второй почтительно пригласил сына к себе в покой. Подвел к окну и отдернул занавеску.

— Они не пойдут за вами, ваше величество, — сказал бывший султан. — Месяц назад пошли бы, но сейчас никто из них и шага не сделает по вашему приказу. По их разумению, вы струсили.

— Но я не вовсе не трусил! — гневно возразил Мехмед. — Просто эти дармоеды из регентского совета готовы были отдать венграм половину наших владений, чтобы только не воевать. Я не мог оставить у себя за спиной этих предателей.

— Вы поступили правильно, ваше величество. Но, боюсь, из создавшегося положения есть лишь два выхода. Либо вы подавите бунт янычарского корпуса силой, пролив реки крови и уничтожив самую боеспособную часть вашей армии, что передвойной с христианами крайне неразумно. Либо вы уступите мне трон, и янычары, чье желание видеть во главе империи своего старого повелителя, очень скоро разобьют полчища неверных во славу Дома Османа.

После долгих колебаний Мехмед вынужденно согласился. За его спиной не было никого, кто подталкивал бы его к сохранению

верховной власти. Мать его, Хюма Хатун, уже умерла. Великий визирь Джандарлы Халиль-паша был предан Мураду Второму и недолюбливал Мехмеда. Регентский совет состоял из трусов и бездельников. Друзьями юный султан тоже не обзавелся.

Все формальности утрясли за два дня. Верховный муфтий с вершины минарета Мечети Трех Балконов провозгласил, что султан Мехмед отрекается от власти в пользу отца. Народ воспринял новость с недоумением, янычары — с восторгом. Мурад Второй вновь стал султаном, Мехмед — наследником (с неопределенными перспективами, поскольку несколько женщин в отцовском гареме снова были беременны). После поражения рыцарей короля Владислава под Варной опасность, нависшая над империей, если не исчезла, то, во всяком случае, отодвинулась. Но Мурад не выраживал ни малейшего желания вновь удаляться в сады Манисы.

Все это Влад узнал не от самого наследника. Как-то раз об этих событиях неосторожно обмолвился Молла Гюраны, а остальную картину княжич сложил по крупицам из обрывков подслушанных разговоров, дворцовых сплетен и болтовни служ.

— А почему бы нам самим не съездить в Манису? — спросил как-то Влад. — Если там так хорошо, как ты говоришь?

Но, видимо, принц не мог так просто взять и уехать из Эдирне, потому что вместо того, чтобы с восторгом подхватить предложение друга, он начал что-то невразумительно бормотать про традиции, которые предписывают наследнику престола неотлучно находиться при правящем султане. Почему традиции не предписывали ему этого в возрасте тринадцати лет, Влад так и не понял.

Сегодня, глядя на представление кукольного театра, Влад снова вспомнил о том разговоре. Карагёз и Хадживат спасали красавицу-принцессу Будур, заточенную в высокой башне. Эта башня была сложена из особого камня, который добывался только в окрестностях Манисы. Там его когда-то и обнаружили местные пастухи, чьи подбитые железными гвоздями сандалии стали

липнуть к тяжелым черным камням¹. Коварная башня притягивала к себе стальные доспехи и оружие воинов, которые пытались освободить принцессу, и те прилипали к стенам, словно мухи к клейкой бумаге.

В отличие от прославленных воинов, полагавшихся на свою силу и острые сабли, Карагёз и Хадживат решили спасти принцессу хитростью. Хадживат пел под окном башни печальные любовные песни, в то время как плут-Карагёз привязывал к длинной веревке железную подкову. Потом попробовал забросить ее на верхушку башни, но тяжелая веревка раз за разом падала на него и больно била по голове. Народ в кофейне находился от хохота.

В конце концов Карагёзу все-таки удалось забросить веревку прямо на подоконник принцессы, и там подкова накрепко присосалась к черному камню. Теперь Будур могла спуститься по веревке прямо в объятия Хадживата, но не спешила этого делать, потому что, как выяснилось из ее монолога, ужасно боялась высоты.

«Ничего, — сказал Карагёз своему другу, — я ее уговорю». И полез вверх по веревке. Хадживат остался внизу распевать свои унылые бозлаки².

Карагёз добрался до окошка, счастливо избежав когтей и клюва обитавшего на верхушке башни орла. Перевалился через подоконник: перед зрителями мелькнул его обтянутый синими шароварами зад и красные туфли. Потом на несколько секунд из окошка показалась черная окладистая борода, Карагёз махнул рукой своему другу — все, мол, в порядке! — и исчез в комнате принцессы.

Хадживат некоторое время пел, аккомпанируя себе на лютне, но вскоре принял озабоченно поглядывать вверх. Ни принцессы,

¹ Само слово «магнит» происходит от греческого варианта названия «Магнесия» — «Магнесия».

² Бозлак — турецкая любовная песнь, почти то же самое, что серенада.

ни Карагёза видно не было. Зрители начали посмеиваться. Хадживат попробовал подняться по веревке, но тут из окна высунулась рука Карагёза и втянула веревку в комнату. Хадживат в ужасе вцепился в свою остроконечную бородку и заметался у подножия башни.

Пока он там бегал, за ширмой из белоснежной просвечивающей бумаги (ибо османский театр был театром теней) сменились декорации, и глазам зрителей предстали покой Будур, большую часть которых занимала огромная кровать. Покои освещались весьма скучно, потому что кукольникам совсем не хотелось быть обвиненными в безнравственности. Тени Карагёза и принцессы то сближались, то отдалялись друг от друга, так что зрителям оставалось полагаться только на свое воображение. Впрочем, репутация Карагёза — любимца женщин и обладателя огромного мужского достоинства — не позволяла усомниться в том, что Будур в конце концов окажется в его объятиях.

Мехмед неожиданно толкнул Влада острым локтем в бок.

— Я знаю одну такую башню, — прошептал он ему на ухо.

— В Манисе? — шепнул в ответ Влад.

На мысли о Манисе его навел черный камень, из которого была сложена башня. Но принц отрицательно покачал головой.

— Здесь, в Эдирне. Недалеко, в паре лиг за городом.

— И что, там тоже живет прекрасная Будур?

Но тут на них зашикали посетители кофейни, и Мехмед только многозначительно поиграл бровями.

Дождавшись конца представления (Карагёз спустился по веревке вместе с принцессой, причем Будур нежно обвивала прелестными ручками его шею, а Хадживат сидел на земле и рвал волосы из бороды), Мехмед и Влад расплатились и вышли на улицу.

Был прекрасный весенний вечер. Над крышами Эдирне уже сгущались сумерки, но отблески заходящего солнца играли на позолоченных куполах Мечети Трех Балконов — Юч Шерефели.

В воздухе был разлит аромат шафрана, бледно-сиреневые цветы которого в изобилии росли между домами.

— Так кто живет в той башне, о которой ты вспомнил во время спектакля? — небрежно спросил Влад, не подозревая, что этот разговор станет камешком, которому предстоит столкнуть лавину событий в ущелье его судьбы. — Тоже какая-нибудь черкешенка с полной и упругой грудью, а?

— Если честно, я не знаю, — признался Мехмед. — Я эту башню видел только издалека, когда на охоту ездил. Давно, года два назад. Забыл уже про нее. А сейчас вот посмотрел на Карагёза — и вспомнил.

— Так чего же мы ждем? — подмигнул другу Влад. — Отправимся туда, да и посмотрим, кто живет в загадочной башне.

В пятнадцать лет кровь горяча, а в голове — ветер. Друзья с легкостью изменили свои планы на вечер (которых, если честно, у них и не было — они хотели просто весело провести время) и оседлали своих лошадей, привязанных к высокому деревянному столбу.

В Эдирне в ту пору действовал строгий закон, запрещавший ездить по улицам города верхом для собственного удовольствия. Городская стража могла остановить любого всадника и потребовать предъявить фирман, подписанный великим визирем. Если же такого фирмана у всадника не было, у него могли с полным основанием отобрать коня. Поэтому-то в столице османов и не наблюдалось большого количества всадников — особенно в дни войны, когда кавалеристы-сипахи (которым разрешения не требовалось) находились далеко от города.

Но у принца Мехмеда, разумеется, фирманс имелся. Причем подписан не визирем, а самим султаном. Да если бы и не было — принца в столице прекрасно знали в лицо.

Поэтому друзей никто не стал останавливать. Они пронеслись по пустынным улицам Эдирне и, быстрые, словно стрелы, вылетели за северные ворота, в старые времена называемые Готскими,

а теперь Куле-Капыс — «Врата Башни». Стоявшие у ворот стражники едва успели отскочить в сторону, громыхнув тяжелыми се-кирами.

Мчащиеся бешеным галопом кони пронеслись сквозь холодную тень, падавшую от построенной на высоком холме мечети Мурадийе. Обычно рядом с мечетью всегда толпился народ — кто-то приходил послушать святого шейха, жившего в *текке*¹ неподалеку, кто-то — посмотреть на знаменитых кружящихся дервишей, последователей великого учителя Руми. Дервиши обитали в большом, красиво отделанном синей терракотой здании, стоявшем в глубине лимонной рощи.

Но сейчас ни у монументального куба Мурадийе, ни на вытоптанной площадке перед рощей дервишней не было ни души. Джума² — день, когда после полуденного намаза правоверные предавались отдыху, отгоняя прочь все заботы и тягостные помыслы. Для этого даже существовало специальное слово — кейф. По словам Гюрани-эфенди, в мусульманском раю все праведники вечно находятся в состоянии кейфа — вдобавок каждому прислуживают семьдесят две гурии, потупляющие взоры, большеглазые, подобные оберегаемому яйцу.

— А что такое — оберегаемое яйцо? — не вытерпел Раду и тут же получил палкой по плечам. Перебивать наставника воспитанникам запрещалось.

— Это значит, что они белокожи, словно яичная скорлупа, и утонченны, — снизошел до ответа Молла Гюрани. — Гурии в раю — словно рубины и кораллы. Человек взглянет на лицо гурии и увидит собственное отражение в ее щеке яснее, чем отражение в зеркале.

Раду его слова не особенно впечатлили — он вообще не проявлял интереса к девочкам, — а вот Влад задумался, пытаясь

¹ Текке — приют для суфиев, нечто среднее между гостиницей и монастырем.

² Пятница (день отдыха у мусульман).

представить себе девушку с такой внешностью. Но потом ему пришло в голову, что Гюрани-эфенди специально соблазняет их с братом, чтобы они перешли в мусульманскую веру. Мехмеду, например, он такого не рассказывал — да и что особенного могло удивить в магометанском раю принца, еще недавно обладавшего гаремом из трехсот девушек?

Обогнув холм, дорога полого спускалась к виноградникам, тянувшимся по берегам реки Тунцы¹. Когда-то здесь в смертельной схватке сошлись легионы Рима и переправившиеся через Дунай орды готов. Готы победили, и их триумф стал началом конца империи, полтысячелетия державшей мир в своих железных когтях.

Принц придержал своего коня и гарцевал на зеленом, усеянном ромашками склоне.

— Вон там, — он вытянул руку, показывая на другой берег Тунцы. — Видишь башню?

Влад взглянул в том направлении и увидел.

Из бело-розовой пены яблоневых садов поднимался к небу массивный цилиндр, сложенный из темно-серого — казавшегося на закате почти черным — камня. Он был так похож на колдовскую башню, которую друзья только что видели на представлении театра теней, что Влад даже мотнул головой, чтобы прогнать наваждение.

— Ее называют Башня Молчания, — добавил Мехмед. — Но это все, что я про нее знаю.

Он с гиканьем ударил своего коня пятками и унесся вниз по склону. Наездником принц был превосходным — Влад, как ни старался, не мог с ним всерьез соперничать. У степных племен принято сажать мальчика на коня, как только ему исполнялось пять лет. Турки до сих пор соблюдали этот обычай.

¹ Тунца — средневековое название нынешней Тундже, реки в Турции и Болгарии, к северу от которой состоялась роковая для римлян битва при Адрианополе.

Влад наклонился к шее своего скакуна и крепко обнял ее, уткнувшись лицом в жесткую, терпко пахнущую гриву. Вонзил каблуки своих сапог под ребра коня, как учил его Мехмед. Норовистый арабский трехлетка по имени Арслан всхрапнул и помчался вслед за конем принца, безжалостно топча весенние цветы, покрывавшие склон прихотливым узором.

Через Тунцу был перекинут арочный мост, опиравшийся на могучие, сложенные из дикого камня колонны. Римская работа, прочная и долговечная, как и все, что делалось в империи. Под каменными быками бурлила зажатая в узких створах вода.

На мосту им повстречался дочерна загорелый мужик, погонявший впряженного в телегу вола. Телега была нагружена глиняными горшками — как видно, деревенский гончар вез в город свой товар на продажу. При виде несущихся на него всадников он шарахнулся в сторону, но вола с дороги, конечно, убрать не успел. Конь Мехмеда, словно птица, красиво перескакнул через телегу, не задев ни одного горшка, но вол, не привыкший к тому, что над ним мелькают лошадиные копыта, рванулся и громко заревел. Телега опасно накренилась, и тут на нее налетел Влад.

Вол, окончательно перепуганный, попятился. Горшки посыпались в кипящие под мостом воды реки, ударяясь о каменные опоры и лопаясь с оглушительным треском.

Гончар завопил, как раненый заяц. Если бы он не кричал, а попытался успокоить вола, часть горшков, возможно, удалось бы спасти. Но глупый смерд размахивал руками, рвал на себе волосы и орал не переставая. Влад понимал его с пятое на десятое — деревенщина изъяснялся на какой-то странной смеси турецкого с болгарским, — но ясно было, что он проклинает и вола, и мост, и особенно налетевших на него юношей.

— Замолчи, — сказал ему Влад. Накренившаяся телега перегородила мост, и он никак не мог миновать ее, чтобы последовать за далеко уже ускакавшим принцем. — И убери свою чертову телегу.

— О, сын шайтана! — закричал в ответ гончар. — Я целый месяц работал, отказывая себе в отдыхе и даже еде, а ты разбил все мои горшки за какую-то минуту!

— Ты сам виноват, — возмутился Влад. — Нечего было занимать весь мост своими дурацкими горшками!

— Дурацкими! — Горшечник воздел руки к небу, словно призывая его в свидетели. — Ты, верно, смеешься надо мной, парень? Мои горшки стоят по три акче¹ каждый!

Влад быстро прикинул — в телеге было не меньше двух сотен горшков. Значит, весь свой товар деревенщина оценивал в шестьсот акче. Немало, конечно, — за такую сумму можно было купить трех волов. Но для лучшего друга принца, пользовавшегося привилегией черпать из бездонной казны султана, — пожалуй, пустяк.

— А ну быстро убери телегу! — рявкнул Влад. Он сорвал с пояса мешочек с серебром и швырнул его горшечнику. — Здесь триста акче. За остальными придешь завтра во дворец Его Величества султана.

Несколько мгновений бестолковый гончар стоял, не шевелясь, словно пораженный громом. Потом упал на колени и жадно схватил кошель.

— Благодарю, добный и благородный господин! Я сразу понял, что имею дело с важным вельможей!

— Телега! — напомнил Влад. Гончар упрятал серебро за пазуху и принял с силой тянуть на себя впавшего в полнейшее изумление вола. При этом он ухитрялся все время кланяться и умильно улыбаться.

— Чего ты там застрял? — спросил Мехмед, нетерпеливо дожидавшийся Влада на другом берегу Тунцы. — Надеюсь, ты отходил этого негодяя плеткой?

— Нет, — мрачно ответил княжич. — Я дал ему денег.

¹ Акче — мелкая серебряная монета, имевшая хождение в Османской империи с XIV по XIX век.

Мехмед скрчил гримасу — его крючковатый нос стал еще больше похож на клюв.

— Я всегда подозревал, что ты ненормальный, Дракул. И сколько же ты ему заплатил?

— Триста акче. И обещал еще столько же.

— О Аллах! Ничего себе щедрость за чужой счет! Если ты будешь и дальше так же транжирить мои деньги, я взойду на трон нищим!

— Только не надо строить из себя скупца, — ухмыльнулся Влад. — Я видел, сколько денег ты раздал сегодня нищим у мечети.

— Это другое дело, — нахмурился Мехмед. — Будущий правитель правоверных должен быть щедр, тогда его будут любить. А зачем тебе любовь этого жалкого горшечника?

— Ты прав, любовь его мне ни к чему. Но если бы мы просто разбили его горшки и ускакали бы, не заплатив, это было бы несправедливо.

Мехмед изобразил крайнее удивление, возмущение и страдание одновременно — лицо у него было очень выразительное.

— Справедливость! Для тебя это, как вижу, не пустой звук. Отец был бы тобою доволен — он вечно твердит, что властелин должен быть прежде всего справедлив... Но тогда скажи мне, справедливо ли расплачиваться за разбитые тобою горшки моими деньгами?

— Еще как! — не задумываясь, ответил Влад. — Во-первых, в горе горшечника виноваты мы оба — ведь это твой конь испугал его вола, прежде чем мой налетел на телегу. Во-вторых, бедняга — твой подданный, а не мой, и было бы неправильно, если бы за ущерб, причиненный осману, платил сын валашского воеводы. В-третьих, все мои деньги — в конечном счете твои, поскольку я не только твой друг, но и заложник твоего отца.

— А ты хитрец, Дракул. — Мехмед перегнулся через луку седла и изо всех сил хлопнул княжича по плечу. — Трудновато будет иметь с тобой дело, когда ты сядешь на трон Валахии.

Влад постарался не выдать охватившего его волнения. Конечно, можно было предположить, что наследник султана тоже строит планы на будущее. Будущее, в котором им обоим предстояло править своими государствами — раскинувшейся на полмира империей и маленьким горным княжеством.

— Стоит ли думать об этом, принц? Мы оба молоды и пока что не обременены государственными заботами. К тому же мы собирались разузнать, кто живет в таинственной Башне Молчания. Ты не забыл?

— Тогда хватит терять время попусту. Солнце склоняется к закату.

Мехмед привстал в стременах и коротко свистнул. Послушный конь сразу же взял с места в карьер. Но на этот раз Влад не отстал от принца даже на полкорпуса.

Пустынная, расчерченная вечерними тенями дорога вела их все дальше и дальше, в глубину безлюдных яблоневых садов. А высоко над ними, в синем эмалевом небе, призрачно светился серп молодой луны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Издали Башня Молчания была похожа на грозящий кому-то перст зарытого в землю великана. Вблизи это сходство терялось — сложенное из дикого камня массивное основание казалось, скорее, толстой ногой огромного слона.

Друзья оставили лошадей в кипарисовой роще, у подножия холма, на котором высилась башня. Сады начинались дальше, за высокой — в два человеческих роста — каменной стеной, опоясывавшей холм. Влад и Мехмед обошли ее кругом, но обнаружили только узкую — широкоплечему человеку пришлось бы притискиваться боком — дубовую калитку, обшитую позеленевшими от времени листами бронзы. Мехмед попробовал ее отворить — безрезультатно. На стук тоже никто не отозвался.

— Гостей здесь не любят, — сказал принц, поглядывая на стену. — Видно, хозяевам есть что скрывать.

— Эй, — Влад ткнул его пальцем в бок, — куда это ты смотришь? Неужели ты думаешь, что если мы перелезем через стену, то нам обрадуются больше?

— Я думаю, — ответил Мехмед мрачно, — что если мы сейчас вернемся в город, то будем самыми большими дураками во всем Эдирне. Что мы узнали про Башню Молчания? Что в нее нельзя попасть?

Он прошелся вдоль стены, задумчиво поглаживая выпирающие из нее камни.

— Если я встану тебе на плечи, то смогу дотянуться до гребня, — сказал он Владу. — Потом я лягу на него и протяну тебе руку.

— Я тяжелее тебя, — возразил Влад, — ты не сможешь меня втащить наверх. И даже если бы смог, то рукой ты до меня все равно не дотянешься.

— И что ты предлагаешь? — сердито спросил Мехмед.

— Если уж мы решили во что бы то ни стало проникнуть за ограду, то надо все делать наверняка. Первым полезу я.

— Хочешь сказать, что встанешь своими сапогами на плечи будущего повелителя правоверных?

— Сапоги я могу снять, — успокоил его Влад. — Все равно без них наверх взбираться проще.

Он подумал и развязал свой кушак. Протянул один конец принцу.

— Тяни изо всех сил!

Мехмед, красный от злости, рванул кушак на себя, но плотная ткань выдержала.

— Я спущу его тебе сверху, — объяснил Влад и принялся стаскивать сапоги. — А теперь, о будущий повелитель правоверных, соблаговоли наклониться и упрись в стену своими царственными руками, чтобы я мог забраться тебе на плечи.

Оказавшись на гребне стены, Влад осмотрелся. От калитки к вершине холма поднималась узкая, усыпанная белым песком дорожка. Башня черной, сужающейся кверху горой громоздилась над пышными купами деревьев. Под самой крышей ее опоясывал ряд высоких и узких окошек.

— Чего ты там застрял? — недовольно прошипел снизу принц. — Помоги мне подняться!

Влад привязал один конец кушака к торчавшему из гребня стены камню, а второй сбросил Мехмedu. Тот ловко, как обезьяна, полез наверх, цепляясь пальцами ног за выступы и трещины. Свои сапоги он тоже оставил внизу.

— В саду, кажется, никого нет, — шепнул ему Влад. — Но на всякий случай я бы не стал шуметь.

Спускаться оказалось проще, чем подниматься, и через минуту друзья уже стояли на дорожке, уводившей в таинственный полумрак садов. Деревья, похожие на сказочных многоруких великанов, протягивали к ним свои ветви. Оглушительный стрекот цикад заглушал все звуки, и можно было надеяться, что их проникновение в сад осталось незамеченным.

— Пойдем, — Влад тронул принца за плечо. Мехмед озирался вокруг, рука его лежала на рукояти кинжала, крылья хрящеватого носа хищно раздувались. Не глядя на княжича, он кивнул и двинулся по тропинке первым.

Песок приятно холодил босые ноги. Одн раз Влад наступил на что-то скользкое — ему показалось, что это змея, — и он отскочил назад. Принц гневно оглянулся на него, расширив и без того круглые глаза.

— Шумишь, как верблюд! — одними губами произнес он. — Хочешь, чтобы нас схватили?

Влад и сам понимал, что они ввязались в опасную игру. Пойманый в чужом саду по законам шариата виновен в *макрух тахрими* — одном из многочисленных проступков, которые пророк Магомед запретил совершать. Совершающий *макрух* достоин всяческого порицания и осуждения, его с полным правом может приговорить к наказанию судья. Конечно, глупые магометане относят к *макрух тахрими* такие вещи, которые христианин никогда бы не счел грехом, — например, по их вере нельзя держать в комнате собаку! Но забравшийся в чужой сад и в Карпатах считался бы злоумышленником.

Разумеется, принца Мехмеда многие жители Эдирне знали в лицо, а если бы нашлись такие, кто никогда его не видел, то подписанный султаном фирман должен был развеять все сомнения. Такое с друзьями уже случалось, и каждый раз заканчивалось благополучно, но это в столице. А в этом странном, безмолвном

и безлюдном саду, окружавшем темную таинственную Башню Молчания, все могло обернуться совсем по-другому.

«Хорошо, что солнце еще не село», — неожиданно подумал Влад. Ему почему-то представилось, как жутко должно быть в окрестностях башни ночью. И вдруг остро захотелось оказаться в своей комнате в султанском дворце в Эдирне.

Крадущийся впереди Мехмед вдруг резко остановился и повернулся к Владу, прижав палец к губам.

— Ти-хо, — еле слышно выдохнул он.

За изогнутыми стволами деревьев кто-то шел. Кто-то большой, но передвигавшийся почти бесшумно.

Влад замер. В просветах между резными листьями мелькнуло могучее загорелое плечо, мощная, как деревянная колода, шея. Человек — а это явно был человек, хотя и великанских размеров — повернулся в сторону тропинки, и в косых лучах заходящего солнца блеснул обнаженный ятаган.

В это мгновение Влад отчетливо понял, что их не защитит никакой фирман. Блеск изогнутого клинка убедительнее любых слов говорил о том, что страж сада — или башни? — не станет тратить время на выяснения. Княжич приготовился к бегству, но великан неожиданно отвернулся и продолжил свой путь, удаляясь от затаившихся в зарослях друзей.

— Давай вернемся, — шепнул Влад, когда страж отошел достаточно далеко. Мехмед презрительно скривил узкий рот.

— Испугался, Дракул? Что ж, иди, можешь подождать меня у стены. Я расскажу тебе о том, что увидел в башне.

Влад мысленно обругал себя за торопливость. Он был уверен, что принц и сам подумывал о возвращении, но не мог упустить возможность продемонстрировать свою отвагу. Теперь отступление стало невозможным для них обоих.

— Мы пойдем вместе, — сказал он Мехмеду. — Но не прямо сейчас. Нужно подождать, не появится ли кто-нибудь еще. Вдруг он тут не один?

В глубине души он надеялся как раз на такой поворот событий. Если сад кишит стражниками, то даже безрассудный принц должен будет согласиться с тем, что в башню лучше не соваться. Но вслух, конечно, ничего говорить не стал.

— Аллах не любит трусов, — высокомерно ответил Мехмед. Но с места не сдвинулся — видно, решил, что от небольшого ожидания вреда не будет.

Минут через пять показался второй стражник — не такой большой, как первый, но весьма жуткого вида. Он был почти голым — если не считать набедренной повязки, за которую были заткнуты длинные и тонкие, как спицы, клинки. Все тело его, смуглое и жилистое, покрывали странные татуировки: трехголовые женщины с шестью грудями, лев с головою быка и лев с рогами оленя, змей, выраставший из распахнутого зубастого зева чудовищного цветка... Влад так засмотрелся на эти рисунки, что не сразу обратил внимание на два узких стилета, насквозь пронзивших плоть стражника. Их причудливо изогнутые рукояти находились там, где воины обычно носят ножны, то есть на поясе. Вот только никакого пояса на стражнике не было, и острия стилетов выходили из складок кожи на бедрах. Татуированному это, по-видимому, не причиняло никаких неудобств — он двигался с мягкой грацией лесного хищника. Но на друзей зрелище произвело сильнейшее впечатление.

— Я такое уже видел, — приблизив губы к уху Влада, сказал принц. — В Манису приходили дервиши, из Индии. Они тоже прокалывали себя копьями, и кровь у них не шла...

Жуткий стражник прошел в двадцати шагах от друзей, даже не повернув головы в их сторону. Минуло еще несколько минут — и вновь появился великан с ятаганом. Охрана башни, как выяснилось, была немногочисленна.

— После того как пройдет тот, с кинжалами, бежим к башне, — распорядился Мехмед. — У нас будет достаточно времени, чтобы проникнуть внутрь.

«У нас будет достаточно времени, чтобы потерять свои головы», — мрачно подумал Влад, но ограничился кивком. Его тревожило, что стражники были какими-то уж слишком молчаливыми. Обычно солдаты в карауле так себя не ведут. Они чешутся, рыгают, ругаются или мурлычат себе под нос песенки. Но эти двое — великан и татуированный — вообще не производили никаких звуков. Как будто и не людьми были вовсе, а джиннами, о которых рассказывал в редкие минуты хорошего настроения Молла Гюрани.

Когда разукрашенная разноцветными узорами спина второго стражника исчезла за деревьями, Мехмед, пригибаясь, побежал к башне. Влад последовал за ним, молясь, чтобы из-за кустов неожиданно не выскочил великан с обнаженным клинком в руке. Но стражники, видно, чересчур разленились, обходя благоухающие цветами сады. Никто не окликнул друзей, никто не бросился им наперерез, размахивая ятаганом. Они без помех добрались до входа в башню и остановились на пороге.

— Заходим? — спросил принц, словно бы впервые задумавшись о том, правильно ли они поступают. Вопрос показался Владу глупым. Чем дольше они медлили, тем больше был риск оказаться замеченными стражами. С другой стороны, все зависело от того, можно ли вообще зайти внутрь.

В башню вела низкая — высокому мужчине пришлось бы склонить голову, чтобы не задеть затылком притолоку, — дверь, окованная полосами черного металла. На этих полосах были выгравированы неизвестные Владу письмена — они отдаленно напоминали арабскую вязь, но казались более грубыми и угловатыми. Замков на ней не было, однако дверь вполне могла быть заперта на засов изнутри.

Влад протянул руку, слегка отодвинув Мехмеда, и толкнул дверь. В последний момент он испугался, что она может заскрипеть, но петли, как видно, были хорошо смазаны. Дверь распахнулась совершенно бесшумно. За ней угадывалось большое, темное

пространство с косой полосой золотого закатного света, тянувшейся от порога.

Мехмед решительно шагнул внутрь.

2

Влад осторожно затворил за собой дверь. Он успел подумать, что они сами загнали себя в ловушку — никаких окон в помещении не было, а значит, проследить за перемещениями стражников друзья не могли. Распахнуть же дверь перед носом у великана или татуированного было бы в высшей степени неблагоразумно. Но мысль эта промелькнула и тут же исчезла, потому что Мехмед в наступившей кромешной темноте немедленно наткнулся на что-то большое и хрупкое и свалил его на пол. Раздался оглушительный треск.

— Серсем¹! — выругался Влад. — Тебя и в Эдирне слышно!

Принц пробурчал под нос что-то неразборчивое — ему было стыдно. Минуту или две друзья стояли неподвижно, скованные страхом. Но стражники, по-видимому, находились далеко в саду и ничего не услышали. А в самой башне, похоже, никого не было.

Постепенно глаза Влада привыкли к темноте. Помещение, в котором они оказались, было заставлено грубо сколоченными деревянными козлами, на которых громоздились какие-то массивные, накрытые темной тканью предметы. Мехмед, судя по всему, опрокинул один из таких предметов.

Влад сделал осторожный шаг вперед и почувствовал, что под ногами у него растекается лужа. Наклонился, дотронулся пальцем, понюхал — это было масло растения, которое турки называли «сезам». На полу тут и там валялись вымазанные в масле черепки.

— Ты разбил сосуд с сезамовым маслом, — тихо сказал он Мехмеду. — Теперь весь пол скользкий, как лед.

¹ Болван, безголовый (*turp.*).

— Я понял, — шепнул в ответ принц, — хозяин этой башни владеет жомом. А еще, наверное, продает яблоки и делает бузу.

— И поэтому башню охраняют такие страшилища? — возразил Влад. — Нет, это не просто владелец масличного жома. Тут какая-то тайна.

Он мягко отстранил потерявшего былую решительность Мехмеда и прошел вглубь комнаты, кончиками пальцев дотрагиваясь до покрытых тканью предметов. Далеко не все они были сосудами — на иных козлах стояли длинные продолговатые ящики, напоминавшие гробы.

В дальнем углу обнаружилась деревянная дверь — еще ниже, чем входная. Это открытие обнадежило княжича — похоже было, что стражи сада в башню не наведываются, уж очень непросто им пролезать в такие узкие и низкие двери. Впрочем, загадкой оставалось, как в комнату смогли внести массивные ящики-гробы. Может быть, здесь есть еще один вход, замаскированный?

Влад попробовал приоткрыть дверь — она тоже оказалась не заперта. Наклонив голову, княжич шагнул за порог.

В спину Владу напряженно дышал Мехмед.

— Что там? Ты видишь?

Но он видел только тени и размытые пятна. Света здесь было еще меньше, чем в первой комнате. Сзади раздался сухой стук кресала о кремень, и темнота расцвела россыпью ярко-желтых искр.

— У меня есть огниво, — прошептал принц. — Хорошо бы найти свечу.

Но свечи, конечно, никто из них с собой не захватил. Поэтому пришлось довольствоваться слабым огоньком хлопкового трута.

Этот огонек немедленно отразился в выпуклом черном глазе величиной со сливу, блеснувшем в опасной близости от лица Влада. Сердце княжича пропустило несколько тактов.

— Ну и страшилище! — то ли испуганно, то ли восторженно произнес Мехмед. Он поднял руку с огнивом, чтобы получше

рассмотреть существо. Это был то ли чешуйчатый змей, то ли бескрылый дракон десяти локтей в длину, с полной кинжално острых зубов пастью и мощным хвостом. Чудовище висело под сводчатым потолком комнаты, покачиваясь на крепких ремнях из сырой кожи, и выглядело почти живым.

— Чучело, — облегченно вздохнул Влад.

— Я слышал о таких зверях, — прошептал Мехмед, обходя вокруг дракона. — Это *тимсах*, он живет далеко на Востоке, в Египте. У иранского шаха в зверинце тоже такой есть.

За громадным *тимсахом* обнаружился леопард — не подвешенный к потолку, а привязанный к металлической раме, так что его лапы, казалось, бежали по воздуху. За леопардом на деревянном насесте сидела нахохлившаяся сова с блестящим лакированным клювом.

— Здесь живет колдун, — убежденно сказал принц. — Только колдуну может понадобиться такое количество мертвых зверей. А что это там? О Аллах!..

Влад взглянул туда, куда показывал Мехмед, и его замутило. В углу комнаты стоял стеклянный куб, заполненный зеленоватой жидкостью. В слабом свете хлопкового трута можно было различить прижавшееся к стеклу изнутри плоское лицо с неестественно широким, словно бы разорванным ртом и выпученными глазами. Лицо явно человеческое.

— Это ребенок, — пробормотал принц. — Клянусь бородой пророка, это ребенок!

Пересиливая себя, Влад подошел поближе и опустился на корточки перед стеклянным кубом. Мехмед ошибся — голова принадлежала взрослому мужчине, о чем говорила редкая пегая борода. Но туловище было маленьkim и сморщенным. Серая кожа висела неопрятными складками. Похоже, что тело много месяцев вымачивали в каком-то размягчающем кости и мышцы растворе. При виде этого превращенного в тряпичную куклу тела Влад почувствовал липкое прикосновение страха. А что, если заперты

в стеклянном кубе человек тоже перелез когда-то через стену и был схвачен стражами? Что, если хозяин этого странного места поступает так со всеми, кто тайно проникает в его жилище?

— Знаешь, — сказал он Мехмеду, — пожалуй, мы видели достаточно. Надо выбираться отсюда.

Принц не двинулся с места. Его взгляд по-прежнему был прикован к заключенному в стеклянный склеп человеку.

Влад дернул его за рукав и шагнул обратно к двери. Но тут Мехмед поборол наваждение, повернулся к нему и сказал:

— Нет, Дракул. Мы еще не узнали главного — кто творит все эти страшные вещи.

Огонек в его руке описал полукруг и начал удаляться. Влад, проклиная про себя любознательность принца, последовал за ним.

Из комнаты с чучелами вели две двери — за одной начинался темный коридор со сводчатым потолком, за другой оказалось круглое, похожее на бочку помещение с винтовой лестницей в центре. Лестница была освещена лучше — откуда-то сверху падал слабый рассеянный свет.

— Давай разделимся, — предложил принц. — Я посмотрю, куда ведет коридор, а ты поднимись на второй этаж. Встретимся здесь через десять минут.

Влад хмуро кивнул. Огнива у него не было, поэтому предложение Мехмеда выглядело разумно. Вот только образ плавающего в зеленой жидкости человека никак не шел у него из головы.

Узкие ступени лестницы были выщербленными от времени. При слабом свете, падавшем из расположенных под самой крышей бойниц, с трудом различалось, куда ставить ноги. Никаких перил не было вовсе; чтобы случайно не оступиться и не полететь вниз, Влад старался держаться поближе к стене. Касаясь пальцами холодного шершавого камня, он поднялся на высоту тридцати или сорока локтей. Здесь располагалась полукруглая мраморная площадка, огороженная невысокой балюстрадой. В стенах башни чернели три дверных проема. Влад подумал и выбрал центральный.

Он оказался в длинной и узкой, как ножны меча, комнате, по обе стороны которой тянулись многоярусные деревянные полки. На полках стояли книги — сотни, тысячи книг. В отцовской библиотеке, считавшейся, по карпатским меркам, богатой, было всего четыре десятка манускриптов. Влад даже представить себе не мог, что в одном месте может оказаться столько сокровищ мудрости (к слову, во дворце султана библиотеки не было вовсе, поскольку набожный повелитель правоверных считал, что книги, в которых говорится нечто противоречащее Корану, вредны, а книги, повторяющие Коран, бесполезны).

Кроме тяжелых томов, переплетенных в телячью кожу, на полках громоздились свернутые в трубку пергаменты, обвязанные разноцветными шелковыми шнурками. Влад вытащил наугад один, развязал красный шнурок, развернул так, чтобы слабый, проникавший с лестницы свет падал на манускрипт. Плотно лепившиеся друг к другу строчки букв незнакомого алфавита перемежались странными рисунками, выполненными зеленой и черной тушью: плоды, в которых вместо семечек были заключены голые люди, круглые диски, висящие над бурными морскими волнами и словно бы опиравшиеся на конусы серебряного света, женщины в рогатых коронах, купающиеся в соединенных толстыми трубами бассейнах. Рисунки обладали притягательной силой: их хотелось рассматривать в мельчайших подробностях, но времени у Влада и так было в обрез. Он с сожалением положил пергамент на место и вернулся на площадку.

В следующей комнате ему неожиданно повезло: здесь стоял массивный каменный стол, на котором обнаружилось кресало и толстая восковая свеча. Влад зажег свечу и обошел помещение по кругу. Стены были задрапированы старинными gobelenами с изображениями сцен охоты и пиров — в мусульманских жилищах Влад никогда таких не видел. В отличие от миниатюр в таинственном пергаменте, они были подчеркнуто традиционны и даже скучны. Кроме этих gobelenов и каменного стола, в комнате ничего не было.

А вот за третьей дверью обнаружилось нечто по-настоящему интересное.

В зале со сводчатым потолком стоял не один, а три каменных стола, расположенных буквой «П». Все они были заставлены стеклянными и металлическими сосудами разной формы и размера, каменными тиглями и плоскими мисками. Остро пахли связки трав и кореньев, свисавших с потолочных балок. В углу багрово мерцало разверстое жерло большой печи. Влад наклонился, протянул руку и ощутил исходящий от углей жар. Огонь в печи погас совсем недавно, может быть, полчаса назад. Значит, в башне кто-то есть?

За спиной Влада что-то прошуршало. Он резко обернулся, но ничего не увидел — только огонек свечи вдруг затрепетал и задергался, как будто от двери потянуло сквозняком. Осталось лишь неприятное ощущение взгляда, буравящего спину между лопаток.

Княжич быстро вышел из загадочной лаборатории. На лестнице не было ни души — но ему показалось, что кто-то маленький и легкий быстро взбежал вверх по ступеням.

Мгновение Влад колебался — спуститься к ожидающему его Мехмеду или подняться еще на один этаж. Любопытство пересилило, и он, предусмотрительно вынув из ножен кинжал, поспешил вверх по лестнице.

На третьем этаже была только одна дверь — из полированного черного дерева, обшитая по краям ярко начищенной медью. Как и другие двери в башне, она оказалась не заперта.

Влад, держа кинжал острием вперед, вошел и огляделся.

Окон здесь, как и в других помещениях башни, не было, и большая часть комнаты терялась во мраке. Огонек свечи выхватывал из темноты груды подушек, разбросанных по великолепному персидскому ковру, покрывавшему пол. Ковер глушил шаги и приятно щекотал босые ноги Влада. Княжич осторожно двинул-ся вперед, готовый к любым неожиданностям.

Посреди комнаты стояла огромная кровать с балдахином.

«Совсем как в сегодняшнем представлении», — подумал Влад, остановившись перед кроватью. Эта мысль и насмешила, и напугала его одновременно. Все происходящее действительно до крайности напоминало театр теней. Вплоть до того что он поднялся на верхушку башни, как Карагёз, а принц, как незадачливый Хаджигнат, остался внизу.

«Значит, там, под балдахином, принцесса?» — спросил сам себя Влад. Протянул руку и отдернул тяжелую ткань балдахина.

Он оказался прав.

3

Принцесса была красивее всех девушек, которых Влад видел в жизни. Правда, нельзя сказать, что он их видел много: в основном служанки в замке и румяные крестьянки, подносившие валашскому господарю цуйку и хлеб-соль, когда князь выезжал на охоту. В Эдирне женщины закрывали лица черной тканью так, что блестели лишь влажные олены глаза. С некоторых пор это обстоятельство весьма расстраивало княжича, чьи сны все больше напоминали гарем из рассказов Мехмеда. Ему снились девушки с черными, как смоль, волосами, и девушки с локонами цвета хлопка, девочки с тонкими ногами и узкими бедрами, стыдливо закрывавшие ладошками маленькие груди, и роскошные женщины с медово-золотой плотью, манившие его бесстыдными движениями полных рук. В воображении Влада мелькали сотни очаровательных женских лиц... и все они исчезали, как утренний туман, с первыми лучами солнца. Но ни одно из них не было и вполовину так прекрасно, как лицо девушки, раскинувшейся на кровати среди мягких подушек.

Черты ее настолько совершенны, что их можно было бы принять за творение великого скульптора — если бы не нежная, перламутровая, теплая даже на взгляд кожа. Великолепный разлет соболиных бровей, напоминавших изящные арки. Огромные глаза

прикрыты чуть трепещущими веками с неправдоподобно длинными ресницами — уже в одни эти ресницы можно было влюбиться до потери рассудка. Волосы цвета темного золота рассыпались по парчовой подушке, открывая мраморную округлость плеча и трогательную белизну шеи.

И губы, яркие, пунцовые, казавшиеся вырезанными из драгоценного коралла. Как только взгляд княжича упал на эти губы, Влад забыл обо всем на свете. Приkleился к ним взглядом, как горлица к густо намазанной kleем дощечке, спрятанной в кустах искусственным птицеловом.

Он замер, боясь неосторожным движением потревожить спящую красавицу. Время застыло, как патока. Влад слышал только гулкие удары собственного сердца и тугой пульс крови, настойчиво стучащий в барабанные перепонки. Он забыл о том, что его давно ждет Мехмед; забыл о шаркающих шагах на лестнице и о жутких стражах сада. Все это было вытеснено куда-то за пределы его сознания; мир сузился до размеров кровати, на которой спала прекрасная незнакомка.

Не отдавая себе отчет в том, что делает, Влад шагнул вперед — мягкий ковер позволял двигаться бесшумно — и опустился на колени перед кроватью. Теперь голова девушки оказалась совсем рядом, он мог чувствовать у себя на лице ее тихое, пахнущее цветами дыхание.

А потом Влад наклонился и поцеловал спящую красавицу в губы.

Он, конечно, много раз слышал сказку о рыцаре, который таким поцелуем разбудил заколдованную злой волшебницей принцессу. И, в общем, был готов к тому, что девушка проснется... и даже к тому, что она испугается и завопит на всю башню. Поэтому он собирался лишь прикоснуться к этим сочным, алым губам и сразу же отпрянуть, а возможно, и бежать со всех ног, пока не случилось чего-нибудь непоправимого. Но губы оказались такими мягкими и сладкими, что оторваться от них не было никакой возможности. К тому же девушка и не думала просыпаться — она

лишь что-то томно простонала во сне и даже чуть шире приоткрыла свой прелестный ротик, явив взору Влада ровные жемчужины зубов.

У Влада не было богатого опыта по части поцелуев; откровенно говоря, весь его опыт ограничивался одним-единственным случаем, когда он, больше из любопытства, нежели подгоняемый желанием, зажал в чулане дочку кухарки Илинку и несколько минут мусолил ее влажные, похожие на переваренные телячьи почки губы. Владу это занятие быстро наскучило, тем более что изо рта кухаркиной дочки попахивало сыром, и он убежал к мальчишкам во двор, оставив разочарованную Илинку в темноте чулана.

Сейчас же все было совершенно по-другому. Он упивался свежим дыханием спящей девушки, мягкостью и податливостью ее губ, близостью ее прекрасного юного тела. Осмелев, он уже протянул руку, чтобы дотронуться до полускрытого прозрачным муслином бедра, и даже успел ощутить кончиками пальцев восхитительное тепло и шелковистость кожи... и тут за его спиной кто-то громко зашипел.

Воображение немедленно нарисовало Владу поднявшуюся на хвосте королевскую кобру — он видел таких во время представления дервишей при дворе султана. Он пружинисто вскочил, уже не заботясь о том, что может разбудить девушку, и обернулся, сжимая перед собой кинжал.

Но никакой кобры у него за спиной не оказалось. В дверях стоял Мехмед и, делая страшные глаза, шипел, как десять рассерженных змей.

Влад быстро задернул балдахин, чтобы принц не увидел лица незнакомки. Мысль о том, что кто-нибудь еще может любоваться его прекрасной находкой, казалась княжичу кощунственной.

Но Мехмеду, кажется, было не до спящих красавиц. Увидев, что Влад повернулся к нему, он перестал шипеть и замахал руками, подзывая друга к себе. Порога комнаты он так и не переступил.

— Что с тобой? — недовольно спросил Влад, оказавшись на лестнице. Принц с досадой стукнул себя пальцем по губам — «тише!».

— Вернулся хозяин, — прошептал он на ухо Владу. — Надо убираться отсюда, да поживее.

— Ты его видел? Кто он?

— Отвратительный старик. Бежим, пока он нас не нашел!

Испуг принца показался Владу странным. Его можно было бы понять, если бы хозяином башни оказался великан-людоед ростом в двадцать локтей. Но старик, пусть даже и отвратительный? Чем он мог так напугать наследника султана османов?

— Он внизу? — уточнил Влад на всякий случай. Мехмед быстро кивнул. На лбу его блестели мелкие капли пота.

— В той комнате с гробами. Да бежим же!

— Как же мы проберемся к выходу?

— Я нашел другую дверь, — нетерпеливо ответил принц. — Если мы поторопимся, то сможем удрать через нее. Да что с тобой случилось, Дракул? У тебя ноги к полу приклеились?

«А ведь и правда», — подумал Влад. Ему действительно было трудно покинуть прекрасную спящую принцессу. Хотелось вернуться в комнату, снова склониться над шелковыми подушками. Хотя бы еще один раз поцеловать манящие полуоткрытые губы...

Девушка в комнате притягивала его, словно волшебный камень Манисы — облаченного в стальной доспех рыцаря.

— Беги один, — сказал он Мехмеду. — Я... мне нужно тут еще кое-что проверить.

— Да ты рехнулся! — Принц от возмущения даже забыл об осторожности и повысил голос. — Ты и так здесь добрых полчаса пробыл!

Он крепко схватил Влада за рукав и потащил за собой. Силой наследник не отличался, но решительности ему было не занимать. Влад, бросив последний взгляд на дверь таинственной опочивальни, неохотно последовал вслед за принцем вниз по лестнице.

— Только не шуми, Дракул, ради Аллаха! — Мехмед повернулся к нему бледное лицо. Княжич заметил, что зрачки принца расширились во всю радужку, как будто он нанюхался белладонны. — Сейчас мы свернем в тот коридор... иди осторожно, след в след за мною.

Сказать это было проще, чем сделать. В коридоре настоящая тьма — хоть глаз выколи, — а свечу Влад забыл рядом с кроватью прекрасной принцессы. Пару раз приложившись лбом о неожиданно выскакивающие из темноты углы, княжич вытянул перед собой руки, как делают слепцы. Разумеется, именно в эту минуту идущий впереди Мехмед неожиданно остановился, и Влад чуть было не сбил его с ног, ударив ладонями между лопаток.

— Ах, шайтан! — выругался принц шепотом. — Ты так полдома разнесешь, Дракул!

— А кто разбил кувшин с маслом? — мстительно спросил Влад. — Думаешь, хозяин поверит, что он разбился сам собой?

Но Мехмед, к его удивлению, не стал вступать в перебранку.

— Мы уже почти пришли, — сказал он. — Следующая дверь по правой стороне выводит в сад. Она не заперта, я проверял. Главное — выйти так, чтобы нас не заметили стражи.

В эту минуту где-то совсем рядом послышался оглушительный грохот и крик. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Влад понял, что звуки доносятся из-за стены коридора.

— Это старик, — шепнул Мехмед. — Видно, догадался, что к нему в дом кто-то залез. Бежим скорее!

Он потащил Влада за собой в темноту, бормоча себе под нос какие-то цифры. «Считает шаги», — догадался княжич.

— Выходим! — скомандовал принц, останавливаясь и шаря руками по стене. Темноту разрезала бледная узкая полоска. У этой двери петли оказались несмазанными — скрип, который они издавали, несомненно, достиг бы ушей хозяина башни, если бы он не вопил на всю округу, изрыгая ругательства на неизвестном Владу языке.

Мехмед быстро присел и вывалился наружу. За стенами башни разливались густые винные сумерки, но после чернильной темноты коридора Влад видел в них довольно неплохо. Принц клубком скатился по крутому склону холма и исчез в цветущем кустарнике. Выждав немного, Влад выскользнул из коридора и плотно прикрыл за собой дверь. Она была так искусно раскрашена под грубую каменную кладку, что совершенно невозможно заметить её снаружи.

В этом месте фундамент, на котором стояла башня, выступал над поросшим высокой травой откосом. Удобнее пути для бегства не придумать — скорее всего, потайная дверь для этой цели и служила.

Влад змейюкнулся в траву, оказавшуюся влажной от вечерней росы. Лег на спину и заскользил вниз, отталкиваясь ногами и руками. Башня вырастала у него над головой, как встающий из гроба исполин.

— Быстрее! — Мехмед, ожидавший его в зарослях, пританцовывал от нетерпения. — Надо добраться до стены, пока старики не натравил на нас...

Он запнулся, будто проглотив последнее слово. Влад не стал приставать с расспросами — не до того было, — но окончательно уверился в том, что принц увидел нечто по-настоящему страшное.

В сгустившихся сумерках сады казались волшебным, окутанным голубоватым туманом лесом. Мехмед лавировал среди деревьев, высоко поднимая ноги — у Влада мелькнула мысль, что он боится попасть в капкан, — и ловко отмахиваясь от хлеставших по лицу веток. Погони за ними не было — во всяком случае, никто не ломился сквозь заросли у них за спиной, — но княжица не оставляло гнетущее чувство, как будто откуда-то сверху за ними внимательно следит чей-то недобрый взгляд. Стена выросла перед беглецами неожиданно — так, что бежавший впереди принц едва не расшиб себе лоб.

— Проклятье, — сказал он, оборачиваясь к Владу и переводя дыхание. — У нас нет веревки!

Влад прикусил губу. Его кушак по-прежнему висел где-то на стене — но поди найди его в темноте. К тому же по саду уже наверняка рыскали стражники.

Он огляделся и облегченно вздохнул.

— Смотри, как близко стоят деревья! Мы переберемся на стены по вот этой толстой ветке!

Соображал Мехмед быстро. Он с ловкостью кошки вскарабкался на яблоню и пополз в сторону стены.

— Дракул! — донесся сверху его сдавленный шепот. — Факелы! Совсем рядом!

Влада словно оса ужалила. Он подпрыгнул, вцепился в ветку так, что ногти вонзились глубоко в кору, и полез наверх, больно обдирая кожу о шершавый ствол. Мехмед сидел на гребне стены и ухмылялся.

— Ну и где же факелы? — спросил Влад, озираясь.

— Не знаю, — пожал плечами принц. — Погасли, наверное. А ты здорово лазаешь по деревьям. Как настоящий маймун!¹

И мелко, противно захихикал. Княжич с трудом удержался, чтобы не столкнуть его вниз.

— Сам ты маймун, — огрызнулся он, вглядываясь в темноту под стеной. — Да к тому же и трус. С чего ты испугался какого-то старика?

Мехмед перестал смеяться.

— Не суди о том, в чем не разбираешься, Дракул. Нам нужно найти наших лошадей. Ты помнишь, где кипарисовая роща?

— Пойдем вдоль ограды, — решил Влад. Он перевалился через гребень стены, повисел на руках, моля бога, чтобы внизу не оказалось острых камней или колючек, а потом разжал пальцы. Упал он в траву, но левую ногу все-таки подвернулся.

Принц мягко спрыгнул на землю в нескольких шагах от него.

— Наши сапоги, — сказал он, растирая босую ступню. — Надо их найти. Заодно и поймем, где роща.

¹ Маймун — обезьяна (*turp.*).

Искать сапоги в темноте оказалось трудной задачей. Слабый свет тонкого полумесяца мало помогал делу, и обнаружить место, где они их оставили удалось далеко не сразу.

— Где же сапоги? — бормотал принц, раздвигая руками траву. — Я же снял их тут, клянусь бородой пророка!

Но сапог не было.

— Брось, — потерял терпение Влад. Нога с каждой минутой болела все сильнее, и мысль о том, что он будет натягивать сапог на распухшую щиколотку, не доставляла княжичу никакого удовольствия. — Без обуви мы как-нибудь обойдемся. Главное, чтобы лошади не пропали!

Бесплодные поиски наконец утомили принца, и он дал увести себя к кипарисовой роще. Лошади, к счастью, оказались на месте — дремали, прислонившись к темным, пахучим стволам.

Когда они уже были на полпути к мосту, Влад обернулся и, словно прощаясь, бросил взгляд на Башню Молчания.

В одном из высоких и узких окошек ее мелькнул огонек свечи — и тут же погас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Горшечник явился на следующий день к обеду.

Во дворец его не пустили — он ведь не был ни хафизом, ни дервишем, а значит, не мог рассчитывать на особую благосклонность повелителя правоверных. Но когда он в третий раз рассказал стражникам у ворот, что ему велел прийти сюда некий знатный юноша на прекрасной белой лошади, проезжавший по мосту через Тунцу в компании другого знатного юноши на еще более великолепном вороном коне, начальник караула догадался послать за Владом.

Тот выслушал посланца без особого воодушевления. Нога, которую княжич подвернул, прыгая со стены, распухла еще больше. Придворный лекарь — гаким-эфенди — натер ее какой-то остро пахнущей мазью и туга обмотал шелковой лентой, но ходить все равно было очень疼но. Поэтому Влад убивал время, развлекаясь метанием маленьких дротиков в нарисованную на стене человеческую фигуру. Вставать и тащиться через анфиладу покоев и дворов, чтобы увидеть несчастного горшечника, ему совсем не хотелось.

Но после вчерашнего спора с Мехмедом о справедливости делать вид, что он знать не знает никакого горшечника, было бы недостойно.

Пока Влад доковылял до ворот, нога разболелась так, словно ее зажали в тиски и время от времени поворачивали винт. Горшечник, видно, прочитал что-то на лице княжича, потому что сразу повалился в пыль и пополз к нему, извиваясь, словно уж, попавший под колесо телеги.

— Добрый господин, — бормотал он, норовя поцеловать носок мягкой туфли Влада, — благородный господин! Вы не забыли про обещание, данное ничтожному Али! Да пошлет вам Аллах долгую и счастливую жизнь, полную удовольствий и земных радостей!

— Я не забыл, — сказал Влад, делая горшечнику знак замолчать. — Но у меня нет сейчас трехсот акче. Поэтому тебе лучше всего будет уйти и вернуться в другой день.

Он говорил чистую правду. Денег у него и вправду не было. Владу позволялось брать деньги без отчета из казны султана — но для этого он должен предъявить фирман, подписанный великим визирем Чандарлы Халиль-пашой. А великий визирь подписывал такой фирман только по личной просьбе наследника Мехмеда. Последний же с самого утра был занят государственными делами, и отвлекать его из-за какого-то горшечника не хотелось.

— О несправедливость! — немедленно завопил горшечник, прекратив целовать туфлю и воздев руки к небесам. — О злая насмешка судьбы! Бедный, голодный Али шел целых десять лиг в прекрасный Эдирне, чтобы получить из рук благородного господина обещанные триста акче! За то время, что он шел, он мог бы слепить десять великолепных горшков и продать их по десять акче каждый! Он потерял, таким образом, заработка в целых сто акче! Не зря говорят — погонишься за журавлем, упустишь и синицу! О, несчастный Али!

— Постой, — перебил его Влад, — вчера твои горшки стоили по три акче. С чего бы это они так вздорожали?

Вместо ответа Али зачерпнул полные пригоршни дорожной пыли и высыпал себе на голову.

— Четыреста акче — вот убыток, который понес несчастный, доверчивый Али, открыв свое сердце лукавым послам этого юноши! — завопил он, обращаясь к стражникам у ворот. Стражникам это представление явно нравилось — они скалились, отпускали шуточки и показывали пальцами на горшечника и, что хуже всего, на Влада.

— Замолчи, — рявкнул княжич. — Если ты не заткнешься, я велю этим воинам скинуть тебя в самый вонючий пруд Эдирне, ты понял?

— Конечно, бедный Али все понял, — с горечью, но уже значительнотише промолвил горшечник. — Теперь он пойдет обратно в свою деревню и всем по пути будет рассказывать о том, какое черное коварство гнездится под золотыми куполами султанского дворца!

«А ведь с него станется, — недовольно подумал Влад. — Надо было и впрямь отходить его плетью, как предлагал Мехмед. Чернь понимает только кнут, а стоит проявить мягкость, тут же садится на шею».

— К тому же я вижу, что ошибся в тебе, — продолжал рассуждать Али. — Я принял тебя за доброго мусульманина, а ты — неверный, носящий на шее крест. Каким же ослом я был, что поверили кафиру!¹

Он повернулся и медленно пошел прочь, загребая пыль своими деревянными сандалиями. Влад смотрел в сутулую спину горшечника, и на скулах его играли желваки.

— Постой, — крикнул он, когда Али отошел шагов на десять. — Я докажу тебе, что христиане держат слово не хуже магометан.

Горшечник быстро обернулся. В глазах его блеснул огонек надежды.

— Но как же ты докажешь мне это, ка... благородный господин?

— Пойдем со мной, — сказал Влад мрачно. — Увидишь.

Он показал стражникам серебряную тамгу, дававшую правоходить по всему дворцу и проводить с собой слугу или телохранителя.

— Этот человек пойдет со мной.

Во дворце Али сразу же оробел. Он шел, втянув голову в плечи и боязливо поглядывая на встречавшихся по пути воинов, вельмож и даже слуг.

¹ Кафир — неверный (*turp.*).

— И ты здесь живешь, благородный господин? — благовеяно спросил горшечник, когда они вошли в тень прохладной галереи, где журчал мраморный фонтан.

— Не прямо здесь, — по-прежнему хмуро отозвался княжич. Нога напоминала о себе при каждом шаге. — Но уже недалеко.

Уже полтора года Влад Дракул занимал половину прелестного домика с собственным бассейном и маленьким садом, расположенного в дальнем — третьем — «дворе» султанского дворца. «Дворы» на самом деле были огромными кварталами, где размещались покой вельмож, казармы солдат, хозяйствственные службы, молельные комнаты и многое, многое другое. Влад научился разбираться в хитросплетениях дворцовой планировки так, что мог бы попасть к себе домой с завязанными глазами, — но на горшечника лабиринт, по которому они шли, произвел сильнейшее впечатление.

— Вот мы и пришли, — сказал Влад, стараясь скрыть вздох облегчения. Он опустился на мраморную скамью около бассейна и с болезненным наслаждением погрузил распухшую ногу в воду. Стало легче, хотя от пропитанных мазью бинтов по воде сразу же поплыли желтые пятна.

Горшечник стоял поодаль, почтительно прижав руки к груди.

— Как я и говорил тебе раньше, денег у меня нет. Их мог бы дать мне мой друг принц Мехмед, но он сейчас очень занят. Поэтому восполнить твой ущерб деньгами я не могу.

С каждым словом княжича Али будто бы становился ниже ростом. Глаза его беспокойно забегали по сторонам, словно он опасался какого-то подвоха.

— А поскольку ты, верно, считаешь, что я с самого начала замыслил тебя надуть, то я предлагаю тебе вот такую сделку.

Влад выдержал паузу, достаточную, чтобы любопытство горшечника пересилило его алчность.

— У меня много богатых и красивых одежд, Али. Мы с тобой примерно одного роста, и плечи у тебя не шире моих. Я позволю

тебе выбрать из моих платьев те, что придется тебе по душе, — но не больше, чем ты сможешь на себя надеть. Конечно, ты волен возразить, что в горшечной мастерской тебе вряд ли пригодятся одежды придворного, но на это я тебе скажу, что на базаре в Эдирне ты выручишь за один мой камзол денег больше, чем стоила вся твоя телега с горшками.

Али молчал. На его простоватом лице отражалась напряженная работа мысли.

— Что скажешь, горшечник? — подбодрил его Влад. — По-моему, это очень выгодное предложение.

— Господин, — решился, наконец, Али. — А можно ли взглянуть на те наряды, о которых ты говоришь?

Влад усмехнулся.

— Ну, разумеется, можно. Я покажу тебе.

Преодолевая боль, он поднялся со скамьи и, хромая, направился к двери своего домика. Дверь была не заперта — османы вообще редко пользовались замками. Домашних краж в империи — или, во всяком случае, в Эдирне — почти не случалось. Воры промышляли только на больших базарах или на площадях во время публичных казней. Пойманному на месте преступления вору отрубали кисть руки, поэтому ремесло это было не столько доходным, сколько опасным. Так что законопослушные жители турецкой столицы спокойно уходили в гости или по делам, оставляя двери незапертными. Разумеется, во дворце султана, охранявшемся отборными отрядами янычар, необходимости запирать дверь на замок не было вовсе.

В комнате, служившей Владу спальней, царил легкий, но живописный хаос — верный признак того, что ленивый слуга князича, толстый сириец Хама, опять проводит время на террасах, болтая со смазливыми прачками, вместо того чтобы поддерживать порядок в доме. Наряды, которые Влад намеревался отдать горшечнику валялись в беспорядке, что-то на полу, тахте, часть висела в шкафу.

— Вот, — княжич сделал широкий жест рукой. — Выбирай одежду себе по вкусу. Вся она пошита лучшими портными Эдирне, теми, что одевают самого султана и его наследника. Ты хоть понимаешь, дурья башка, что я даю тебе гораздо больше, чем паршивые триста акче?

Али мелко закивал. При виде разбросанных по комнате платьев, кафтанов и шаровар у него разбежались глаза. Он схватил край муслиновой рубахи, небрежно свисавшей со стула, и принял щупать ткань.

— О, я вижу, я вижу, благородный господин, что это чрезвычайно дорогие и красивые вещи! Но позволь мне немного осмотреться, чтобы я мог выбрать себе что-нибудь такое, что не стало бы и для тебя большой потерей, и мне пришлось бы впору.

«Глупый смерд уже мечтает о том, как он, разодетый в шелк и парчу, появится на своем деревенском базаре», — подумал Влад. Ему стало весело.

— Я же сказал — ты можешь выбирать, — ухмыльнулся он. — А я пока немного отдохну.

И с этими словами он направился к кровати, которая манила своими мягкими перинами не столько самого княжича, сколько его больную ногу. Но отдохнуть ему так и не удалось. Не успел он устроиться на подушках, как в комнату влетел запыхавшийся Хама.

— Молодой господин! — заверещал он с порога. — Вас зовет к себе его высочество принц!

Влад выругался на своем родном языке.

— Куда зовет? — спросил он, морщась и осторожно опуская ногу на пол.

— Его высочество ведет заседание Малого дивана, — затара торил Хама. — Он велел... а кто этот человек, молодой господин?

Сириец подозрительно уставился на горшечника, который самозабвенно рылся в недрах платяного шкафа.

— Уж не вздумали ли вы взять нового слугу?..

При всей своей лени Хама очень боялся потерять место слуги знатного заложника. Это была единственная угроза, которая действовала на него и могла заставить хоть немного заботиться о своем хозяине.

— Да, Хама, — нахмурившись, сказал Влад. — Это мой новый слуга Али, который, в отличие от тебя, любит и умеет работать. Видишь, как он ловко складывает мои вещи?

Сириец схватился за голову и принял раскачиваться из стороны в сторону.

— О, бедный, бедный Хама! Только сегодня он собирался убраться в покоях молодого господина, привести все в порядок, достойный друга самого его высочества, протереть все бархатной тряпочкой и возжечь ароматические палочки, чтобы молодой господин мог вдыхать достойные его носа ароматы! И какая злая насмешка — Хаме не дали этого сделать люди наследника престола, велевшие разыскать и привести к его высочеству молодого господина Влада... А молодой господин тем временем нашел какого-то прощелыгу, какого-то жулика, деревенщину неотесанную!

— А ну, закрой свою грязную пасть, сын маймуна и собаки! — завопил Али, оторвавшийся от своего увлекательного занятия. — По какому праву ты оскорбляешь меня, кусок тухлого мяса? И почему, господин, вы назвали меня своим слугой?

— Я пошутил, — сказал Влад, отсмеявшись. — Успокойся, Хама, ты пока еще у меня на службе. Но если ты и дальше будешь так относиться к своим обязанностям, этому скоро придет конец!

Сириец тут же перестал раскачиваться и принял сноровисто поднимать разбросанные по полу вещи.

— А чтобы ты запомнил этот урок хорошенько, — продолжал княжич, — ты поможешь этому достойному человеку выбрать наряды, которые я ему подарю. Он может взять все, что захочет, но не больше, чем наденет на себя. И проследи, Хама, чтобы он не надевал три кафтаны один на другой!

Слуга осталбенел.

— Вы... подарите ему ваши прекрасные одежды, молодой господин?

— Ты слышал меня, Хама! — резко ответил Влад. — Я обещал Али, что он сможет выбрать любой наряд и даже туфли, если они на него, конечно, налезут.

— Это вряд ли, — пробормотал сириец, разглядывая огромные ноги горшечника. — Однако не слишком ли это щедро?

— Ты должен гордиться, что служишь такому щедрому и благородному хозяину! — воскликнул Али, умильно глядя на Влада. — Теперь Али всем будет рассказывать, что христиане тоже бывают добрыми и справедливыми!

— Прощай, горшечник, — сказал ему Влад. — Надеюсь, к тому времени, как я вернусь, ты уже будешь на полпути к своей деревне.

Ковыляя на распухшей ноге, княжич добрался до Палаты Солнца и Луны, где проходили заседания государственного совета — дивана. Перед покрытыми изящной резьбой дверями ему преградили дорогу одетые в парадную форму стражники.

— Никто не имеет права входить в палату, когда там заседает диван, — сказал один из них. Влад немного знал его — это был янычар родом из Сербии, всего лишь на три года старше самого княжича.

— Но принц сам послал за мной! Он разгневается, если узнает, что вы меня не впустили.

Янычар-серб покачал головой:

— Я не получал на этот счет никаких указаний.

— Ты изdevаешься надо мной, что ли? — рассвирепел Влад. — А кто же тогда послал за мной моего слугу, толстого сирийца?

— Не знаю, — пожал плечами серб. — Возможно, Тункай Парс — адъютант его высочества. Но он некоторое время назад ушел исполнять поручение принца, а когда вернется — мне неведомо. Может быть, вам стоит его поискать?

Влад зарычал от досады. Ногу жгло так, что ее хотелось отпилить тупым ножом.

— Нет уж! Я никого искать не стану. Я сяду здесь и буду ждать Мехмеда. А потом расскажу ему, что тупой здоровенный серб не захотел меня к нему пускать.

— Все, что я могу для вас сделать, — сказал янычар, — это по-пробовать передать принцу, что вы здесь. Иногда кто-нибудь из визирей покидает палату, чтобы удовлетворить свои природные нужды. Если вы напишете записку, я попрошу визиря, когда он будет возвращаться, передать ее его высочеству.

— Ничего писать я не стану, — огрызнулся Влад, у которого с собой не было ни пера, ни бумаги. — Визири, кажется, еще не разучились говорить. Вот ты и попросишь визиря шепнуть принцу на ухо, что его друг уже давно прибыл на его зов.

Заседания дивана, в чем не раз убеждался Влад, могли продолжаться по полдня и даже больше. Визири и беи возлежали на мягких подушках, потягивали из хрустальных чаш холодный шербет и без конца обсуждали скучнейшие вопросы: как поднять тот или другой налог на десять акче в год, нужно ли выделять средства на прокладывание новых оросительных каналов в засушливых областях Анатолии, где поставить новый маяк — на левом берегу пролива или на правом... Отец Влада, конечно же, тоже был вынужден заниматься государственными делами — нельзя же вечно воевать да охотиться, — но он принимал решения быстро и не тратил времени на пустую болтовню. А самое главное — ему никогда не пришло бы в голову советоваться с шумными и глупыми боярами по каждому пустяку. В этом, как он не раз объяснял Владу, и заключался секрет сильного правителя.

— Я не вмешиваюсь в управление хозяйством нашего замка, — говорил князь, — это дело Вороны, он за это получает деньги. А Ворона не решает, какое блюдо сегодня будут подавать к ужины — это дело повара. Повар не лезет на псарню, а псарь не дает указаний командиру стрелков. Понимаешь?

— А что же делаешь ты? — спросил как-то Влад.

— Я занимаюсь политикой, Владо. Я заключаю союзы и веду войны. Я слежу за тем, чтобы враги не лезли на нашу землю и чтобы наши вассалы-бояре не слишком много о себе мнили. Это тяжелая работа, и, чтобы не отвлекаться на мелочи, я выбрал и поставил на каждую важную должность верного и умного слугу. Потому-то мне и нет нужды знать, откуда Ворона возьмет каменщиков для ремонта Плачущей башни и сколько потребуется новобранцев для защиты Урочища Ангелов следующей весной.

Но не так было в империи османов.

Султан Мурад, как видно, желал вникать во все детали управления своим огромным государством. Для этого он назначал десятки министров, каждый из которых набирал к себе на службу сотни «рабов ворот» — капыкулу. Это были такие же янычары, как и те, что служили в османской армии, только пошедшие по мирной стезе государственного чиновника. Насколько мог судить Влад, они прекрасно справлялись со своими обязанностями, снабжая министров ворохом сведений по всем вопросам, которые могли бы заинтересовать повелителя правоверных. В результате заседание дивана превращалось в бесконечный парад павлиньих хвостов. Павлинами были визири и министры, каждый из которых хотел щеголнуть своей осведомленностью даже в самых мелких и не имеющих практического значения проблемах.

Сам Влад присутствовал на таком заседании только раз — когда обсуждалась будущая война с венграми и возможное участие в ней валашского господаря. На середине третьего часа он заснул и проснулся, только когда Мехмед принялся щекотать ему нос страусиным пером.

Разглядывать резные двери Палаты Солнца и Луны, возле которых застыли громадные янычары, было ничуть не менее скучно. Влад поначалу надеялся, что створки распахнутся и кто-нибудь из них выйдет, но ни у кого из визирей, по-видимому, не возникало желания удовлетворить свои «природные нужды», как выражался серб.

Спасение пришло совсем с другой стороны. Из галереи, по которой прошел сам Влад, послышались быстрые, чуть шаркающие шаги — так ходят наездники-сипахи. А спустя несколько мгновений появился высокий и стройный юноша с красивым, словно выточенным из слоновой кости, лицом. Это был новый адъютант Мехмеда, командир кавалеристов Тункай Парс.

— Тункай! — воскликнул Влад, поднимаясь с низкой кушетки. — Это ты сказал моему слуге, что принц хочет меня видеть?

Адъютант остановился и недоуменно взглянул на княжича.

— Я? Твоему слуге? Ничего подобного я не говорил!

Краем глаза Влад увидел, как по каменному лицу янычарасерба пробежала легкая усмешка. Это разозлило его еще больше.

— Но кто-то же, черт возьми, послал моего толстого сирийца сказать, что принц хочет меня видеть!

— Не горячись, Влад. — Тункай, как приближенная к принцу особа, мог позволить себе некоторую фамильярность. — Сейчас я все разузнаю.

Он раздвинул плечом стражников и исчез за резными дверями. Не прошло и минуты, как из Палаты Солнца и Луны появился сам принц. Вид у него был утомленный.

— Дракул! — воскликнул он. — Что за история? Почему ты здесь?

Когда княжич, с трудом сдерживая гнев, повторил свой рассказ, принц весело рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— У твоего сирийца мозги заплыли жиром, как и живот. Я всего лишь хотел сыграть с тобой партию в шахматы после заседания дивана, вот и все. Это должен был передать тебе мой раб Камаль.

— А вместо этого, — перебил его Влад, — твой раб нашел моего Хаму, который все окончательно перепутал. Из-за наших нерадивых слуг я чуть было не подрался вон с тем здоровенным янычаром!

Он кивнул на серба, который по-прежнему невозмутимо смотрел куда-то в пространство.

— Рабов надо наказывать, — согласился Мехмед. — Им это только на пользу. Подожди меня еще минутку, я закончу заседание дивана, и мы отправимся к тебе играть в шахматы. А заодно откупим как следует твоего сирийца!

...Откупить Хаму, однако, не удалось. По той простой причине, что Хама — толстый, ленивый, безобидный Хама — лежал на полу лицом вниз в большой луже крови и не дышал. Его шея была перерезана от уха до уха.

— О Аллах, — прошептал принц, отступая. — Да его разделали, как барашка!

Вид убитого Хамы подействовал на Мехмеда чрезвычайно сильно. В империи османов редко практиковали кровавые наказания. Провинившимся сановникам султан посыпал золоченыйшелковый шнурок, который надлежало передать палачу для последующего удушения. Простонародье обычно вешали. Так повелось издавна, от легендарных времен, когда степные предки турок казнили своих врагов без пролития крови — связывали, накрывали кошмами, а потом пировали на телах побежденных.

Княжич, более привычный к виду крови, переступил через тело слуги и остановился посреди комнаты. Из платяного шкафа торчали чьи-то ноги. Огромные ноги, обутые в лучшие домашние тапочки Влада.

Влад подошел поближе и заглянул в шкаф. Горшечник Али, облаченный в атласный кафтан с золотой тесьмой и роскошныешелковые панталоны (ни разу, кажется, не надеванные), лежалничком, уцепившись окостеневшими пальцами за дверцы. Как будто кто-то тащил его за ноги наружу, а он, отчаянно сопротивляясь, пытался залезть как можно глубже в шкаф. Вся верхняя часть его туловища была скрыта под грудой упавшей одежды. Княжич, скав зубы, расшвырял заляпанные кровью платья и отшатнулся, едва сдержав подступившую к горлу тошноту.

У одетого в его лучшие вещи горшечника не было головы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Это Аббас, — сказал великий визирь Чандарлы Халиль Паша. — Во всяком случае, мне сказали, что его так зовут.

Человек, неподвижно стоявший в углу зала, поднял голову. У него было худощавое лицо с умными цепкими глазами и небольшой бородкой. Под черной куфией угадывались сильные, чуть покатые плечи бойца.

— Аббас — исмаилит, — продолжал великий визирь. — Ты знаешь, кто такие исмаилиты, Влад Дракул?

— Знаю, господин. — К Чандарлы Халиль Паше следовало обращаться с почтением. — Это последователи Хасана ибн-Саббаха, Старца Горы. Но ведь Аламут...

— Давно взят и опустошен монголами, — перебил его визирь. — Да, это так. Но братство исмаилитов, или, как их называют франки, ассасинов, не исчезло. Просто теперь они рассеялись по всему миру и узнают друг друга, используя целую систему тайных знаков. К тому же им не возбраняется наниматься на службу к земным владыкам, конечно, только правоверным. Так поступил и Аббас.

Влад не мог оторвать взгляда от человека в черной куфии. Ничего себе, настоящий ассасин! Отец говорил об этих многоликих дьяволах, способных пробираться в тщательно охраняемые замки и убивать тысячью известных только им способов. А про удивительную sectу исмаилитов им с Мехмедом рассказывал суровый

Молла Гюрани. Исмаилиты, предупреждал наставник, делают вид, что верят в Аллаха, но обладают тайнами, недоступными простым правоверным. Однако в действительности они самые настоящие зиндики — еретики — и, вполне возможно, поклоняются вовсе не Аллаху, а какому-нибудь козлобородому шайтану.

Наверное, ассасин мог бы внести в этот вопрос ясность, но Влад почувствовал, что ему не хочется расспрашивать Аббаса о тонкостях его веры. Да и не за этим его сюда позвали.

— Отныне Аббас станет твоей тенью, Дракул, — сказал великий визирь. — Мой повелитель, султан Мурад, да продлит Аллах его дни на этой земле, обещал твоему отцу, что в дворцовых стенах ты будешь в полной безопасности. Он, разумеется, не мог предположить, что ты — и твой друг, наследник престола — окажетесь столь глупы и беспечны, что полезете пряником в пасть льва. Тем не менее слово султана — превыше всего в этой империи. И, хотя, по совести говоря, вас обоих следовало бы примерно наказать, я отложу этот вопрос до возвращения его величества из албанского похода. Пока же к тебе, Влад, будет приставлен телохранитель.

— Ассасин? — удивился Влад. Визирь криво усмехнулся.

— Говорят, нет телохранителей лучших, чем наемные убийцы. Кому, как не ассасинам, знакомы все тонкости этого опасного ремесла? Ведь если хочешь убить кого-то, находящегося под надежной охраной, нужно уметь поставить себя на место охранников. Поверь мне, Дракул, даже у султана нет телохранителя более искусного, хотя у его величества их, конечно же, больше.

— Это честь для меня, господин великий визирь. — Влад наклонил голову. — А как же принц Мехмед?

Принц и заварил всю эту кашу. Когда друзья обнаружили в покоях Влада его слугу Хаму с перерезанным горлом и лишившегося головы горшечника, принц, извергнув из себя съеденную во время заседания дивана халву, побежал прямо к великому визирю.

Тот немедленно распорядился выставить вокруг домика Влада стражу — шестерых янычар — и только потом послал туда слуг, которые убрали трупы и тщательно отмыли пол и стены от кровавых пятен.

Голову горшечника Али так и не нашли, и это по какой-то причине тревожило великого визиря больше всего.

— Тебе повезло, парень, — сказал он Владу вечером того безумного дня. — Повезло дважды: твой слуга был слишком глуп, чтобы запомнить, что именно велел передать тебе принц Мехмед, а горшечник, которому ты разрешил взять кое-что из своей одежды, оказался слишком жаден. Он, видно, все никак не мог выбрать наряд себе по вкусу, а сириец, по твоему распоряжению, прислуживал ему и помогал менять платье... Неудивительно, что убийца принял горшечника за хозяина дома.

Как ни пытался Влад казаться спокойным, при этих словах он вздрогнул. Представил себе, что это он лежит в платяном шкафу без головы.

— Но никакое везение не продолжается вечно. — Чандарлы Халиль Паша словно прочел его мысли. — Убийца не просто так забрал голову горшечника. Он отнес ее тому, кто велел перерезать нить твоей жизни. Мне почему-то кажется, что тот человек — кем бы он ни был — хорошо знает, как ты выглядишь. И, как только он увидит голову, твоя жизнь вновь окажется в опасности.

Великий визирь ходил по комнате, спрятав кисти рук в широкие рукава халата. Лоб его прорезали глубокие морщины.

— Я не стану гадать, кто бы это мог быть, Дракул. Я задам тебе только один вопрос. Его высочество рассказал мне, что вы вчера пробрались в Башню Молчания. Это правда?

— Да, господин великий визирь, — ответил Влад, мысленно пожелав принцу подавиться своим длинным языком.

Первый министр султана бросил на него мрачный взгляд из-под кустистых седых бровей.

— Эта ошибка может очень дорого вам обойтись. Башня Молчания — запретное место, и принцу следовало бы об этом знать. Если бы он только интересовался чем-нибудь, кроме бессмысленных развлечений!

— Но мы никого не встретили в башне, — пробормотал Влад, надеясь, что Мехмед не увидел спящую красавицу через неплотно прикрытую дверь.

— Это не значит, что там никого не было! — рявкнул Чандарлы Халиль Паша. — Там могли быть десятки наблюдавших за вами глаз, о которых вы даже не догадывались!

Влад вспомнил таинственного старика, так испугавшего Мехмеда, и опустил голову.

— Я постараюсь оградить тебя от опасности, Дракул, — продолжал великий визирь уже спокойнее, — потому что никто не может поставить под сомнение слово султана. Но ты должен поклясться, что никогда больше не приблизишься к проклятой Башне Молчания и не станешь выведывать, кто там обитает.

— Так вам это известно? — вырвалось у Влада. Старик побагровел, как вареная свекла.

— Никого! Ты слышишь — никого и никогда ты не будешь об этом спрашивать! Понял меня, мальчишка?

Влад скрипнул зубами, но кивнул.

— Клянись своим христианским богом! — Глаза великого визиря, обычно сонные и прикрытие желтоватыми веками, сейчас метали молнии. — Положи руку на крест и клянись!

Делать нечего — пришлось поклясться. Только после этого Чандарлы Халиль Паша отпустил княжича домой — но не просто домой, а под надзор своих янычар. Неделю Влад не мог и шагу ступить, не испросив предварительно разрешения у начальника охраны. С Мехмедом он за эту неделю не виделся ни разу — принц приспал письмо, в котором нехотя признавался, что его самого держат под домашним арестом. Это его-то, целый год правившего огромной империей и носившего титул султана!

И вот великий визирь снова вызвал Влада к себе — чтобы познакомить с ассасином по имени Аббас.

— Я снимаю охрану с твоего жилища, — сказал он княжичу. — Аббас один стоит десятка обычных янычар.

Ассасин негромко кашлянул.

— Извини, уважаемый Аббас, я ошибся, конечно, — в голосе Чандарлы Халиль Паши появились несвойственные ему заискивающие нотки, — разумеется, ты стоишь двух десятков воинов.

«Ого! — подумал Влад, с интересом разглядывая человека в черной куфии. — Вот бы посмотреть на такого бойца в деле!»

— И все-таки как же принц? — повторил он. — Кто защитит его высочество?

— О принце не беспокойся, — холодно ответил великий визирь. — Его жизни ничего не угрожает... чего не скажешь о твоей!

— Но почему? В Башне мы были вдвоем...

Минуту Чандарлы Халиль Паша раздумывал, отвечать ему или нет. Потом подошел совсем близко к Владу и, наклонившись, шепнул прямо в ухо:

— А в комнату наверху заходил ты один.

2

С того дня жизнь Влада Дракула переменилась.

Мехмед, которого выпустили из-под домашнего ареста, навестил его только один раз, да и то в дом заходить не стал, сидел во дворике у бассейна. Беседа не клеилась — чувствовалось, что принцу очень хочется поговорить о загадочной Башне Молчания, но он старательно обходил эту тему — видно, великий визирь и с него взял клятву. Уже уходя, Мехмед обернулся и сказал словно невзначай:

— Кстати, я еду к отцу в Албанию. На пару месяцев. Не возражаешь, если я возьму с собой Раду?

Влад удивился. Раду жил в Детском дворе, примыкавшем к султанскому гарему, — там, под присмотром няньшек, обитали многочисленные отпрыски самого повелителя правоверных и высших сановников империи, у каждого из которых было по нескольку жен. Ему исполнилось уже десять, но взросльеть он и не начинал — оставался все таким же капризным и слабым, каким и покинул родные Карпаты. На сочащихся медом турецких сладостях он пополнел, лицо его стало круглым и розовым, и мало кто из дворцовых щеголей удерживался от того, чтобы не потрепать Раду по гладким тугим щечкам. Влад несколько раз пытался объяснить брату, что сын валашского господаря не должен позволять содомитам-османам так с собой обращаться, но все было тщетно. Кажется, Раду даже нравилось чувствовать себя в центре внимания; к тому же, потрепав его по щекам или поцеловав в губы, османы часто угождали его конфетами или орешками в меду. В конце концов, Влад махнул на брата рукой — у него и собственных забот хватало. И вот Мехмед спрашивает, не будет ли он возражать, если Раду поедет с ним в Албанию?

— Что он будет делать в албанских горах? Сластей там нет, холода Раду не любит. Я же рассказывал — пока мы ехали сюда из Валахии, он всех просто измотал своим нытьем. На что он тебе?

Мехмед замялся.

— Ну, я подумал, ему полезно было бы посмотреть свет... К тому же у Скандербега, говорят, есть прехорошенькая дочка — отец мог бы устроить им помолвку.

— Да ведь Скандербег-то — ваш враг! — возразил Влад. Сама мысль о том, что Раду может обручиться с какой-то албанской девчонкой, поразила его.

— Сейчас — враг, — согласился Мехмед. — А раньше был нашим подданным. Если получится породнить дома валашского господаря и албанского бея, у империи станет двумя сильными союзниками больше.

— Раз так, — пожал плечами княжич, — забирай. Но не говори потом, что я тебя не предупреждал!

И Мехмед уехал. Попрощаться он не зашел: Владу показалось, что принц даже был рад тому, что они теперь долго не увидятся. Как будто после убийства Хамы и Али не только на жилище Влада, но и на нем самом остались несмываемые кровавые следы...

С отъездом наследника престола прекратились занятия у Гюргани-эфенди. Раньше княжич был бы этому безмерно рад, а теперь он едва ли не скучал по скрипучему голосу старого Моллы, толковавшего об устройстве империи османов и других, не столь великих, государств.

Единственным человеком, которого Влад видел каждый день, был Аббас. Ассасин, телохранитель, человек-тень. Он жил в доме Влада — в той комнате, где раньше спал Хама. Но княжич не мог сказать наверняка, спит ли Аббас когда-нибудь, или нет. Иногда Влад вставал посреди ночи попить воды или сходить в отхожее место — и тут же в темном проеме двери бесшумно возникала высокая фигура, закутанная в черную куфию. Поначалу Влад вздрагивал, потом привык.

Аббас никогда не заговаривал с ним первым. Да и вообще разговорчивостью ассасин не отличался. На вопросы отвечал однозначно, чаще ограничивался кивком.

— Ты осман? — спрашивал, например, Влад. Аббас едва заметно качал головой.

— Араб?

— ...

— Перс?

Кивок.

— Ты когда-нибудь был в Аламуте?

— ...

— А долго ты учился своему ремеслу?

Кивок.

Ну и как, скажите на милость, можно беседовать с таким молчуном? Влад, впрочем, не терял надежды когда-нибудь разговорить ассасина. А потом понемногу привык к тому, что его повсюду сопровождает бессловесная, невозмутимая тень. Кому придет в голову разговаривать с собственной тенью? Разве что безумцу...

У ассасина обнаружилось удивительное умение исчезать из виду даже на открытой местности. Влад все время знал, что он рядом, но почти никогда его не видел. Однажды в жаркий полдень княжич отправился на берег Тунцы — искупаться и половить рыбу — и целый час шел по широкому цветущему лугу, где на три полета стрелы вокруг не было ни души. Он успел стащить с себя одежду и зайти в быстрые холодные воды реки — а когда обернулся, Аббас уже сидел на берегу, обхватив колени руками. После этого Влад долго приставал к ассасину с расспросами — где ты скрывался? Почему я не видел тебя на лугу? В конце концов, он взял Аббаса измором, и тот недовольно пробормотал:

— Много высокой травы. Легко спрятаться.

Из чего Влад заключил, что исмаилит полз за ним по земле, как змея.

Княжич незаметно присматривался к своему телохранителю: как тот двигается (мягко, как леопард), как ставит ноги (сначала на кончики пальцев, словно пробуя почву), как кладет руку на эфес своей сабли-кылыча¹. Однажды Влад увидел, как Аббас ловит муху, назойливо жужжавшую у него над головой. То есть самого движения он как раз и не заметил: просто в какой-то момент муха оказалась в плотно сжатом кулаке ассасина. А у Аббаса даже плечо не дернулось.

— Научишь меня своему искусству? — спросил как-то Влад у телохранителя. Тот едва заметно покачал головой.

¹ Кылыч (килич) — тяжелая колюще-рубящая турецкая сабля. Ее часто путают с ятаганом, который, как ни странно, был модификацией длинного боевого ножа (янычарам запрещалось носить кылыч в мирное время, и они стали заказывать оружейникам ножи длиной в руку).

— Почему — нет? — рассердился княжич. — Не хочешь?

— Не могу, — сизошел до ответа Аббас. — Я не пир, я мюрид¹.

Да и к чему вам?

— Это полезное умение, — сказал Влад. — От врагов можно отбиться, от заговорщиков.

— Бояться нечего. — Аббас, верно, подумал, что Влад говорит о сегодняшнем дне. — Пока я с вами, никто и близко не подберется.

«Только в Карпаты никто тебя со мной не отпустит, — подумал Влад. — А жаль — ты бы там очень пригодился».

Последнее время он много размышлял о том, как опасна жизнь господаря. Конечно, отец не раз повторял ему: быть правителем — не привилегия, а тяжкое бремя. Тот, кто стоит на самой вершине, открыт всем взглядам — и добрым, и злым, и последних неизмеримо больше. Владыке могут льстиво улыбаться в лицо, а за спиной точить кинжал предательства. Бояре, поднимающие заздравные чаши на пирах, только и ждут момента, чтобы скинуть господаря и поставить кого-нибудь из своих — таких случаев в истории Валахии было немало. Сегодня ты рубишься плечом к плечу с человеком, которого считаешь своим верным подданным, а завтра он продает тебя своему сопернику за мешочек золота.

Но все эти разговоры мало трогали Влада — он почему-то был уверен, что, заняв трон Валахии, сумеет железной рукой подавить самоуправство бояр, а предательство и коварство будет чуять, как хорошая гончая чует след зайца. Однако убийство Хамы и горшечника все изменило. Теперь княжич ложился спать с мыслью о том, надежен ли засов на двери (его поставили по приказу великого визиря), и заскрипят ли ставни, если убийца решит проникнуть в комнату через окно. В каждом незнакомце он видел нечто подозрительное: вот этот пожилой янычар как-то недобро

¹ Пир — учитель, мюрид — ученик, последователь.

косится на него из-под сползающего на глаза тюрбана — почему это? А тот блестящий наездник-сипах все время сжимает рукоять сабли — может быть, хочет внезапно выхватить ее и отсечь Владу голову?

Так можно было и с ума сойти, и, возможно, так бы оно и случилось, если бы не Аббас.

В один из бесконечных жарких и пыльных летних дней, когда в Эдирне особенно скучно, Влад шел по базару Бедестан, славившемуся тем, что здесь можно было купить любую вещь, которая только существовала в мире. На главном базаре империи продавались товары со всего света: клинки, выкованные кузнецами далекого Толедо, ткани, вышедшие из мастерских лучших в мире сирийских ткачей, янтарные бусы, привезенные с берегов далекого холодного моря, что лежит к северо-западу от владений султана, ковры из персидского Хорасана, шелковые халаты и фарфоровая посуда из сказочного Катая, благовония из Индии и мягчайшие соболиные меха из снежной Сибири. Влад забрел сюда без особой надобности — просто захотелось поглядеть на заморские диковинки да узнать новости. Он зашел в чайную лавку, поболтал немного с купцом, вернувшимся из монгольского Хан-балыка, выпил предложенную чашку янтарного напитка. Заглянул в оружейный ряд, полюбовался саблями из дамасской стали, покачал одну из них в руке, спросил цену — она, как и следовало ожидать, была запредельной. Так ничего и не купив, прошел мимо лавок медников и золотых дел мастеров и оказался на площади, где демонстрировали свое искусство акробаты и жонглеры. Троє невысоких, но очень мускулистых индусов перебрасывались тяжелыми палицами, усеянными острыми, как бритва, шипами. Шипы сверкали на солнце, палицы со свистом рассекали воздух, выписывая причудливые узоры. Одного неверного движения хватило бы, чтобы страшное оружие отсекло руку зазевавшемуся циркачу. Зрители наблюдали за индусами с восхищением, крича и подбадривая, и Влад невольно поддался общему безумию. Он

протолкался в первый ряд, чтобы лучше видеть, и оказался за спиной у одного из жонглеров. Тут-то все и произошло.

Видимо, у кого-то из индусов все-таки дрогнула рука. Перебрасывая палицу своему товарищу, он сделал это не слишком точно. Второй жонглер — именно тот, за которым стоял Влад, — уклонился легким, скользящим движением. В следующее мгновение Влад увидел, что ощетинившаяся смертоносными шипами палица, вращаясь, летит прямо ему в голову.

Он не успел испугаться.

Откуда-то сбоку сверкнула голубая молния. Раздался страшный скрежещущий удар стали о сталь, и два куска рассеченной пополам палицы вонзились в землю у ног княжича.

Толпа отхлынула с воплями «Айя!» и «О Аллах!». Неизвестно откуда взявшийся Аббас не стал убирать кыльч в ножны. Он мягким пружинящим шагом подошел к индусам, смуглая кожа которых вмиг стала пепельно-бледной.

— Кто бросал? — спокойно спросил Аббас циркачей.

— Я, эфенди, — ответил самый молодой из индусов.

— Кто заплатил тебе?

Жонглер сник под тяжелым взглядом Аббаса.

— Никто, эфенди, клянусь Аллахом... я ошибся, просто ошибся!

— Протяни руку, — велел ассасин.

Коротко свистнула сабля. Удар был нанесен плашмя, и рука жонглера просто повисла плетью. Индус завыл и упал на колени в пыль.

— Не сможешь больше бросать, — сказал Аббас.

— Что ты ему сделал? — спросил Влад, когда они покинули площадь.

— Перебил сухожилие, — ответил ассасин. — Навсегда. Можно было отрубить руку, но за пролитую кровь нужно платить штраф. Не хотел вводить вас в убыток.

Этот случай убедил Влада, что, пока Аббас рядом, его жизни ничего не угрожает. Человек, способный за долю секунды оказаться

рядом с хозяином и в полете разрубить случайно брошенную в того палицу, сумеет обезопасить его от любых наемных убийц. С того дня княжич вновь стал спать спокойно и перестал вздрагивать, когда какой-нибудь незнакомец вдруг клал руку на эфес своей сабли.

Дни шли за днями. От отправившегося в Албанию Мехмеда не было никаких вестей, не прилетали и почтовые голуби из Валахии. Владу казалось, что его позабыли все, кого он когда-то знал. Он отчаянно скучал, проводя время в праздности и забавах, которые не приносили ему никакого удовольствия.

Княжич приобрел привычку бродить по ночному Эдирне и посещать кофейни со скверной репутацией, где зловещего вида бородачи до самого рассвета играли в нарды «на интерес», а то и бросали запрещенные пророком игральные кости. Бородачей он не боялся: следовавший за ним тенью Аббас садился у входа и внимательно смотрел, чтобы к его подопечному никто не приближался с недобрыми намерениями. Завсегдатаям таких мест — народу тертому и бывалому — не нужно объяснять, кто таков немногословный человек в черной куфии. Влад пристрастился к игре в кости, иногда проигрывал, но чаще уходил домой с полными карманами денег. На что их тратить, он толком не знал, но сознание того, что это его собственные деньги, приносило княжичу спокойную радость. Однажды он попытался вручить десять золотых Аббасу, но ассасин только покачал головой.

— Мне платит господин великий визирь, — сказал он.

— Но я тоже хочу тебя отблагодарить, — настаивал Влад. — Ты спас мне жизнь, Аббас!

— Это мой долг, — отрезал ассасин и не произнес больше ни слова. Денег он так и не взял.

Золотые венецианские дукаты (своей золотой монеты османы не чеканили) и серебряные акче копились в двух холщовых мешочках, которые Влад хранил под кроватью. На игру княжич

тратил не больше пятой доли от общей суммы, и такая тактика приносила плоды. Даже проигрываясь, он никогда не рисковал всем капиталом. А если пятая часть иссякала, не принося выигрыша, Влад отправлялся к дворцовому казначею и брал у него под расписку сотню-другую акче. Взятые в долг деньги он всегда возвращал, приводя тем самым в изумление казначея.

В одну прекрасную лунную ночь Влад поставил на кон последние пять золотых — и проиграл их.

— Кисмет, — сказал толстый турок с длинными висячими усами, подгребая к себе монеты.

— Кисмет, — спокойно согласился Влад. Ему нравилось это слово, которым османы объясняли все на свете. Означало оно — «судьба». Выиграл — кисмет. Проиграл — тоже кисмет. Сложил голову в бою — кисмет. Вернулся с войны с полными карманами золота — кисмет.

— Будешь еще играть? — алчно поводя усами, спросил толстяк.

— Не сегодня. — Влад поднялся с подушек и пошел к выходу. Краем глаза увидел, как отделилась от стены черная фигура Аббаса. И вдруг ему остро, нестерпимо захотелось одиночества. Вот уже несколько месяцев он все время находился в обществе безмолвного телохранителя-убийцы. Все, что происходило с Владом, было на глазах у Аббаса. Конечно, княжич понимал, что только так он может чувствовать себя в безопасности... и все же был готов рискнуть своей жизнью, чтобы хотя бы на несколько часов почувствовать себя свободным, как прежде.

— Аббас, — позвал он, остановившись посреди залитой лунным светом улицы. Ассасин тут же оказался рядом — словно бы соткался из пятнавших стены теней. — Я хочу побывать один, — сказал Влад, злясь на себя за просительные интонации в голосе. — Совсем один, понимаешь?

Он ожидал, что Аббас начнет возражать ему, но ассасин лишь молча кивнул.

— Ты можешь оставить меня? Ненадолго?

Снова кивок. Влад не верил своим глазам.

— Это... это очень хорошо, — пробормотал он растерянно. — Я... благодарен тебе.

Аббас снова кивнул и отступил в тень. Мгновение — и Влад остался один.

Он повернулся и побежал.

Пробежал двести или триста шагов и остановился. Обернулся. Улица была пуста.

Все оказалось проще, чем думал княжич. Оказывается, достаточно только попросить. Но почему Аббас так легко уступил? В этом крылась какая-то тайна. Телохранитель, отвечающий за жизнь знатного заложника своей головой, ни в коем случае не должен оставлять его одного. Выходит, Аббас обманул его? Но не может же он становиться невидимым! Это было бы слишком даже для ассасина...

Влад еще раз внимательно обвел взглядом освещенные луной беленые стены домов. Никаких следов человека в черной куфии. Чудеса, подумал он. Но чудеса этой ночи только начинались.

3

Аббас лежал на крыше дома в тридцати шагах от валашского княжича и едва заметно усмехался.

Великий визирь предупреждал его, что неверный своему праву и склонен к безумствам. «Рано или поздно, — сказал Чандарлы Халиль Паша, — он может начать тяготиться опекой и попытается ускользнуть из-под твоего надзора. Тебе следует быть готовым к этому».

И Аббас постоянно был начеку. Но все произошло не так, как предполагал великий визирь. Княжич сам попросил своего телохранителя оставить его в одиночестве. Разумеется, Аббас согласился — было бы гораздо хуже, если бы кафир попробовал

обхитрить его и сбежать. Этот юноша не слишком силен и ловок, но Аббас не мог отказать ему ни в уме, ни в хитрости.

И, разумеется, Аббас ни на секунду не выпускал княжича из виду.

Черная куфия делала его почти неразличимым на фоне темных крыш Эдирне. Хитрость была в том, чтобы не попасть в пятно лунного света — но этому искусству Аббаса обучали с детства. Он крался по крышам легкими, бесшумными шагами, перепархивая с одной на другую, подобно огромной летучей мыши.

Тот, кого он охранял, несколько раз обернулся, прислушиваясь. Но летними ночами в Эдирне шумно: на все лады орут лягушки в окружающих город неглубоких прудах. Ходили слухи, что из-за этих лягушек сам султан Мурад старался проводить лето вдали от столицы: заснуть под их разноголосое кваканье было не просто даже в роскошных дворцовых покоях. Поэтому княжич не услышал ничего, кроме любовных лягушачьих песен.

Путь его лежал на восток от главной площади Эдирне, туда, где между городской стеной и медресе Аль-Шафийя раскинулись старые, еще византийских времен, сады.

«Так даже лучше», — подумал Аббас. Среди деревьев гораздо легче незаметно следовать за человеком, не умеющим растиряться в тени и бесшумно ступать по опавшим листьям. Правда, и убийцы, если они все еще хотели лишить Влада жизни, должны были оценить все преимущества безлюдныхочных садов. Но ас-сасин сомневался в том, что за княжичем до сих пор ведется охота.

Прошло уже два месяца с тех пор, как кто-то проник в покой валашского заложника и зверски расправился с его слугой и горшечником Али, которого по ошибке принял за Влада. Аббас был невысокого мнения об этом человеке: он оставил слишком много следов, а самое главное — убил не того. Хотя силой обладал чудо-вищной: голову горшечнику он оторвал голыми руками. Но, кем бы ни был убийца, новых попыток расправиться с княжичем он больше не делал.

Аббас много думал об этом и пришел к выводу, что ответов может быть два. Либо убийца так и не узнал, что человек, одетый в платье княжича, не Влад, либо же счел, что такого предупреждения будет достаточно. Поскольку о том, что наследник валашского господаря жив и здоров, знали в Эдирне многие, ассасин склонялся ко второму варианту.

Великий визирь поделился с ним своими подозрениями на этот счет.

— Сопляки залезли в Башню Молчания, — сказал он, поджав тонкие губы. — Что еще хуже, они попались на глаза старому Синбэду.

— Значит, это не легенда, господин? — спросил Аббас, до ушей которого доходили кое-какие слухи об одинокой башне к северу от столицы.

Чандарлы Халиль Паша покачал головой.

— Увы, нет. Синбэд пообещал его величеству раскрыть секрет греческого огня¹. А для султана — да продлит Аллах его дни — сейчас нет ничего важнее. Поэтому старый колдун может творить в своей башне все, что ему вздумается, — на этот счет есть специальный тайный указ его величества. Указ дает ему право поступать по своему усмотрению с каждым, кто попытается проникнуть в башню.

— Но неверный попал туда в компании с принцем, — заметил ассасин.

Великий визирь хмыкнул и погладил бороду.

— Синбэд вряд ли рискнет тронуть наследника престола, — сказал он после некоторого молчания. — Не такой уж он безумец.

¹ Греческий огонь — оружие массового поражения, применявшееся византийцами. Что-то вроде современного напалма — смесь горючих веществ, которую невозможно было потушить водой. В основном использовался в морских сражениях, но есть сведения о применении греческого огня в битвах на суше. Секрет его так тщательно охранялся византийцами, что точный рецепт приготовления греческого огня неизвестен и по сей день.

Тем не менее, я все же отошлю принца подальше от Эдирне. А ты проследи, чтобы ни один волос не упал с головы неверного.

Аббас кивнул. Он не сомневался, что сумеет оградить юного заложника от подосланных Синбэдом убийц.

Кем бы они ни были.

4

Перед тем как войти под темную сень деревьев, Влад помедлил, прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

Голос шептал ему: брось, возвращайся во дворец, ты уже достаточно насладился одиночеством. Никто не следит за тобой, ты прошел по всему Эдирне и встретил лишь двух ночных стражников, обходящих кварталы с колотушками.

Возможно, Влад и внял бы этому совету, но ему показалось, что, повернув домой, он проявит трусость. Вряд ли в садах, прилегавших к медресе, таилась какая-то опасность, но древнее чувство угрозы, исходящее от окутанных ночным мраком зарослей, придавало обычной прогулке прянный оттенок риска. Княжич проверил, легко ли выходит из ножен висящий на поясе кинжал, и твердым шагом направился по дороге, ведущей в глубину сада.

Из глубокой тени, лежащей между двумя деревьями, вышла навстречу ему тонкая, облитая лунным серебром фигурка.

Влад остановился, словно ударившись о невидимую стену.

Перед ним стояла девушка. Девушка с открытым лицом!

За два года, проведенных в империи османов, Влад видел женщин без чадры или хиджаба всего несколько раз — юные озорницы из гарема любили пошалить, открывая лица случайным встречным мужчинам. Ну, и, конечно же, никакого хиджаба не было у спящей принцессы, которую он поцеловал в Башне Молчания.

Княжичу показалось, что он спит и видит волшебный сон. Перед ним, освещенная яркой луной, стояла красавица из Башни.

Никаких сомнений — это она. Те же точеные черты, те же огромные глаза, опущенные длинными густыми ресницами. Те же похожие на спелые вишни сладкие губы, от которых так тяжело было оторваться...

Минуту они смотрели друг на друга, как два осторожных зверька, столкнувшихся на лесной тропинке, а потом одновременно шагнули — Влад к девушке, а она — от него.

— Кто ты? — успел спросить Влад, прежде чем девушка повернулась и, не разбирая дороги, бросилась в чащу.

Княжич, не раздумывая ни секунды, последовал за ней.

Он бежал, опустив голову, чтобы ветки не хлестали его по глазам. Колючие кусты цеплялись за одежду, но Влад не обращал внимания на треск рвущейся ткани. Девушка опережала его шагов на двадцать — не такая уж серьезная дистанция. Вот только темнота, повисшая между деревьями, скрывала ее лучше любого плаща-невидимки. Ориентироваться можно было только по звукам: шелесту раздвигаемых ветвей, хрусту сухих сучков, шороху ткани. И звуки эти говорили о том, что Влад напоминает незнакомку. Может быть, крикнуть ей, чтобы она не боялась?

Он выскоцил на небольшую полянку и в растерянности завертел головой. Девушка исчезла. Растворилась в ночи, подобно ассиину Аббасу.

— Где ты? — безнадежно спросил княжич у темноты. — Почему ты убегаешь? Я не сделаю тебе ничего плохого...

За спиной у него послышался шорох. Влад резко обернулся — девушка стояла в пяти шагах.

— Иди сюда, — прошептала она.

Влад осторожно двинулся к ней. Он был почти уверен, что девушка дразнит его и что, стоит ему приблизиться, она вновь скроется среди деревьев. Но он ошибся.

Ее ресницы вздрогнули и опустились. Манящие алые губы приоткрылись, блеснули белые жемчужины зубов.

Влад подошел совсем близко и, повинувшись древнему инстинкту, положил свои ладони на восхитительно крутые бедра девушки. «Теперь не убежишь», — подумал он торжествующе.

Она запрокинула лицо, брезвально подставляя губы для поцелуя. Влад наклонился, прильнул к ним, успел ощутить знакомый цветочный аромат...

В следующее мгновение девушка отпрянула, словно ужаленная пчелой. Владу казалось, что он держит ее крепко, но она оказалась очень сильной и легко разорвала его объятия.

— Я... я тебя знаю... — прошептала она изумленно. Глаза ее расширились, и в них явно мелькнул страх.

— Знаешь? — переспросил Влад. — Ты, значит, не спала тогда?
— Так это был ты?..

В одно короткое мгновение они сказали друг другу больше, чем иные говорят за долгие часы. Страх медленно таял в широко распахнутых глазах девушки, но она все еще держалась в отдалении. Влад никак не мог понять, что с ней происходит, но еще загадочнее то, что делалось с ним самим: кровь княжича бурлила в жилах, словно крутой кипяток, и единственным способом остудить ее было вновь обнять прекрасную незнакомку и все-таки сорвать с ее губ тот поцелуй, в котором Владу так внезапно отказали.

— Меня зовут Влад Дракул, — сказал он, медленно сокращая расстояние, отделявшее его от девушки. — Я сын валашского господаря.

— А я — Тангуль, — прошептала она. — Я... дочь Синбэда, хозяина Башни Молчания.

— Тангуль, — завороженно повторил Влад. — У тебя очень красивое имя...

— Оно означает «Роза Заката». Я... родилась на западе, далеко отсюда.

— И сама ты очень красивая. — Влад протянул к ней руки, но Тангуль снова отшатнулась. — Почему ты боишься?

По лицу девушки пробежала тень.

— Я... не за себя боюсь, Влад. Не нужно тебе меня целовать.

— Брось, — засмеялся княжич. Бурлящая кровь ударила ему в голову. — Твой отец мне ничего не сделает. Знаешь, у меня лучший в мире телохранитель.

Стоявший в десяти шагах позади него Аббас улыбнулся во тьме.

— Тот, что прячется под раздвоенным дубом? — спросила Тангуль.

Улыбка сползла с лица ассасина. Никто не мог увидеть его в темноте. Никто, кроме...

Влад, казалось, ничуть не удивился.

— Аббас, — сказал он, поворачиваясь, — я приказываю тебе удалиться. Мне ничего не угрожает.

— Он не послушался, — сказала Тангуль.

— Аббас! — Княжич повысил голос. — Немедленно отойди хотя бы на сто шагов. Это приказ.

Точеные ноздри Тангуль раздулись, будто она к чему-то принюхивалась.

— Он уходит, — прошептала она. — И мне тоже пора.

— Нет, — сказал Влад и взял ее за руку. — Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Отпусти, — попросила Тангуль тихо. — Ты ничего не понимаешь.

— Я люблю тебя. — Влад сжал пальцы, но испугался, что делает ей больно, и тут же ослабил хватку. — Полюбил тебя еще тогда, в Башне. Я мечтал, что мы встретимся... И вот теперь...

Аббас, отошедший на сто шагов, бесшумно крался обратно к поляне. Слабый ветерок, шелестевший в кустах, дул ему в лицо, и это было очень кстати. Ассасин подозревал, что девушка, с которой любезничал его подопечный, не увидела его, а учゅяла.

— Нам нельзя любить друг друга, — еле слышно проговорила Тангуль. — Беги, Влад, беги, пока не поздно...

Но пунцовий ротик ее сам раскрылся навстречу Владу.

И Влад Дракул, боясь, что она снова выскользнет у него из рук, впился в него глубоким и жадным поцелуем.

Перед глазами у него завертелись разноцветные пятна, в голове зашумело, как после бутылки крепкой бузы. Тонкий цветочный аромат, исходивший от Тангуль, усилился так, что у Влада сдавило горло. Он попытался вздохнуть — и не смог, потому что губы его были крепко прижаты к губам Тангуль.

А потом что-то горячее и острое, словно лезвие раскаленного на огне кинжала, вонзилось ему в горло, и наступила тьма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Он пришел в себя, прикрученный кожаными ремнями к жесткой деревянной кушетке.

Шея болела так, будто ему только что отрубили голову тупым ржавым топором, а потом передумали и пришили ее обратно.

Из глубин памяти всплыла картинка: по залитому солнцем двору бегает безголовая курица, заполошно хлопая крыльями, а из горла у нее брызжет алый фонтанчик. Глупая птица может жить без головы несколько минут. Человек, кажется, на такое не способен. Видимо, на этот раз все-таки обошлось без топора.

— Очнулся? — спросил чей-то голос. По-турецки, но с каким-то трудно уловимым акцентом. Впрочем, Владу сейчас было не до тонкостей произношения.

— Развяжите, — прохрипел он и захлебнулся собственным стоном — боль пронзила горло огненной молнией.

— Непременно развязжу, — пообещал голос. — Но пока что тебе лучше пребывать в покое.

«Это ты называешь покоем?» — хотел спросить княжич, но, опасаясь нового удара молнии, не стал искушать судьбу. Вместо этого он осторожно, стараясь не напрягать мышцы шеи, скосил глаза, чтобы разглядеть того, кто с ним разговаривал.

Он увидел край парчового халата, далеко не первой свежести, заляпанного какими-то темными пятнами и прожженного огнем. Больше в поле его зрения ничего не попадало.

— Ты перенес приступ тяжелой болезни, — продолжал, между тем, его невидимый собеседник. — Эта болезнь схожа

с бешенством и тоже вызывает сильнейшие судороги. Чтобы ты не поранился, я счел за лучшее привязать тебя к кушетке.

«Когда же я успел подхватить эту болезнь?» — спросил себя Влад. Он напряг память, пытаясь восстановить события последних дней. Игра в кости в кофейне, проигранные пять золотых, одинокая прогулка по ночному городу...

Темные сады у медресе Аль-Шафийя. Он зачем-то решил их посетить... Кто-то ждал его там, в глубине садов... вот только кто?

— Но я должен тебя ободрить, — говорил, меж тем, голос. — Ты не умрешь. В первую очередь, конечно, тебе следует благодарить за свое спасение Аллаха, но поскольку ты неверный, то можешь поблагодарить только меня, старого Синбэда.

Влад скрипнул зубами.

— Я знаю, тебе тяжело говорить. Не нужно, не напрягайся. Ты все равно ничем не сможешь меня удивить или развлечь. А я вот тебя, пожалуй, смогу. Я расскажу тебе историю болезни, от которой я тебя лечу, — а заодно историю своей жизни. Времени у нас много — так что история будет длинной. Тебе следует знать, юноша, что имя «Синбэд» в переводе с древнего языка персов означает «Повелитель Мудрецов». Я родом из города, о котором сложена короткая, но мудрая пословица: Исфахан — нефс-э-джехан. То есть, в переводе на варварский язык османов, «Исфахан — половина мира». О его чудесах и диковинах можно говорить бесконечно, но речь у нас пойдет не о достопримечательностях персидской столицы. А о том, чего до поры до времени не было даже в Исфахане, где, как говорят, есть все. О страшной болезни, называемой Красной жаждой.

Рассказ Синбэда о болезни, называемой Красной жаждой

Os hians, dentes candidi — такой диагноз ставили венецианские лекари солдатам, заразившимся Красной жаждой в горах Эпира. В переводе с языка римлян это означает «пасть разверстая,

клыки белоснежные». Венецианцы боялись этой хвори, больше, чем чумы, — заболевших еютопили в море, а трупы затем сжигали.

Но болезнь эта была известна в тех краях задолго до того, как на болотистых берегах Венецианской лагуны возвели первые дома и дворцы. Никто не знает, откуда она явилась; я лично думаю, что некогда Красная жажда распространялась широко, но из-за того, что охваченные суеверным страхом люди повсюду уничижали тех, кого она коснулась, сохранилась лишь в уединенных, труднодоступных местах, таких как горы Эпира. Мне довелось вскрывать трупы людей — если их позволительно так называть, — умерших от Красной жажды. Ибо от нее умирает девять человек из десяти заразившихся.

Говорят, что ею заболевают те, кто отведал мяса овцы, загрызенной волком. Я вскрывал туши таких овец, но не нашел никаких отличий от обычных животных. Зато у некоторых волков, убитых в Эпире, изменения внутренних органов были схожи с теми, что я наблюдал в трупах людей, пораженных Красной жаждой. Из чего я делаю вывод: болезнь развивается сначала в теле волка, потом с его клыков попадает в кровь и мясо овцы, а уже оттуда — в тело человека.

Но, конечно, заболевает и тот, кого укусил зараженный Красной жаждой человек.

Болезнь развивается стремительно. Уже на второй-третий день после укуса человек страшится и избегает солнечного света. Этот страх схож с водобоязнью, которой страдают больные бешенством собаки и покусанные ими люди. Потом солнечные лучи начинают причинять несчастному сильную боль. Его кожа меняет цвет и становится очень белой и чувствительной. Еще через два дня происходят изменения в печени и сердце — на этой стадии большинство больных погибает. Те же, кто выжил, перестают быть людьми, а становятся монстрами, жаждущими только одного — крови. Эта жажда, давшая название болезни, так сильна, что одержимый ею может броситься со скалы, если под нею будет

проходить ребенок с оцарапанной коленкой или девушки с лунным кровотечением. Нюх у таких больных сильнее, чем у самой лучшей гончей.

До последней стадии доживает, как я уже говорил, лишь один из десяти заразившихся. Но это уже не человек, а существо, схожее с человеком лишь внешне. В разных краях таких существ называют по-разному. В Далмации — врикодлаки, в Сербии — поколи. В Анатолии в ходу слово обур, в Персии — гуль. А в самом Эпире стараются не давать им имен собственных, называя «неразложившимися» или «облачившимися в плоть». Еще их кличут «разрушителями», потому что они уничтожают все, к чему прикасаются, а некоторые — «зевающими». Это оттого, что больные Красной жаждой широко разевают рот, прежде чем впиться зубами в шею своей жертве.

Я заинтересовался «облачившимися в плоть» еще юношой. Мой учитель, Ходжа Нифзаи, известный в Исфахане врач, был вызван ко двору Шахиншаха, чтобы вылечить его любимого сына и наследника. Этот молодой человек, которого звали Абдул-Хассан, отправился в отдаленные горы поохотиться на снежных барсов. В бедной горной хижине, где принц остановился на ночлег, он встретил изумительной красоты девушку, влюбился в нее и взял с собою в столицу. О происхождении девушки он ничего не знал, но подозревал, что она низкого рода; поэтому он никому не стал рассказывать о своей избраннице, поселил ее в загородном домике и навещал ее там при каждом удобном случае. Девушка эта была неизбалованна и не требовала ни подарков, ни денег. Она лишь попросила разрешения сама выбрать себе прислугу, и, когда принц согласился, наняла заущие гроши полуслепую старуху и горбатого старика. Юноша удивился, но ничего не сказал.

Странностей у его возлюбленной было две — она всегда спала днем и никогда не выходила на улицу до захода солнца, а еще она очень мало ела. Одного зернышка риса или крошки халвы ей

хватало на всю вечернюю трапезу. Принц, разумеется, пытался уговорить девушку поесть вместе с ним. Но она всегда отказывалась, объясняя это заботой о своей прекрасной фигуре.

Однажды ночью Абдул-Хассан, очнувшись от глубокого сна, обнаружил, что он один в своей постели. Сперва он подумал, что его возлюбленная вышла по природной надобности, и не придал этому значения. Но время шло, девушка не возвращалась, и он начал волноваться. Она вернулась только к восходу солнца. Принц притворился спящим, а утром уехал во дворец и там, запервшись в темной комнате, по-настоящему выспался. Вечером он опять навестил свою возлюбленную, и после бурных любовных ласк юноша вновь сделал вид, что крепко заснул. Сквозь полуоткрытые веки он осторожно наблюдал за своей подругой. Она долго лежала без движения, а потом, убедившись, что принц спит, бесшумно поднялась с постели, накинула длинный темный плащ и выскользнула на улицу. Принц быстро оделся и последовал за ней, стараясь держаться на расстоянии. К его удивлению, девушка пересекла темную рощу и направилась на дальнее кладбище, которое пользовалось дурной репутацией, так как считалось обиталищем темных сил. Сердце Абдул-Хассана трепетало, как у пойманного зайца, но он был не из тех, кто пасует перед опасностями. Осторожно следя за девушкой, он увидел, что она вошла в большой полуразрушенный склеп, построенный еще до прихода арабских завоевателей.

С величайшими предосторожностями Абдул-Хассан заглянул в склеп через трещину в стене. Внутри, в тусклом свете трех масляных ламп, он увидел картину, от которой кровь его застыла в жилах: его прекрасная возлюбленная сидела среди жуткого вида существ, похожих на людей. Одно из этих чудовищ принесло труп, похороненный в тот же день, и вся компания с аппетитом набросилась на отвратительное угощение. После того как с едой было покончено, еще одно существо, в котором принц узнал горбатого старика, прислуживавшего его подруге, вытряхнуло из мешка

живую, но крепко связанную обезьяну. К ужасу принца, его возлюбленная одним движением откусила обезьяне голову и напилась свежей крови, после чего труп животного пошел по кругу, служа чем-то вроде пиршественной чаши.

Тут Абдул-Хассан не выдержал, развернулся и побежал обратно к дому. Ему, конечно, тут же бы сесть на коня и скакать во дворец, но он так устал и был так вымотан событиями этой ночи, что сумел только добраться до постели и рухнуть без сил, надеясь лишь на то, что его вылазка осталась незамеченной. Так оно и вышло: девушка, как обычно, вернулась перед рассветом и, как ни в чем не бывало, забралась к принцу под одеяло. Тут-то все и произошло. Абдул-Хассан, перед глазами которого все еще стояла картина мерзкого пиршества, не смог сдержать отвращения, когда красавица прижалась свои губы к его губам. Почувствовав в ее дыхании смрад мертвчины, он оттолкнул ее и яростно закричал:

— Убирайся к своим упырям, проклятая ведьма!

Это была ошибка. Глаза девушки вспыхнули красным огнем, она, как дикая кошка, прыгнула на принца и прижалась его грудь коленом. Он пытался сопротивляться, но она оказалась сильнее. Взмахом острых когтей она разодрала вену у него на шее и принялась жадно сосать кровь. Последним усилием Абдул-Хассан вытащил из-под подушки кинжал — ибо, вернувшись с кладбища, он принял некоторые меры предосторожности — и вонзил ей в бок. Она завыла и скатилась на пол, а принц, шатаясь от боли и потери крови, продолжал колоть ее кинжалом, пока она не перестала двигаться. Абдул-Хассан кое-как добрался до своего коня и поскакал во дворец.

На этом, однако, история не закончилась. Слуги Шахиншаха, посланные в загородный домик спустя несколько часов, не нашли там никаких следов девушки — ни живой, ни мертвой. А раны принца воспалились, и через несколько дней он свалился с жесткой лихорадкой, вылечить которую не мог ни один придворный лекарь.

Тогда-то Шахиншах и послал за моим учителем, Ходжой Нифзай. А вместе с Ходжой прибыл во дворец и я, скромный его ученик, помогавший растирать порошки и готовить снадобья.

Так я первый раз увидел человека, умирающего от Красной жажды.

Абдул-Хассан выглядел так, словно его тело распирало изнутри растущее в его чреве чудовище. Мне даже пришла в голову непочтительная мысль, что он похож на беременного мужчину. Гораздо позже я узнал, что внутренние органы человека, пораженного Красной жаждой, чрезвычайно распухают — особенно это касается печени, желудка и почек. Через несколько дней — если больной выживает — они вновь уменьшаются, но начинают совсем по-другому перерабатывать и усваивать пищу и воду.

У многих — но не у всех! — «неразложившихся» это вызывает отвращение к обычной человеческой еде и стремление насытиться мертвечиной, подобное тому, что испытывают гиены и стервятники. Другие же упыри — это славянское слово, обозначающее таких чудовищ, — не могут не то что видеть, но и обонять запах мертвоты плоти — это каким-то образом связано с изменением функций селезенки.

Но для всех без исключения пораженных Красной жаждой живая теплая кровь — лучше всего, разумеется, человеческая, хотя годится и кровь животных — является той амброзией, которая дает им невероятные силы и одновременно сводит с ума.

Сердце упырей становится в два раза меньше — думаю, для того чтобы его сложнее было пронзить колом, — а пульс меняется от дневного, слабого и редкого, до ночного, быстрого и яростного.

Мой учитель, Ходжа Нифзай, лечил Абдул-Хассана две недели. И юноша стал поправляться — насколько вообще может поправиться заразившийся этой болезнью. Потому что тот, к кому она прикоснулась, может выжить — но избавиться от Красной жажды не сумеет до конца своих дней.

Шахиншах был очень доволен и велел щедро наградить моего учителя. Однако Ходжа Нифзаи отказался от награды и попросил разрешения поговорить с Шахиншахом наедине. Беседовали они два часа, и, когда закончили, Шахиншах был мрачнее тучи.

Гораздо позже учитель поведал мне о том разговоре. «Ваш сын будет жить, — объяснил он Повелителю Вселенной, — но это уже не Абдул-Хассан, это чудовище в человеческом обличье. Решайте сами, нужен ли вам такой наследник». Шахиншах не поверил ему, и тогда Ходжа предложил ему подвергнуть принца испытанию.

По приказу Шахиншаха в спальню, где лежал выздоравливающий принц, запустили его любимого пушистого кота. Перед этим Ходжа Нифзаи аккуратно надрезал коту одно ухо — кот даже головы не повернулся, потому что уши у этих животных специально созданы Аллахом так, чтобы их можно было драть и откусывать, — но крови из надреза вытекло много.

Как только кот появился в спальне и, мурча, прыгнул на кровать к своему хозяину, Абдул-Хассан схватил животное за шею, свирепо отгрыз ему голову и напился алоей кошачьей крови. Высосав последнюю каплю, он отшвырнул трупик своего любимца и энергично вскочил с кровати.

Наблюдавший за этим сквозь потайное окно Шахиншах со-драгнулся от отвращения и подал знак слугам. В следующий миг плотные шторы, закрывавшие окна спальни, поползли в стороны, и комнату засиял ослепительный свет полуденного солнца. Принц завыл и попытался спрятаться под кровать, но, к несчастью, она стояла на массивном деревянном основании. Тогда он схватил одеяло, закутался в него и выбежал из спальни, выломав мощную дубовую дверь.

Я видел, как существо, бывшее еще недавно Абдул-Хассаном, пыталось спрятаться в самых темных закоулках дворца. Однако дворец Шахиншаха в Исфахане — очень светлое сооружение с множеством окон, и пока принц добирался до безопасного подвала, куда не проникал солнечный свет, вся кожа его стала красной

и воспаленной и слезала с тела лоскутами. Обезумевшее от боли и страха чудовище забилось в самое глубокое подземелье, где его и замуровали, оставив лишь небольшое отверстие, через которое можно было подавать пищу. Говорят, Шахиншах так и не сумел найти в себе мужества убить своего любимого сына, и Абдул-Хассан еще долгие годы обитал в подземелье, питаясь кровью жертвенных животных, которую ему подавали в медном сосуде на длинной палке. Может быть, он жив до сих пор — упыри гораздо долговечнее простых смертных.

Ты же не забыл, что слуги Шахиншаха так и не смогли найти тела девушки, которую Абдул-Хассан заколол кинжалом? Прошло несколько месяцев, и из отдаленных провинций к северу от Исфахана стали поступать ужасные вести о ночной ведьме, которая нападала на путешественников, перегрызала им шею и выпивала всю их кровь до последней капли. Шахиншах выслал против нее отборный отряд своих телохранителей, и после долгой охоты им удалось загнать ведьму в узкое ущелье, из которого не было выхода. Каково же было их изумление, когда они увидели, как ведьма — а это была, конечно, та самая девушка, что погубила Абдул-Хассана, — полезла по отвесной скале с такой легкостью, как по пологому склону невысокого холма. Прежде чем она успела скрыться, один из телохранителей пустил в нее стрелу и попал в ногу. Но даже со стрелой, торчавшей из икры, она добралась до гребня скалы и исчезла за ним. Больше ее никто не видел — думаю, она решила убраться подальше от владений Шахиншаха.

После этого случая я загорелся мыслью разгадать секрет Красной жажды. Мне было ясно, что, научившись управлять этой жуткой болезнью, можно получить, например, могучих воинов, которых не остановят ни сабли врагов, ни крепостные стены — вообще ничего, кроме солнечных лучей. Если бы у некоего правителя, думал я, была бы целая армия таких ночных чудовищ, он мог бы завоевать полмира. Да что там полмира — целый мир! Конечно, понадобилась бы еще и дневная армия, обычная, но от нее

как раз ничего особенного не требовалось бы — лишь удерживать города, взятые под покровом темноты неуязвимыми упырями.

Когда Ходжса Нифзаи умер, завещав мне все свои немалые богатства, я отправился в путешествие. Я побывал в Индии и на Тибете, видел столицу монголов Ханбалык и царства маленьких смуглых людей на берегах реки Меконг. Был я в землях франков и московитов, меня принимали польские магнаты и эмиры Аль-Андалус. И везде я расспрашивал встречавшихся мне мудрецов, лекарей и просто местных жителей о Красной жажде.

Мне удалось узнать, что эта болезнь до сих пор существует в отрезанных от большого мира деревнях, как правило расположенных в горах. Одна из таких деревень, по слухам, находилась в труднодоступной части Эпира — там, где горный хребет прорезает узкое и темное ущелье, по которому протекает река Ахерон. На языке эллинов «Ахерон» означает «река скорби». Добраться туда можно кораблем из Венеции или Далмации, но венецианцы, в остальном люди бесстрашные, наотрез отказываются туда плавать, а далматинские контрабандисты имеют неприятную привычку убивать тех, кого берут на борт. Однако я все же сумел попасть в нужную мне местность, поскольку двенадцать лет назад его величество султан Мурад отправился на завоевание Эпира и Албании. Я примкнул к его войску и оказал его величеству немало ценных услуг. Когда же султан заговорил о вознаграждении, я попросил его отпустить меня на некоторое время к истокам Ахерона в сопровождении нескольких храбрых янычар. Его величество выполнил мою просьбу, и вскоре я оказался в маленькой, затерянной в горах деревеньке, носившей жутковатое имя Волчий Вой.

То был неприятный и суровый край. Весь он испещрен ущельями, расселинами, обрывами, пещерами, теснинами, берлогами и дырами в земле, и населяли его по большей части хищные звери и такие создания, о которых даже мне ничего не известно. Обитатели Волчьего Воя были людьми дикими и грубыми. Жили они

в основном грабежом и скотоводством, причем последнее в их понимании означало в основном кражу скота в соседних деревнях. В головах у них царила полная неразбериха: в единственной мечети имелись росписи, где пророк был изображен в виде христианского Святого Духа, на церемонии обрезания мулла читал Евангелие, а во время Рамазана вся деревня упивалась вином, потому что так якобы «велел имам». О каком имаме шла речь, мне так и не удалось выяснить.

Но именно там, в этой забытой Аллахом деревеньке, мне, наконец, повезло. Ее обитатели действительно время от времени заболевали Красной жаждой, и, хотя таким тут же отрубали головы и вонзали в сердце осиновый кол (ибо жители Волчьего Воя верили, что осина — дерево, на котором повесился Иуда, — губительна для упырей), болезнь вспыхивала снова и снова. По-видимому, ее переносили волки, во множестве водившиеся в окрестных горах.

Пока я гостил в деревне, Красной жаждой заболела целая семья, отведавшая мяса зарезанной волком овцы. Отца, мать и трех их сыновей обезглавили и пронзили кольями до того, как я со своими янычарами подоспел к месту расправы, но последний ребенок был еще жив. Это была девочка лет четырех, с прелестным личиком и редкими в тех краях ярко-синими глазами. Я велел янычарам отбить ее у толпы и в том же день покинул селение. На завтра я заметил, что девочка жмурится от солнечного света и старается спрятаться в тень. Никаких сомнений больше не было — в моих руках находился ребенок, заразившийся Красной жаждой.

Перво-наперво я принял все необходимые меры предосторожности, чтобы уберечь свое сокровище от солнечных лучей. Я соорудил из выделанных овечьих шкур что-то вроде очень плотного, не пропускавшего ни единого лучика света шатра и посадил в него девочку. Еще через два дня нам пришлось остановиться, потому что у нее началась перестройка внутренних органов. Но я уже много знал о Красной жажде и сумел облегчить ее страдания, которые,

конечно, убили бы любого другого ребенка. Я давал ей отвары, смягчающие боль, и поил небольшими порциями крови. К сожалению, на этой стадии обязательно требуется человеческая кровь. Возможно, именно поэтому так много заразившихся Красной жаждой умирает в начале — они слишком слабы, чтобы охотиться на двуногую дичь, а кровь животных почти не помогает. Мне пришлось купить в одном из горных сел толстого, полнокровного мальчишку — его родители были уверены, что я забрал парня для своего гарема. Каждый вечер на привале я отворял ему жилы и выщеживал полстакана крови, которой поил девочку. Мой расчет оказался верен — превращение прошло быстро и почти безболезненно. Уже через неделю девочка бегала и прыгала, как обычные дети ее возраста, — правда, в отличие от них, только по ночам. Ела она мало, но и на мертвчину ее не тянуло. Однако мальчишку пришлось высушить без остатка — отведав человеческой крови, она уже не хотела пить кровь овец или телят.

Когда она выросла — здесь, в Башне, у меня на глазах, — я дал ей имя Тангуль, что означает «Роза Заката». Я хотел использовать ее для своих опытов — ведь моей целью по-прежнему было выведение непобедимыхочных бойцов, — но слишком поздно понял, что попал в ловушку, которую сам же себе и поставил. За это время я привязался к Тангуль, как к родной дочери. Я не мог подвергнуть ее таким жестоким пыткам...

Голос Синбэда пресекся. Он вышел из тени и встал в ногах у Влада.

— Зато я могу подвергнуть им тебя, юноша. Когда ты забрался в мой дом и проник в тайну Тангуль, я поначалу рассвирепел и хотелстереть тебя с лица земли. Я подоспал к тебе одного из своих стражей, Шарифа, и он принес мне твою голову. Точнее, это Шариф думал, что голова твоя — ведь он никогда тебя не видел и искал тебя по запаху, — ты ведь оставил здесь свой кушак и свои сапоги. Но я сразу узнал эту голову. Я иногда заказывал

горшечнику Али сосуды для своей лаборатории. Кисмет, сказал я себе. Аллаху зачем-то угодно, чтобы этот жалкий неверный продолжал свою никчемную жизнь. Кто я такой, чтобы спорить с Аллахом? И я оставил тебя в покое.

Влад внимательно изучал лицо Синбэда. Перед ним стоял морщинистый старик довольно неопрятного вида, с длинной седой бородой и безумным блеском в глазах. От такого безумца можно ожидать чего угодно, подумал Влад, вспомнив плавающего в зеленой жидкости человека, похожего на тряпичную куклу.

— А потом судьба снова свела тебя с Тангуль — только на этот раз все происходило ночью, когда ее сила возрастает многократно. Она мне все рассказала. Ты был подобен человеку, настойчиво стремящемуся войти в пещеру со львами. Тангуль охотилась в садах — и поначалу приняла тебя за обычного ночного гуляку. Она уже хотела высушить тебя, но тут вспомнила твой запах и решила пощадить юношу, подарившего ей столь целомудренный поцелуй.

Старик мерзко захихикал.

— Но ты неудержимо шел навстречу своей гибели. Ты отоспал прочь своего охранника и добился-таки ее поцелуя. Откуда тебе было знать, что любовная страсть выпускает демонов, живущих в душе Тангуль, из-под контроля? Бедная девочка не могла сопротивляться своей природе, к тому же ты действительно сумел покорить ее сердце! Она укусила тебя, и тут на нее набросился твой телохранитель.

«Аббас, — подумал Влад, — его звали Аббас...»

— Биться с ним Тангуль не хотела, — ворчливо продолжал Синбэд, — слишком уж он был силен и ловок. Но и бросить жертву, уже попробовав ее крови, она не могла. Поэтому ей пришлось перекинуть тебя через плечо, как делают горцы, когда крадут невест, и бежать со всех ног, подальше от твоего охранника.

«Аббас догнал бы ее», — хотел сказать Влад, но новая вспышка боли заставила его проглотить так и не сорвавшиеся с языка слова.

— Никто не может догнать «облачившегося в плоть», — словно прочитав его мысли, буркнул Синбэд. — Особенно если он только что глотнул крови. Твой телохранитель потерял ее из виду еще на том берегу Тунцы. Надо отдать ему должное, он тоже бегает быстро.

Влад, устав бороться с болью, прикрыл глаза.

— Так ты вновь оказался в моей башне, — торжествующе закончил Синбэд. — И это поистине сказочный дар, волшебный дар Аллаха! Тангуль не стала высасывать из тебя всю кровь, как она это делала с другими жертвами. Любовь! Какая глупость! Но именно благодаря этой глупости мне в руки наконец-то попал человек, зараженный Красной жаждой, с которым я могу делать поистине все, что хочу!

Старик подошел поближе к Владу и, протянув руку, нежно погладил его по щеке.

— Мой мальчик! Нас с тобой ждут удивительные открытия! Я сделаю из тебя совершенного бойца, чудовище, которое никто не сможет остановить! Если бы я только мог, я поцеловал бы тебя прямо в эти прекрасные, запекшиеся от крови губы!

В ноздри Владу ударил резкий, но очень манящий запах. Рот мгновенно наполнился слюной. Он через силу приоткрыл глаза — и увидел.

На пожелтевшем от алхимических снарадов узловатом пальце Синбэда, который все еще гладил щеку княжича, краснела свежая, сочащаяся кровью царапина.

Влад не успел ничего понять. Его голова сама метнулась вперед, зубы с костяным стуком клацнули совсем рядом с пальцем алхимика, успевшего в последний момент отдернуть руку.

— Отлично, — пробормотал Синбэд, глядя на княжича со смесью страха и восхищения. — Прекрасно, мой мальчик! Просто великолепно...

Он полез рукой за отворот своего грязного, засаленного халата. Нашарил там что-то — может быть, рукоять кинжала?

Влад рванулся и почувствовал, как вздулись и окаменели плечевые мышцы. Словно от одного только вида кровоточащей царепины его тело налилось яростной, неукротимой силой.

— Нет! — воскликнул Синбэд, отступая. В голосе его явственно слышался испуг, и это подстегнуло Влада, как подстегивает собак запах страха, исходящий от убегающего человека.

Княжич рванулся, чувствуя себя сказочным исполином. Боль в прокущенной шее по-прежнему оставалась с ним, но теперь он не обращал на нее внимания. Затрещали связывавшие его прочные кожаные ремни.

— А-р-р-р-а! — неожиданно для себя зарычал Влад, разрывая путы. Он освободил руки, вцепился в ремни, связывавшие щиколотки, рванул...

Свобода!

Он легким, пружинистым прыжком соскочил с кушетки и, оскалив зубы, двинулся на забившегося в угол алхимика. И вдруг по лицу Синбэда быстро, как метнувшаяся на добычу змея, прокользнула хитрая усмешка.

Старик выбросил вперед руку, которую держал за отворотом халата. Перед глазами Влада сверкнул какой-то серебристый предмет.

Влад почувствовал, что его взгляд неотвратимо притягивает к этому предмету. Желание разглядеть, что именно держит в руках Синбэд, пересиливало даже жажду крови.

Ему показалось, что в пальцах старика извивается толстый металлический червяк. Выглядел он отвращения живым, состоящим из множества мелких серебристых сегментов, которые то сокращались, то разбухали. А может быть, это была лишь иллюзия, и Синбэд сам шевелил предметом с ловкостью фокусника.

Жадно распахнутый рот червя тянулся к Владу, будто хотел вцепиться в тело княжича. Влад мог бы поклясться, что различает даже крошечные, но дьявольски острые зубы.

Княжич вдруг понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Да что там — рукой, он даже моргнуть не мог, словно

невидимая гипсовая маска сковала его лицо. Ему показалось, что он весь превратился в один долгий немигающий взгляд, уходящий в черный туннель пасти червя.

— Так-то лучше, — сказал Синбэд ворчливо. — Теперь ты знаешь границы своей силы. Ни веревки, ни путы не могут удержать «облачившихся в плоть». Только стальные кандалы... или Пиявка.

Он покачал серебряного червяка перед лицом обратившегося в соляной столп княжича.

— С помощью этого предмета я буду держать тебя в повиновении. Как держал Тангуль, пока она не поняла, что я ей не враг, а благодетель. Когда-нибудь это поймешь и ты. А пока...

Он подошел к Владу и несильно толкнул его в грудь. Влад с ужасом почувствовал, что падает на пол — мышцы по-прежнему не слушались его, он не мог даже сгруппироваться, чтобы смягчить падение.

Удар о каменный пол вышиб из него дух. Алхимик подошел и поставил ему на грудь ногу в рваной туфле.

— Знай, свое место, раб, — со спокойным торжеством произнес он.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Сабля тонко свистнула, и отрубленная голова гончей покатилась по каменному полю, разбрызгивая кровь. Тело сделало еще несколько шагов, пошатнулось на длинных ногах и рухнуло, забывшись в агонии.

Влад Второй Дракул вытер лезвие о шкуру мертвой собаки. Его любимица Ласка, принесшая не один отличный помет, только что провинилась — зарычала на хозяина. Зарычала без причины — имейся причина, Влад, возможно, простил бы гончую. Но сейчас лишь кивнул слугам, тут же кинувшимся убирать труп, а сам направился в башню.

На душе князя было тяжело. Пришло время обратиться к дракону, потому что Влад не мог больше пребывать в неведении относительно сына. Вдруг турки уже убили его?! Он вспомнил, как сам в малолетстве сидел в заложниках в Буде, у венгерского короля Сигизмунда-Жегмонда... Но король был довольно добрым человеком — насколько добр вообще может быть король. Ведь именно он предал сожжению гнусных еретиков Яна Гуса и Иеронима Пражского, изрекавших хулу на церковь Христову.

А неверные — хуже собак, и им нельзя дозволять огрызаться даже по серьезным причинам. А если с княжичем что-то случится... О, что тогда сделает Влад!!!

Хотя, что он может сделать? Выступить против султана и, скорее всего, потерпеть поражение?

— Не надо спешить, не надо, — пробормотал князь, вынимая дракона. Прохладная фигурка удобно легла в ладонь, словно рукоять хорошего персидского кинжала. Князь закрыл глаза и замер, прислонившись к каменной кладке.

Он боялся.

Что-то не так было с металлической фигуркой, зажатой в руке. Не от Господа она пришла, а от дьявола, все чаще казалось князю. Не дурно ли он поступает, обращаясь к дракону? Но ведь это знак его ордена, а ныне покойный Сигизмунд создал орден для борьбы с неверными и врагами церкви, недаром одним из лозунгов его было «*O quam misericors est Deus*» — «О, как милосерден Бог»... Да что там, сам Влад Дракул получил свое прозвище именно из-за ордена, так разве же принесет ему вред дракон?!

Князь решительно встряхнул головой и еще сильнее сжал фи́гурку в кулаке.

И сразу же на него надвинулись высокие минареты Адрианополя, мечеть Юч Шерефели, вся в строительных лесах, на которые рабы тащили красные и белые кирпичи, рынок Бедестан с его девятнадцатью куполами, мост Гази Михал Бея и, наконец, старый султанский дворец. Казалось, князь Влад парит надо всем этим, подобно коршуну.

Но Дракулу недосуг было разглядывать ненавистный Адрианополь. Он желал видеть своего сына и тотчас же увидел его; но лучше бы этого не произошло, потому что князь громко вскрикнул, словно его ранили острым клинком.

Его сына жестоко пытали. Дракул неплохо знал султанский замок, но этого мрачного помещения без окон узнать не мог.

Руки и ноги юного княжича были продеты в ржавые железные кольца, вмурованные в каменную кладку, а по обнаженному израненному телу стекала кровь вперемешку с потом и копотью от факелов и жаровни, стоящей поодаль. Княжич висел на стене

совершенно неподвижно, и на какое-то мгновение Влад с ужасом подумал, что сын мертв, но потом увидел, что его ресницы трепещут, а грудь мерно вздымается.

Рядом с княжичем стоял пожилой человек в грязном халате, покрытом бурыми пятнами, по виду — перс. Он внимательно, с усталой улыбкой на морщинистом лице, наблюдал за юношей. Чуть дальше на маленькой скамейке сидел отвратительный карлик, закутанный в черное рубище. Бритая голова карлика была чудовищно изуродована и бугрилась шишками и вздутиями в самых неподходящих местах, нижняя челюсть съехала на сторону, а правый глаз закрывало желто-белесое бельмо. Карлик, пыхтя, с болезненным любопытством таращился на происходящее, то и дело, утирая рукавом текущую из перекошенного рта слону.

— Принеси мне холодного вина, Мехрдад, — сказал по-турецки перс, повернувшись к карлику.

Разумеется, князь не мог слышать, что тот говорит, но он умел читать по губам — давно, еще в юности, его научил старый иудей-фокусник, долгое время живший при дворе. Это оказалось совсем легко, особенно если ты наблюдателен и не ленив, а также, разумеется, если можешь хорошо видеть лицо говорящего.

«Мехрдад» означало «Подарок Солнца»; тот, кто давал безобразному карлику такое имя или кличку, изрядно пошутил. Уродец послушно вскочил со своей скамейки и заковылял к каменной лестнице без перил, круто ведущей куда-то наверх.

Перс тем временем продолжал молча рассматривать княжича. Влад Дракул лихорадочно пытался вспомнить, не видел ли он раньше при дворе султана этого странного человека. Нет, похоже, не видел — память на лица у князя была отличная, он бы запомнил... Но зачем он пытает сына?! Неужели султан сошел с ума и отдал заложника неведомому палачу?! Или молодой Влад сам совершил какую-то серьезную провинность, за что и страдал

теперь?! Нет, ни султан Мурад Второй, ни великий визирь Чандарлы Халиль Паша не сделали бы подобную глупость, ведь они дали обещание, что никто и пальцем не тронет княжича! Но стоит ли доверять словам неверных, которые стоят не больше, чем блеяние овцы?!

Юноша открыл глаза и глухо застонал. Перс одобрительно кивнул.

— Ты пришел в себя. А еще я вижу, что твои раны заживают все быстрее и от них почти не остается следов...

— Зачем ты меня терзаешь?! — пробормотал княжич.

— Видишь ли, — совсем беззлобно произнес перс, сложив руки на груди, — Аллах создал так много любопытных вещей, что ни одному человеку невозможно знать их и тем более — понимать их сущность. Однако я как раз из тех, кто хотя бы пытается это сделать. Нет, мне не нужна слава Абу Али ибн Сины, Гиясиддина Джамшида Каши или Улугбека, внука великого Тamerлана. Я коплю свои знания, словно караимы и сефарды — золото и серебро. Складываю в сундуки, а сундуки прячу в глубокие подвалы, под замок и охрану. Говорят, в этом и состоит отличие алхимика от простого ученого.

— Но что я могу сделать для тебя?!

— Ты уже делаешь.

С этими словами перс шагнул вперед, доверительно наклонился к самому лицу княжича и тотчас едва не поплатился. Зубы Влада лязгнули совсем рядом с ухом алхимика, который едва успел отшатнуться.

— Волк, как есть волк! — с одобрением воскликнул перс, всплеснув руками. — О, сколько нам еще предстоит испытать и узнать в этих стенах...

Княжич ничего не ответил, лишь вновь закрыл глаза и беспомощно обвис. Появился карлик, бережно несущий глиняный кувшинчик. Он с поклоном подал его хозяину и вернулся на свою скамеечку.

Перс сделал небольшой глоток из кувшинчика, почмокал губами и сказал:

— Благодарю, Мехрдад. Все так, как я люблю, — в меру прохладное, но не ледяное... Не хочешь ли отведать, молодой князь? Не знаю, что подавали обычно при дворе твоего отца, но, на мой вкус, ничего нет лучше вот этого сорта — кипрской коммандарии. Мне специально привозят ее морем.

Алхимик поднес горлышко кувшина к губам Влада, но тот решительно отвернулся. Перс пожал плечами.

— Как будет угодно. Возможно, так даже лучше — вино может притупить твои чувства, а для моих исследований это нежелательно... Да и не знаю, захочется ли тебе вообще вина. Говорят, самому редкому вину ой как далеко до крови...

Допив вино, алхимик швырнул карлику опустевший кувшинчик, который тот весьма ловко поймал.

— Вернемся же к нашим занятиям, — сказал перс и провел ладонью над жаровней, где калились железные прутья.

Он выбрал прут, и тут же громко зашипела обожженная плоть.

2

...Влад Второй Дракул открыл глаза и вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

Кто этот чертов перс, чтоб его сожрали свиньи?! И как может быть, чтобы сultанского заложника пытали в стенах Адрианополя без какой-либо серьезной причины, а только лишь ради колдовских знаний? И чего он хочет добиться? Почему сыновние раны стали заживать быстрее и не оставлять следов?

Неужели...

Нет, нет... Этого не может быть.

Князь решительно покачал головой. Да и султан Мурад не мог этого допустить. Пусть он богомерзкий мусульманин, но не стал

бы нарушать данного слова, тем более сейчас, когда Валахия для него столь важна...

Князь убрал дракона и спустился из башни в залу. Подвернулся мальчионка, один из помощников кастеляна — Влад Дракул не утруждал себя тем, чтобы различать этих недомерков. Ухватив мальчишку за длинные волосы, князь велел:

— Найди сейчас же Ворону, и пошли его ко мне. Я буду ждать в своих покоях. И пусть возьмет с собой все, что потребно для письма!

— Слушаюсь, господин! — испуганно выкрикнул мальчишка и, освободившись, резво удрал по сводчатому коридору.

Кастелян не заставил себя долго ждать. Он аккуратно разложил на столе принесенные письменные принадлежности и замер в ожидании других приказаний.

— Я хочу писать османам, — мрачно сказал князь, проверяя кончиком пальца, хорошо ли очинено перо. — Думаю предложить им союз. Выступлю против Хуньяди — при условии, если султан взамен освободит моих сыновей... Как думаешь, худо ли я решил?!

Старый кастелян молчал, наклонив голову.

— Кто я такой... — наконец тихо промолвил он, потом повторил чуть громче: — Кто я такой, князь, чтобы давать тебе советы в подобных вопросах? Одно дело — рубиться с врагом или считать, сколько мешков проса да окороков осталось в подвалах, и совсем другое — начинать и заканчивать войны.

— Знал, что ты так скажешь. Эх, надо бы спросить совета у короля Сигизмунда, да он давно уж умер... Да что там — многие братья по ордену умерли. Витовт, Филиппо Сколари, трансильванский воевода Сцибор, герцог Эрнст Железный... А тех, что остались, мне искать некогда.

— А что случилось-то, князь? — осторожно спросил кастелян.

— Недосуг объяснять... — отмахнулся Влад. — Что ж, стало быть, решать мне самому. Поди прочь, Петр. Я помолюсь, и если

Господь не даст мне никакого знака — тогда выступаем против Хуньяди. Пусть османы возрадуются, если того не миновать.

Кастелян поклонился и, хромая, вышел.

Князь швырнул перо на стол и заметался по покоям, словно дикий вепрь, загнанный в клетку. Более всего Влада раздражало то, что он ничего не понимал и боялся. Что они сделали с его сыном? Стоит ли княжич войны? Или обождать, обратившись к помощи фигурки дракона еще раз — скажем, завтра? Но видевший моря крови и ходивший по колено в рубленой человечьей плоти и дымящихся кишках Дракул не желал еще раз смотреть, как проклятый колдун терзает сына. А главное — что, если он все же превратил Влада в упыря?!

«Говорят, самому редкому вину ой как далеко до крови...»

— Господи, если ты смотришь сейчас на меня... — начал, было, князь, устремив взгляд ввысь, но тут в покой вошел все тот же Петр Ворона. — Что еще?! — рявкнул Влад, резко обернувшись.

Кастелян, приложив ладонь к сердцу, учтиво произнес:

— Прости, князь, что отрываю тебя от молитвы, но ты же сам сказал — если Господь не даст никакого знака...

— И что же?! — все так же сердито спросил Влад. — Господь дал знак?

— Не знаю, князь, я-то простой человек... Но думается мне, что так оно и есть. Иначе чем объяснить, что у наших ворот стоит сейчас османский посланник и нижайше просит говорить с тобою...

И кастелян низко поклонился, успев бросить на князя хитроватый взгляд.

...Влад принимал османа в Обеденном зале. Движимый злобой, он нарочно поставил перед собою разное вино, зная, что многие правоверные мусульмане считают его употребление за великий

грех. Тут же лежал наспех зажаренный на вертеле поросенок — как известно, вкушать свинину мусульманам тоже не полагается, и даже ее запах и вид для них неприятны и греховны.

Теперь князь сидел на своем обычном месте за столом и сквозь череду графинов тонкого стекла и подымающийся от поросенка пар разглядывал посланника.

То был молодой еще человек с красивыми, очень тонкими и точными чертами лица, одетый во вполне приличный европейский костюм. На поясе тоже висела не турецкая сабля-килич, какой привык пользоваться и сам Влад Дракул, а длинный двуручный немецкий гросс-мессер. Оружие выглядело бедно — потертое, без каменьев и украшений, но именно это выдавало в посланнике настоящего бойца, которому клинок нужен для сечи, а не для придворного хвастовства.

Звали османа Тункай Парс. После того как он представился и передал витиеватые слова приветствия от султана, в зале установилась гнетущая тишина. Это было не удивительно еще и потому, что князь Дракул и посланник встретились наедине. Ни кастеляна, ни гайдуков, ни советников в Обеденный зал не допустили, как и тех людей, что приехали с Тункаем Парсом.

Посланник стоял и терпеливо ждал, ибо Влад даже не предложил ему сесть. Умные черные глаза, похожие на крупные вишни, осторожно изучали помещение. Это не было пустое любопытство и тоже показывало боевой опыт: кто знает, вдруг через мгновение мирная беседа превратится в безжалостную схватку? Потому нелишне изучить входы и выходы, балки и подпоры, по которым можно взобраться, окна, из которых можно выпрыгнуть...

— Садись, — глухо сказал князь, сделав короткий жест в сторону простого деревянного кресла, стоящего по левую руку от Влада.

— Благодарю, господин. — Тункай Парс поклонился, прошел к креслу и сел. Кончик ножен гросс-мессера чуть слышно цокнул о каменный пол.

— Говори, зачем султан Мурад послал тебя. Только говори без этих ваших штучек, когда забываешь, с чего начал, и не дождешься, пока закончишь.

— Как тебе будет угодно, господин, — не стал прекословить посланник. — Султан послал меня с тем, чтобы рассказать о твоем сыне Владе...

— Что с ним?! — Князь даже привстал. Он никак не ожидал, что осман заговорит о молодом княжиче. О союзничестве против Хуньяди, о чем угодно — но не о княжиче...

— Он... Он пропал, господин.

Показалось князю или в глазах Тункая впервые промелькнуло нечто похожее на страх? Судьба гонца с дурными вестями бывает непредсказуема.

— Что значит — пропал?! Султан обещал мне, что с головы моего сына не упадет даже волосок, что он будет жить при дворе вместе со своим братом Раду так, как живут дети самого султана Мурада!

Влад Дракул грохнул кулаком по столешнице, отчего графины и бокалы отклинулись звоном и дребезгом.

— Как просил передать тебе султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины... — забормотал было Тункай Парс, но князь встал и снова звучно опустил кулак на стол.

— Я же велел не делать этого!

— Строго говоря, меня послал вообще не султан Мурад, — быстро сказал посланник. — Я прибыл в благословенную Валахию по личному поручению молодого Мехмеда, наследника престола. Выслушай все, что просил передать мой господин, и потом решай, что делать со мной.

Князь медленно опустился на свое место и, не глядя, схватил графин. Полетела в сторону пробка, забулькало вино, наливаясь в большую серебряную кружку. От поросенка исходил тяжелый запах дыма и подгоревшего мяса.

— Если хочешь, пей, — буркнул Влад, отхлебнув. — Или, если тебе не по нраву христианская пища, я велю принести обычной воды из колодца и кушаний, которые позволяет есть твоя вера.

— Благодарю, господин. — Тункай Парс покачал головой. — Я предпочитаю сначала рассказать все, что поручил мне мой владыка Мехмед. Поесть я смогу и потом — если у тебя не пропадет желание угощать меня ужином.

— Тогда рассказывай...

Посланник кивнул и начал:

— Как я уже говорил, твой сын пропал, господин. Сначала все было хорошо — как и обещал тебе султан, княжич ни в чем не нуждался, подружился с моим господином Мехмедом и проводил с ним много времени в играх и беседах. Но потом... Потом княжича попытались убить, проникнув в его покой среди ночи.

— Кто посмел?! — возмущенно воскликнул Влад Дракул.

— По счастливой случайности, вместо княжича был убит его слуга, — продолжал Тункай Парс, казалось, вовсе не обративший внимания на восклицание князя. — После этого возмутительного случая мой господин Мехмед обратился к великому визирю Чандарлы Халиль Паше. Визирь приставил к вашему сыну телохранителя — я лично свидетельствую, что это искусный боец, много повидавший в жизни и с честью вышедший из самых опасных испытаний... Но и это не помогло. Княжич бесследно исчез.

— Как он мог исчезнуть из-под охраны, в султанском замке?! Как его могли похитить?

— Ни один человек не мог бы этого сделать, господин.

Тункай Парс сделал паузу.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сделал это не человек... Или не совсем человек, если угодно, господин. В Эдирне ходят страшные слухи, которые упорно пресекают, но они из-за этого лишь ширятся и ползут за пределы города... Говорят, господин, что ваш сын... Что он превращен

силой черной магии в противное Аллаху чудовище, которое охотится по ночам на людей и пьет их кровь.

— Поколь?! Мерзкий упырь?! Мой сын Влад?!?!

Дракула вскочил, едва не перевернув огромный тяжелый стол. Покатились по столешнице бокалы и графины, расплескивая вино, падая на пол и разбиваясь со звоном. Тункай Парс сидел, потупившись и не смея поднять глаза на беснующегося князя.

— За что Господь послал мне это?! — кричал князь, воздев руки к небу. — То, с чем я боролся столько лет, что противно моему взору и разуму! И вот мой сын, моя надежда, — часть этого?! Но даже если наш христианский Бог не властен в стенах мусульманского Адрианополя — куда же смотрел твой Аллах, посланник?! Скажи мне!

Тункай Парс молчал по-прежнему, глядя на разлетевшиеся по камню осколки стекла. Князь выхватил из ножен саблю, которой совсем недавно снес голову собаке, и с размаху полоснул ею по перек стола. Старое дерево расселось под ужасающим ударом, но и сталь не выдержала — в руке у Влада Дракула осталась лишь рукоять с обломком лезвия.

Посланник не выдержал и упал на колени, ожидая, что беснующийся князь размозжит ему голову кулаком. Но Влад неожиданно тоже встал на колени напротив Тункай и, схватив его за плечи, горячо спросил:

— Что ты еще знаешь?! Рассказывай все, ничего не скрывай! Я обещаю, ты покинешь мой дом целым и невредимым, какие бы жуткие вещи ты ни поведал. Пойми, я был готов потерять сына, если бы его лишили жизни при помощи яда, клинка или стрелы. Но чтобы вот так... Пить человеческую кровь — это грех перед лицом твоего Аллаха?

— Страшный грех, — кивнул Тункай Парс.

— У вас есть поколи? Упыри?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, господин, но я слышал о разновидности джиннов, которых называют гулями. Они живут

в пустыне вдоль дорог и охотятся на путников, убивают, а затем пожирают их. Еще гули крадут детей, пьют кровь, воруют монеты, грабят могилы и поедают трупы...

— Ты видел такую тварь, посланник?

— Я — нет, но мой отец Йылдырай как-то убил двоих в горах, когда они напали на него и его спутника. Я видел трупы, которые истаяли с первыми лучами солнца, оставив после себя только вонючий пепел.

— Так что же творится в Османской империи, если в султанском дворце в Эдирне христианина, сына князя силой богоизбранный могут обратить в такое существо? И что мне теперь делать, посланник? Как бы ты поступил на моем месте, скажи?!

Тункай Парс нерешительно произнес:

— Я не знаю, господин. И молю Аллаха, чтобы мне не пришлось задумываться об этом, говоря про моего сына...

— Ты не лжешь, — горько улыбнулся Влад Дракул и поднялся с колен. — Не лжешь, посланник... Ты смелый человек. Не каждый, кто знает меня, осмелился бы явиться в мой дом с такими вестями.

— Я выполнял приказ моего господина Мехмеда. Если мне сужено принять смерть — так тому и быть.

— Что еще приказал тебе Мехмед?

— Ждать твоих указаний, господин, и выполнить все, что ты велишь. А еще он клянется, что в случившемся нет его вины, что он всегда был другом Влада.

Тункай Парс выжидающе взглянул на Влада.

Князь стоял среди произведенных им разрушений. Он прекрасно понимал, что может велеть схватить посланника и содрать с него кожу живьем, засыпав затем солью или облив уксусом. Посадить на кол или милостиво отрубить голову, ведь Тункай Парс, по сути, ни в чем не виноват, так для чего мучить безвинного? Лучше убить сразу... Но Влад взял себя в руки. Ему нужен был

человек, который доставит в Адрианополь письмо о союзе против Хуньяди. К тому же Раду...

— Хотя бы с Раду, надеюсь, все в порядке?

— Ваш второй сын чувствовал себя прекрасно, когда я уезжал, господин. Он опечален пропажей брата, но в остальном все хорошо...

— Вернемся же к Владу. У Мехмеда есть хотя бы подозрения? Есть на примете кто-то, кто мог похитить княжича?

— Да, в Адрианополе живет один перс, Синбэд... — Посланник замялся. — Он... Он ученый человек, занимается алхимией, и... И его побаивается сам султан.

— Вот как. Странно устроено все у вас, османов... В моих владениях все — ты слышишь, посланник? Все! — боятся меня, а я никого не боюсь! Да сядь ты уже! — С этими словами князь схватил Тункай Парса за плечо и рывком поднял с колен, потом пихнул на стул. — Перс, говоришь... А нет ли у него в услужении дрянного карлика с лысой башкой, которого зовут Мехрдад?

— Синбэду служат многие странные люди, — развел руками посланник. — В его башню войти не может никто, пока Синбэд сам того не пожелает. Когда пропал твой сын, мой господин Мехмед просил великого визиря обыскать башню сверху донизу. Почтенный Чандарлы Халиль Паша позволил это сделать, и я сам принимал участие в поисках, но мы не обнаружили никаких следов княжича.

— Надо думать, эта сволочь прячет его где-то в подземельях...

— Да, в башне может быть скрыто множество потайных помещений. Но мы обыскали все, что только могли. Еще раз скажу, что ты волен поступить со мной, как тебе заблагорассудится, господин.

— Я так и сделаю! — грозно сказал Влад, глядя прямо в глаза посланнику.

Тункай Парс смиренно ждал.

— Возвращайся обратно в Адрианополь, — буркнул князь, отворачиваясь. — Скажи моим людям, что я велел тебя накормить и дать все необходимые припасы на дорогу, а также охрану до границы. Мехмеду передай, что я вскоре пришлю письмо его отцу. И если вдруг будут новости о... о моем сыне...

— Мы тут же пошлем гонца, господин, — закончил за князя Тункай Парс. — На самом быстром коне, какой найдется в султанских конюшнях.

Пятаясь и кланяясь, Тункай Парс покинул обеденный зал, и только когда дверь за ним закрылась, Влад Второй Дракул снова дал волю своему горю и гневу. Слуги слышали, как билась посуда, трещала мебель, а из горла князя вырывались бессвязные вопли. Старый кастелян покачал головой и сказал сам себе:

— Как бы не пришлось посыпать за лекарем...

4

Но за лекарем посыпать не пришлось.

К следующему полудню князь Влад уже рубился во дворе замка со своими гайдуками на тренировочных мечах. Правда, вчера вспышка гнева изрядно лишила его сил, и теперь князь то и дело прерывал учебный бой, подбадривая себя вином из большой баклаги. Иногда он посматривал на синее, без единого облачка, небо, потому что еще вчера отправил с весточкой голубя и теперь ждал ответа. Князь понимал, что птица не успеет обернуться в два конца так быстро, но время слишком уж тянулось.

— Хватит! — крикнул наконец Влад, отбив удар копья, с которым нападал на него молодой гайдук Виурел, и отшвырнул в сторону свой меч. — Принесите что-нибудь поесть, да быстрее!

Хлеб с сыром и куриную ногу князь съел, сидя прямо на истоптанной траве. Слуги, памятую вчерашнее буйство, опасливо старались не попадаться ему на глаза, и только кастелян Ворона стоял рядом в ожидании новых приказаний.

— Я много думал после разговора с османом, — проговорил князь, обгладывая кость. — Письма к султану давать ему пока не стал, так что войны не будет — тоже пока.

Влад не соврал — он, в самом деле, много думал, и даже хотел было послать всадника вслед за Тункаем Парсом и отдать ему письмо к султану с обещанием выступить против Хуньяди.

Дело в том, что Янош Хуньяди являлся личным врагом князя Дракула. Еще в молодости он показал себя талантливым военачальником и, хоть был далеко не знатного происхождения, поднялся до больших высот в Венгерском королевстве. Сначала Хуньяди во главе совсем небольшого отряда изгнал турок из сербской Семендрии. При его поддержке и помощи на венгерский престол взошел король Польши Владислав Ягеллон-Ягайло, который в награду сделал Хуньяди воеводой Трансильвании. Когда венгры затеялись воевать с турками, именно он нанес султанским войскам несколько серьезных поражений, а при Германштадте так умело повел битву, что войско Меджид-бея оказалось наголову разгромленным и обращенным в бегство. Армия Хуньяди потеряла тогда всего три тысячи человек против двадцати тысяч погибших турок.

У Железных Ворот Хуньяди с пятнадцатью тысячами ратников не побоялся выступить против войска Шихабеддин-паши, превосходившего его почти в шесть раз, и снова вышел победителем! В результате султану Мураду Второму ничего не оставалось, как запросить перемирия на десять лет, отказавшись притом от притязаний на Сербию и Валахию. Но мир оказался недолгим — Янош Хуньяди подбил короля Владислава отправиться в очередной крестовый поход против турок, уже второй по счету; первый состоялся в 1396 году и закончился поражением христиан. Король согласился и возглавил крестоносцев, в составе которых были сербы, болгары и боснийцы, а морем обещала поддержать Византия.

Поспешил на помощь королю и Влад Дракул, которому надоело платить османам дань. Князь привел с собой почти десять

тысяч всадников — лучших из тех, что могли выставить Карпатские горы. Но когда Дракул увидел малочисленное крестоносное войско, он предложил Владиславу повернуть назад.

— Султан для охоты собирает людей больше, чем мы созвали с собой в поход! — убеждал молодого короля Влад, но тот слушал не его, а Хуньяди, который посмеивался и намекал на то, что Влад попросту струсили.

Поначалу битва и впрямь складывалась в пользу Христова воинства, и султан Мурад уже готов был отступить. Но тут молодой король Владислав решил совершить славный подвиг и лично убить султана. Хуньяди не стал его отговаривать ... Влад Дракул сам видел, как на белом коне и с саблей в руке Владислав Ягеллон во главе небольшого отряда попытался пробиться к султану. Ему почти удалось это сделать, но тут один из янычаров, охранявших Мурада, убил коня Владислава, поверг короля наземь и одним ударом ятагана отсек ему голову.

Гибель короля обезглавила и крестоносцев. Лишившись руководства, теснимые и окруженные турками, они начали отступать, а Янош Хуньяди, который должен был руководить войском после Владислава, позорно бежал с поля битвы и отступил к Дунаю. По пути остатки войск Хуньяди грабили валашские хутора и деревни, и Владу Дракулу не оставалось ничего, как схватить Хуньяди и бросить в темницу.

Но гнусный венгр из нее выбрался, уплатив большой выкуп, и даже стал регентом при новом малолетнем венгерском короле, приложив всю свою хитрость и изворотливость.

Теперь у Влада была отличная возможность отомстить подлецу, но он сдержался. Прежде чем искать союза с султаном Османской Порты, следовало спросить совета у магистра ордена Дракона, что князь и сделал, отправив голубя и попросив о встрече.

Самым странным было то, что Влад Дракул давно уже не знал, кто является нынешним магистром ордена Дракона. После того как создатель ордена, король Сигизмунд, несколько лет

назад умер в Моравии магистра вообще не было — по крайней мере, такие слухи доходили до князя. Сам Влад принял рыцарство спустя более чем двадцать лет со дня образования ордена и не имел там очень уж сильного влияния, особенно после кончины Сигизмунда, потому и о внутренних делах был осведомлен слабо.

Но орден существовал и действовал, пусть и покинули сей мир многие его славные рыцари. Влад знал об этом от двух соратников, с которыми регулярно общался, — воеводы Милоша и барона Отто. И цели ордена не менялись.

Голубь вернулся лишь назавтра. Магистр назначил встречу в укромном месте — возле озерца в ущелье, носившего жуткое название Гиблое. Князь Влад ездил на озеро в далекой юности и хорошо помнил дорогу. Вскоре он уже скакал прочь от своего замка. Один, без гайдуков, в легком панцире, при сабле и двух кинжалах. К седлу были приторочены переметные сумы и щит, украшенный изображением дракона.

Объяснять, куда и на какой срок он уезжает, князь не стал. Все дела он оставил на внебрачного сына Мирчу, который после ареста турками Влада даже был избран новым господарем Валахии, но ненадолго, будучи свергнут их коварным родственником Басарабом при поддержке все того же проклятого Хуньяди... Впрочем, Влад собирался вернуться поскорее, потому что впереди было много дел.

Правда, пока он даже не представлял, каких именно.

К Гиблому озеру князь добрался уже затемно. Зажатое стенами ущелья, оно поблескивало в свете луны. В камышах изредка квакали лягушки, шуршал ветер, где-то кричала ночная птица.

Поскольку о времени встречи магистр ничего не сказал, Влад расположился на ночлег. Привязав коня к большой старой раките, где тот спокойно принял пасть, князь развел небольшой костерок и уселся рядом на плоском камне, глядя в подрагивающий огонь.

Он почти уже смирился с тем, что потерял сына. Тот, кто сделался поколем, не мог вернуться назад. Ни молитвы, ни языческие и колдовские действия не помогали. Нет, стать исчадием зла было очень просто, и, видимо, проклятый перс-алхимик Синбэд прекрасно это знал. Но обратного пути не существовало.

И, тем не менее, князь хотел посоветоваться с магистром и об этом, а не только о своем возможном союзе с османами.

Толстые сучья потрескивали в пламени, дым отгонял ночных кровососов, и Влад понемногу задремал. Ему снилась осада Константинополя — тогда он, совсем еще молодой, в войсках султана Мурада Второго участвовал в осаде Вечного города. Словно наяву, загрохотали осадные бомбарды, выбивая камни из городских стен. Скрипели канаты и рычаги баллист, в дыму истошно вопили солдаты, ржали кони... Однако осада не принесла султану славы — стены сокрушить не удалось, а решающий штурм был отбит. В обороне участвовали даже женщины и дети; вот и сейчас перед князем встала фигурка совсем юной девушки, бросившейся на него с коротким копьем в руках. Влад легко отбил жало копья в сторону и без сожаления разрубил хрупкую фигурку наискось... Но совсем скоро он уже отступал вместе с султанским войском, беспорядочно и позорно, поскользываясь на телах умерших от ран людей и лошадей...

Влад встряхнул головой, отгоняя дрему, и принялся шевелить притухшие угли ракитовой веткой. Внезапно он почувствовал, как в шею ему чуть ниже затылка уперлось нечто острое и холодное.

— Кто ты и чего хочешь?! — спокойно поинтересовался князь, замерев. Его сабля-килич, именно такая, к которой Влад привык еще с осады Константинополя, лежала совсем рядом, достаточно протянуть руку, но неведомый враг успел бы ударить еще скорее.

— Чего?! — послышался глухой насмешливый голос. — Конечно же, твоей смерти, о, нерадивый господарь Валахии!

Князь почувствовал болезненный укол, и по его спине потекла струйка крови, сбегая под панцирь и рубаху.

Влад не стал раздумывать, чьей жертвой он так опрометчиво стал — лихого ли человека, грабившего по лесам одиноких путников, или знатного боярина. То, что противник узнал его, ничего не означало: мало ли, где он мог видеть господаря, да и знаки дракона на щите и облачении ясно говорили об его принадлежности.

Нырнув вперед и вбок, Влад перекатился по земле, едва не угодив в костер, и горящей ветвью отбил удар тесака. Да, у нападавшего был в руке именно венгерский тесак — короткий, слабо изогнутый и заточенный с одной стороны. Недостойное оружие, которое обычно использовали грязные крестьяне и бедные воины, годившиеся более для того, чтобы рубить хворост, нежели для честной битвы.

О нет, не в руке — в обеих руках! Два тесака со свистом описали в воздухе круги, отражая свет костра. Вскакивая с земли, Влад Дракул успел рассмотреть своего врага. Высокий крупный человек в черненых доспехах, высоких сапогах, обшитых кольчужной сеткой. На голове — круглый шлем-армет, какие обычно носили итальянские рыцари, полностью закрывающий лицо клювовидным забралом и подбородником. Вот почему голос звучал так глухо, как из бочки...

Ночной гость не спешил и дал князю подхватить с земли саблю. Влад не счел это издевательством, скорее проявлением чести — все-таки он в любом случае оставался вооружен и защищен куда слабее, чем противник... Легкий панцирь и сабля-килич против двух более тяжелых тесаков и прочных с виду доспехов со шлемом.

— Кто ты?! — хрипло спросил князь, приняв защитную стойку.

Противник ничего не ответил и двинулся в атаку, умело орудуя обеими руками. «Сейчас бы щит», — подумал Влад, отступая назад так, чтобы между ним и нападавшим остался гаснущий костер. Ему-то как раз не приходилось думать о церемониях и правилах, здесь ведь не турнир. Поэтому князь поддал ногой малиновые угли. Во все стороны полетели искры, несколько головешек рассыпались, разбившись о нагрудник рыцаря. Тот глухо засмеялся и неожиданно легко перепрыгнул через кострище, одновременно целясь в голову и живот Влада.

Однако князь уклонился от удара в голову и отбил саблей удар в живот. Рука тут же заныла, приняв на себя всю силу тяжелого тесака — то ли дело противнику в толстых перчатках! Тот не останавливался; Влад уклонялся от смертоносной стали, метался, стараясь нанести врагу хоть какой-то урон, но почти безрезультатно. Несколько раз сабля отскочила от нагрудника и забрала, и лишь колющий удар в левую ногу пробил кольчужную сетку, но острие погрузилось совсем неглубоко. Тем не менее, враг начал прихрамывать, пусть и едва заметно.

— Может, ты все-таки назовешься, сын портовой шлюхи?! — издевательски кричал Влад, надеясь вывести противника из себя. — Я ведь должен знать, кого запеку на костре в этой жестянке?!

Враг не реагировал. Он проводил атаку за атакой, стараясь при этом не отступать далеко от костра, чтобы видеть Влада в его затухающих отблесках. Князь прикинулся, не спастись ли бегством, скрывшись в темноте. Луна как раз ушла за тучи... Но ведь ночной гость знал, кто перед ним! Нет, покрывать себя трусостью, словно какой-нибудь вонючий Хуньяди, Влад Дракул не собирался. Он сделал несколько быстрых выпадов, от которых враг, впрочем, ушел, и... споткнулся о кочку.

Нет, князь не выронил саблю и даже не упал, лишь пошатнулся, удержав равновесие, но лезвия тесаков в тот же миг сдавили его шею с боков. Достаточно было сделать легкое движение, и они

срезали бы голову Влада с плеч, как виденные им у персидских портных ножницы разрезают ткань...

— Подними забрало, — тяжело дыша, попросил Влад и уронил саблю в траву. — Я хочу видеть, кто меня убьет. Согласись, это справедливо.

— А ты все еще неплох, господарь, — произнес рыцарь и, сверкнув тесаками в свете вновь выглянувшей луны, убрал их за спину. — Если бы ты не споткнулся, то, верно, измотал бы меня... И, кто знает, как тогда кончилась бы наша схватка.

— Кто ты такой?! Я тебя знаю?

— Я?! — Рыцарь усмехнулся. — Знаешь ли ты меня? O quam misericors est Deus...

— О, как милосерден Бог, — машинально перевел с латыни Влад. — Магистр?

— Ты просил меня о встрече, и я пришел. Прости, что не смог отказать себе в небольшой проверке. Ты сам знаешь, господарь, что орден давно уж не тот и его рыцари давно уж не те... Если ты не возражаешь, я не стану снимать шлем.

— Как тебе угодно, господин. — Влад торопливо опустился на одно колено. — Кто я такой, чтобы...

— Встань, встань... — перебил его магистр, потирая ногу. — Нужно заново разжечь костер. Осмотрим мою рану, хоть она и не глубока, а потом поговорим о том, о чем ты собирался со мной поговорить...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Влад Дракул с гайдуками ждал монаха на горной дороге, возле самой границы, как и было условлено. Места здесь опасные, потому князь взял с собой десяток гайдуков. Старшим хотел было назначить Мирчо, но в последний момент решил, что рановато парню командовать, пусть еще походит в низах. А поскольку верный Батя захворал глазами и стал совсем плохо видеть, старшим стал Пантилимон, большой мастер стрелять из арбалета и драться буздыганом¹. Однако Батя все равно напросился, сказавши, что будет кашеварить, а дома ему сидеть нету никакой мочи, да и не хочет он брать в старости греха на душу, коли прибывает свою мерзкую старуху, а он о том думает все чаще и чаще. Зная, что Батина старуха, кривая Иляна, и впрямь была порою хуже любого черта, князь рассмеялся и дал согласие.

А смеялся Влад Дракул теперь очень редко. Больше думал и молился, хотя в голову лезли еретические мысли. Силен ли Христос против магии, что подвластна магометанину? И не проклят ли он, Влад, христианским Господом за то, что не раз брал сторону богомерзких османов, убивал и резал, считай, во славу их Аллаха? Даже встреча с магистром и данное тем обещание помочи не успокоили князя. Он мало спал, плохо ел, почти не пил вина

¹ Буздыган — разновидность булавы, головка которой усеяна шипами. Аналог — моргенштерн.

и только до изнеможения упражнялся с саблей, памятуя свое досадное поражение у Гиблого озера.

Отряд князя стоял в сосновой рощице небольшим лагерем уже третий день. За это время успели по-походному обжиться: Петру подстрелил вепря, Гаврил и Флорин Поляк ловили в горной речке рыбу, поставили прочные шалаши. Сейчас уже смеркалось, на кострах жарилось мясо и варились похлебки. В ожидании ужина все, кроме дозорных, собирались у костра, кое-кто откупорил баклажки, благо Влад этому не препятствовал.

— Эй, Батя! — позвал Мирчо старого гайдука. — Расскажи что-нибудь пострашнее, а то скучно сидеть вот так, и спать еще совсем не хочется...

Батя неторопливо повернул вертел, попробовал большой деревянной ложкой варево из котла и спросил:

— Я-то расскажу, да боюсь, что ты портки намочишь. А запасных, поди, ты не прихватил, так что ж нам, нюхать тебя потом до самого дому?

Гайдуки заржали, улыбнулся и Влад, который сидел в стороне на расстеленной шкуре.

— Портки?! — взвился возмущенный Мирчо. — Это я, а не ты поил радзивилловского дохлого поколя кровью из его же серебряного шлема под Варной!

— Видел, видел, — примирительно прогудел Батя. — Помню. Правда, поил его не ты, а господарь, ну да ладно... Что же вам рассказать? И надо ли к ночи про такое?

— Расскажи, — сухо велел князь. — Негоже воину бояться. Коли тут поблизости и в самом деле водится нечисть, так она и сама придет, без твоей сказки... А коли ее нету, то и накликать некого.

— Ну, раз господин приказывает... — Батя уселся поудобнее и начал: — Возвращался один гайдук домой из похода...

— А почему он один возвращался, а не с товарищами? — спросил Петру.

— Какая тебе разница! — зашикали на него. — Может, господин его с поручением раньше других отпустил, а может, ранили!

— И вот идет он, идет себе по лесу, уже и родная сторона скоро покажется, — с достоинством продолжал старый Батя, не обращая внимания на остальных. — Вышел к реке, потом вдоль берега, и тут попадается ему мельница. А надо сказать, что гайдук уже много лет как знал мельника Михая, что там жил. Вот и решил он проведать знакомого, а заодно перекусить, да и выпить, раз такое дело... Сели они за стол вспоминать старые времена, мельник еду выставил, вино, так и засиделись дотемна. Спохватился гайдук — пора ему! Михай и говорит: «Что ты, Гаврил!» — а гайдука того звали Гаврил...

— Прямо как меня, — радостно вставил Гаврил.

— «Что ты, Гаврил, пойдешь ночью, когда не видать ни зги? Да и в беду можешь угодить, у нас тут нынче опасно». — «Что же опасного? — спрашивает Гаврил. — Я тут каждую тропку знаю, с закрытыми глазами доберусь...» — «Не в том дело, — говорит мельник. — Знаешь ты деревню Моратина, что отсюда к северу?» — «Знаю, — отвечает ему гайдук, — как не знать». — «А знал ли ты старика Коанду, что жил на выселках?» — «И старика Коанду знал; дрянной был старишишко, никто не любил его». — «Так вот, помер старый Коанда. Схоронили его, как положено, да только никто не знал, что он был колдун! Теперь ночами мертвец вылезает из своей могилы и ходит по деревне. Кого увидит — тут же схватит и потащит к себе, и после тех людей никто уже не видел... А одолеть его невозможно, потому как сила его тайная и не от мира сего».

— Тыфу ты, — пробормотал кто-то из гайдуков. Все внимательно слушали, только в кotle булькала рыбная похлебка, да трещали капли сала, падающие в огонь костра с кабаньей туши.

— «Вот еще — стану я бояться покойника! Или он страшнее живого турка?!» — засмеялся Гаврил. Собрался и пошел — очень уж ему хотелось поскорее своих родичей увидеть.

— Небось жена у него чудо как хороша была, — предположил холостой гайдук по имени Дан.

— Ты бы, ясное дело, остался мельника обедать да обивать! — ехидно заметил Мирчо, и все снова засмеялись. Дан обиженно запыхтел, а Батя сказал сердито:

— Будете перебивать — сейчас же рассказывать перестану!

— Все, все! — успокоил его Пантилимон и даже, поднявшись, помешал в котле и повернулся вертел.

— Пошел гайдук к себе домой. А путь его лежал мимо кладбища. И вот видит он — горит на одной из могил костер, да жарко так... Ну прямо как наш! Стало Гаврилу интересно, подошел он ближе, видит — сидит у костра старый колдун Коанда и чуботы свои чинит. Хотел было гайдук бежать, да колдун уже заприметил его и говорит: «Что же ты, Гаврил?! Садись со мной к огню, а не хочешь, так идем со мной в деревню, вместе веселее!» — «Что же мне делать с тобою в деревне?» — спрашивает гайдук. «Ну как же?! Там нынче свадьба! Георге берет в жены Анну». — «Так нас туда не звали». — «Никто не посмеет нас прогнать, когда ты со мною!» — заявил тут колдун. Делать нечего, пошел гайдук с ним в деревню. А там и, правда, свадьбу гуляют. Увидали люди колдуна, перепугались, а гнать и вправду не берутся. Стал Коанда пить и есть, потом выгнал всех гостей и родственников из дома, поводил руками по воздуху, побормотал: молодожены и уснули. Тогда колдун вынул две склянки и шило, проткнул им руки невесты и жениха и стал вытягивать у них кровь. Вытянул и говорит Гаврилу: «А теперь идем отсюда!»

— Рубанул бы саблей подлюку! — снова встрял Дан.

— Сказано же было — не берет его ничто! По дороге Гаврил спрашивает колдуна: «А зачем тебе кровь?» — «Чтобы молодые померли. Завтра утром никто не сможет разбудить их, один я знаю, как вернуть их к жизни». — «Врешь ты все, — говорит мертвому гайдук. — Если кто помер, того к жизни не вернуть». — «А я могу! Не веришь?! Нужно им сделать надрезы на пятках и немного их

собственной крови пролить на эти раны. Склянка с кровью жениха у меня в правом кармане кафана, а невесты — в левом». — «Может, и не врешь ты, — говорит гайдук. — Но вот уж про то, что тебя убить простой человек ничем не сможет, это уж точно брехня». Коанда засмеялся и отвечает: «Простой человек убить меня может, но очень тяжело ему будет это сделать. Наперво нужно взять ему сотню вязанок осиновых веток и развести из них костер. Как он разгорится — тут меня в огонь и бросить. Но и это не все: из меня тотчас полезут змеи, черви и другие гады, станут вылетать вороны и летучие мыши. Всех их тоже надо словить и бросить в костер, а если хоть одна удерет — то в этой твари и я спасусь!» — «Вот как, — говорит Гаврил. — Что ж, вот мы и до кладбища уже пришли; пожалуй, пора мне домой». — «Э, нет! — смеется мертвец. — Ты думаешь, зачем я тебе все это рассказал?» — «А зачем?» — «Да затем, что сейчас я тебя разорву на части, мозги съем, а из сердца и печенки похлебку себе сварю!»

И кинулся колдун на гайдука. Но Гаврил того ожидал, выхватил саблю и давай колоть и рубить мертвеца. Отрубит ему руку — рука назад прилипнет, отрубит ногу — и нога так же, отрубит голову — голова прикатится и снова на шею сядет. Однако и колдун никак не может Гаврила ухватить да разорвать, до того славно Гаврил саблей отбивался... Но чувствует гайдук, что его силы уже на исходе, да и сабля вся затупилась и зазубрилась. Колдун радуется, что его сторона берет. И тут вдруг запели петухи — старый Коанда, покамест бился, совсем забыл, что после петухов ему в божьем мире места нету. Как стоял он, так и повалился наземь. Гайдук такое дело увидел, порубил его саблей в капусту, прикрыл до поры травой, склянки с кровью забрал и пошел в деревню.

Высоко в ветвях деревьев забила крыльями сова, заухала. Флорин Поляк сплюнул и выругался:

— Чтоб тебя в ад спекло, чертова лоханка!

«А что, если с этими людьми придется биться против стригоев и поколей? — подумал князь, сгоняя со щеки комара. — Выдюжат

ли? Мирчо храбрится, говоря про рыцаря, но сам-то смотрел ой как боязливо... Хотя какое там биться, если собственный сын... Эх!» Князь даже махнул рукой, отгоняя горькие мысли.

Батя тем временем продолжал:

— Приходит Гаврил в давешний дом, где свадьба была, а там уже молодых оплакивают. Увидали гайдука и давай кричать — он, мол, вчера с мертвецом приходил, не иначе, слуга его, давайте же убьем его скорее! «Постойте, — говорит Гаврил, — я могу ваших молодых прямо сейчас оживить». Сделал все так, как научил его мертвец, и молодожены тотчас ожили. Родные и гости стали радоваться, золотых полные карманы Гаврилу насыпали, хотели дальше свадьбу играть, но гайдук вместо того велел созвать крестьян и наделать сотню вязанок из осиновых веток. Принесли они хворост на кладбище, положили порубленного колдуна на кучу хвороста и подожгли, а сами вокруг стали — кто с лопатой, кто с молотом, кто с мечом или щипцами кузнецными... Как стал гореть Коанда, в самом деле полезли из него черви и гады, полетели нетопыры и вороны... Однако крестьяне с гайдуком сбивали их и бросали в костер, ни одной твари не дали уползти. Так мертвец и сгорел дотла. А Гаврил вернулся к себе домой, да еще с полными карманами денег, и стал себе жить без забот.

Слушатели помалкивали, хотя рассказ закончился. Старый Батя вернулся к своему котлу, а Мирчо задумчиво произнес:

— Знаю я одного Коанду в Романах... Тот, правда, еще не старик, но тоже мужик противный, не иначе, колдун и есть!

— Давайте-ка, братцы, спать, — предложил Дан, который, кажется, малость перетрусили.

— Кто ж на голодный желудок ложится? — возразил ему Петру.

— И то верно...

— Подавай ужинать, Батя! — приказал Влад Дракул, поднимаясь со шкуры. — А я пока пойду проверю дозоры...

Князь прекрасно знал, что дозорные начеку, ибо в его войске всегда была строгая дисциплина. Уснувший или даже отошедший

по нужде в лучшем случае получил бы плетей, а в худшем — лишился бы головы прямо на своем посту.

Стоявший у дороги гайдук Жаля укрылся так хорошо, что в темноте Влад даже не сразу нашел его.

— Все ли тихо? — спросил он, когда довольная рожа Жали высунулась из зарослей папоротника.

— Тихо, господин.

— Ладно, сейчас Петру придет сменить тебя, как поест.

— Спасибо, господин, — поблагодарил Жаля. Князь уже собирался идти обратно, как вдалеке, на дороге, громко фыркнула лошадь. Гайдук насторожился. Влад тоже прислушался — да, по каменистой поверхности ступали подкованные копыта.

— Кажись, едет кто-то... — прошептал Жаля. — Тот ли, кого ждем?

— Сейчас посмотрим, — сказал Влад, поправил на поясе свою саблю-килич и пошел к дороге, ломая мелкий кустарник. Жаля громко свистнул, давая сигнал остальным, и поспешил вслед за господарем.

2

«Козья нога» висела на толстом широком кожаном поясе гайдука Пантилимана, соединенная с ним металлическими защелками. Ею цепляли тетиву, ногой упирались в стремя на конце ложи за луком и, откидывая корпус назад, взводили арбалет в боевое положение. От случайных выстрелов избавлял предохранитель, а специальная защелка не позволяла стреле выпадать из арбалета при опускании его вниз.

Сам Влад Дракул из арбалета стрелял не слишком хорошо, да и не нравилось, что довольно долго нужно возиться с заряжанием. Лук нравился ему больше, но и его давно уже не брал в руки — как-то еще до турецкого плена потехи ради сбил коршуна в поле.

— Скоро арбалеты уйдут в прошлое, — словно читая мысли князя, произнес ехавший рядом с ним фра Бернардо. — Порох, господин князь. Придет порох.

— Порох хорош только для больших пушек, и то с ними слишком много возни, — возразил Влад. — Видал я ручницы у гуситов и тaborитов, когда король Сигизмунд с ними воевал. Да, они пробивают всякий доспех...

— ...А людей, не защищенных доспехами, могут свалить даже двоих или троих зараз!

— ...Но заряжать их хлопотно, целиться неудобно, да еще и в плечо отдает так, что может переломать все кости... И фитиль всегда должен быть под рукой, а ежели дождь или сильный ветер?

— ...Однако я видел, как во время осады Руана мэтр Жан застрелил из ручной кулеврины не менее трех десятков англичан!

— Хороший лучник настрелял бы куда больше. И потом, все эти ручницы — оружие для обороны. Со стены или из засады стрелять горазды, а в прямом бою — обуза.

— И все равно, господин, я считаю, что будущее ручного оружия за порохом, — покачал головой фра Бернардо.

Влад Дракул видывал в своей жизни множество монахов. Живых и мертвых, красивых и безобразных, тощих и пузатых... Видел он монахов со снятою кожей и монахов, поджаренных на открытом огне или на большой сковороде с прованским маслом. Но фра Бернардо был самым странным из монахов, когда-либо попадавшихся господарю.

Магистр ордена Дракона на берегу Гиблого озера рассказал Владу, что фра Бернардо — личный офицер по особым поручениям римского папы Николая Пятого.

— Этот человек умеет то, чего не умеют другие.

— И даже излечить моего сына?! — с недоверием спросил тогда князь.

— Возможно, и это. Я договорюсь с Ватиканом — папа предоставит его в твое распоряжение, тем более, насколько я знаю, фра

Бернардо сейчас недалеко от валашских границ... От тебя потребуется лишь встретить его, высказать свою беду и проводить до южных пределов.

— Но что я могу дать взамен?

— Что-нибудь дашь, — отмахнулся магистр. — Я думаю, Ватикану будет достаточно, чтобы ты допустил в свои земли католических священников, как давно уже хочет папа.

— А как же... — начал было князь, но магистр перебил:

— Янош Хуньяди? Я не буду возражать, если ты выступишь против этого крысенка, пусть даже он не враг Ватикану, а скорее наоборот. Если фра Бернардо спасет твоего сына, ты волен будешь поступать, как тебе заблагорассудится. Не в первый раз тебе скользить, как по льду, между двух сторон, имея свою выгоду, господарь.

Магистр был прав, и Влад не стал спорить. Но сейчас, глядя на монаха, он засомневался.

Фра Бернардо был одет в простое монашеское облачение, но под сутаной зоркий и опытный глаз князя заприметил металлический нагрудник. Сапоги монаха со специальной оковкой, заостренной на носах, — в драке они легко становились опасным оружием, о котором враг даже не мог подозревать... Длинный и, на взгляд Влада, чересчур тонкий клинок в отделанных коричневой кожей ножнах составлял видимое вооружение фра Бернардо, но почему-то Влад был уверен, что это далеко не весь арсенал ватиканского эмиссара.

Движения монаха были плавными и точными, как у дикой кошки, серые глаза, обрамленные чрезвычайно длинными ресницами, пронзали насквозь, а на коне он держался, как прирожденный всадник. Почти все монахи и попы, которых видел Дракул раньше, верхом сидели, как собака на заборе, и многие предпочитали потому лошадям осликов и мулов, а еще лучше — повозку с мягкими подстилками, услаждающими их седалища.

Княжеским гайдукам фра Бернардо не понравился, Влад это видел. Он был католиком, а к ним простонародье относилось

с подозрением. Да и сам монах вел себя несколько надменно: общался только с князем, даже ел обособленно из своих запасов — какие-то хлебцы и копченое мясо. От пары глотков из князевой баклажи, впрочем, он не отказывался и угостил в ответную сантуринским винцом, которое вез в стеклянной фляге, искусно оплетенной серебряным шнуром. Князь отметил про себя, что после его губ фра Бернардо не отер горлышко рукавом или ладонью, как делают обычно, если пивший тебе неприятен. Однако это ровным счетом ничего не значило.

Влад вспомнил, как удивился он, увидав, что папский эмиссар приехал через хребты совершенно один. Ни охраны, ни слуг...

— Хуже нет, чем собирать с собой в дорогу целый караван, — пояснил тогда фра Бернардо, присаживаясь у костра. — Это все равно как оповестить всех встречных и поперечных, что ты идешь. А места тут глухие, и доброго самаритянина встретить значительно сложнее, чем лесных разбойников с кистенями и буздыганами.

Князь и сам прекрасно понимал, что после многочисленных войн и междуусобиц многие прикинули, что на лесной или горной тропе можно за день заработать больше, чем пахать землю и растить урожай или скотину. Бывшие солдаты, разоренные теми же солдатами крестьяне, беглые крепостные — и господарские, и принадлежавшие служилым боярам-куртеням...

Влад Дракул хорошо помнил восстания Фогараша и крепостных крестьян, работавших в Мараморашских соляных копях, когда они обозлились настолько, что громили замки и захватывали города. Дворянское ополчение во главе с воеводой Ласло Чаки ничего не могло поделать, и пришлось принять то, что требовали подлые смерды: в том числе право свободного перехода к другому хозяину и наказание за произвол по отношению к крестьянам. Но только для вида — потом войска взяли Коложвар, где ютилось самое гнездо черни. То-то развешивали потом на стенах их главарей!

Но изрядно их и поразбежалось по лесам. А, как известно, если собака или волк попробует человечьей крови, то непременно

захочет еще. Так и быдло, вкусив крови господской и свободы, уже не возьмется за плуг и не сядет к гончарному кругу...

Да и места лакомые, что говорить. По здешнему торговому пути из Кракова к Черному морю чего только не везли... С запада, из Ипра, Лувена и Кельна, привозили сукна и бархат, из Львова — литовское полотно и оружие; в Польшу отправляли скотину, вино, кожи и меха. Из Валахии вывозили соль, медь и зерно. Кого тут только не встретишь с тяжело груженными возами — и немца с французом, и русского, и армянина, и грека... И точно так же каждого можно было найти в овраге, раздетого донага и с перерезанным горлом.

...Фра Бернардо неожиданно привстал в стременах и поднял руку.

— Тихо! — воскликнул он.

Влад и гайдуки вопросительно уставились на монаха. Тот напряженно вслушивался в обычный лесной шум: деревья скрипят, ветер шумит, птицы да звери возятся в траве и кустах.

— Наверное, показалось... — пробормотал фра Бернардо. Кто-то из гайдуков презрительно усмехнулся трусости надменного спутника, но тут спокойный и привычный лес ожила.

Из незаметных доселе, искусно сделанных укрытий на небольшой княжеский отряд бросились люди. Они визжали и ухали, словно черти в аду, да и виду напоминали все тех же чертей. Одни — голые по пояс, грязные, другие — обмотанные плохо выделанными свмердящими шкурами. На некоторых надеты были ржавые и измятые части доспехов, но видны были и дорогие латы, с чеканкой и позолотой; среди лысых и заросших густым волосом голов попадались древние шлемы-баррельхельмы, напоминающие ведра, и простые франкские каски.

Оружие тоже было самым разным: выщербленные старинные мечи, бог весть, откуда извлеченные, сверкающие турецкие и венгерские клинки, многочисленные тесаки наподобие тех, которыми столько хлопот доставил Владу магистр ордена Дракона...

Буздыганы и топоры, косы на длинных рукоятях и обычные дубины, вырезанные из прочных древесных корневищ.

Опытным глазом воина Влад Дракул успел оценить количество напавших — что-то между тридцатью и сорока. Не слишком много, если считать неумелых крестьян против обученных, прошедших огонь и воду гайдуков. Но лихие люди напали внезапно, да и кто знал, что имелось у них за плечами. В лесу прятались и бывшие бояре, помнившие не один боевой поход, и опытные ратники...

Влад выхватил саблю и с ходу рассек наискось кинувшегося к нему бородача с рогатиной, концы которой были окованы железом. Отбил щитом стрелу — так, стало быть, у них есть еще и лучники, только этого не хватало...

— Вперед! Вперед! — громко закричал князь. Но прорываться было уже поздно, если вообще возможно. Вокруг кипела битва, причем варнаки старались спешить гайдуков. Вот с истошным ржанием упал конь Петру, придавив всадника; рядом с ним, уже пешим, бился Жаля. Изрыгая проклятия и богохульства, широко размахивал буздыганом Пантилимон — от его арбалета сейчас не было никакого толку.

Князь оглянулся на фра Бернардо — тот безуспешно пытался выдернуть из плеча стрелу. Монаха нужно спасать, ведь от него зависела жизнь сына, а гайдуки... Что гайдуки? Коли получится отбиться, то и хорошо, а коли нет...

— За мной! — крикнул Влад, пришпорив коня. Францисканец услышал и, на ходу смахнув своим тонким клинком чью-то голову с широко разявленным ртом, поскакал следом. Влад еще успел оглянуться на свой отряд. Последнее, что он увидел, был старый Батя, поднявший над собою трепыхающееся тело разбойника и с натугой бросивший его в набегавшую толпу. Через мгновение сцена битвы уже скрылась за поворотом — кони уносили князя и раненого монаха прочь.

Они скакали долго, хотя у нападавших вроде бы не было всадников, которые могли пуститься в погоню. Наконец остановились

и спешились, отошли в сторону от дороги, где между корнями сосен был небольшой ключик. Влад привязал коней к дереву, мимоходом осмотрев их — нет, слава богу, ничего кроме царапин... Вернулся к монаху. Тот заметно побледнел, широкий рукав сутаны весь промок от крови. Самодельная стрела все еще торчала в плече.

— Нужно осмотреть твою рану, — сказал Влад, вынимая кинжал.

— Ты бросил своих людей, — безразличным тоном промолвил фра Бернардо, освобождаясь от сутаны.

— Мне важнее было спастись самому и спасти тебя. Я ценю своих гайдуков, ты не подумай, монах... — прошел сквозь зубы князь, распарывая кинжалом плотную ткань сутаны и нижнюю рубаху. — Но слишком ты мне нынче дорог. Дороже, наверное, чем самому папе римскому Николаю. А мои ребята и без меня могут покрошить этих псов. Ну а не повезет так не повезет... Ты сам воин, ты знаешь.

— Я знаю, — кивнул фра Бернардо, косясь на плечо. — Что там?

— Погоди, я выдерну стрелу, — сказал Влад и тут же сделал это, монах лишь слегка поморщился. Стрела была убогая, наконечник прямой, без зазубрин, и вышел легко, вырезать или проталкивать насеквозд не пришлось... Но что это за коричневая дрянь?! Неужто яд?!

Князь подозрительно обнюхал наконечник, покривился и сплюнул. Сломал стрелу и злобно отшвырнул обломки прочь.

— Что там? — с легкой тревогой спросил францисканец.

— Эти сволочи иногда мажут свои стрелы дерьямом... — пояснил Влад. — Рана загрязнена... Ты понимаешь, что это значит?

Сам князь не раз видел подобное. Легкий порез или неглубокая рана начинали гнить, распространяя отвратительный запах, из них вытекал желто-зеленый гной, а раненый бился в горячке и угасал. Кое-кто, конечно, выздоравливал, но если под рукой находился знающий лекарь, да и то в основном приходилось уповать на Господа. А Господь не всегда снисходил до помощи.

— Нужно промыть вином... — спохватился князь.

— Да, хуже не будет, — согласился монах, который почему-то совершенно не выглядел опечаленным. — Не волнуйся за меня, князь. Думаешь, рана загниет?

— А разве нет?

— Если я взялся излечить твоего сына от одержимости кровью, как ты думаешь, разве не смогу я вылечить себя от такой мелочи? — с улыбкой спросил фра Бернардо. — Но вино неси. Думаю, сейчас самое время немного промыть... меня изнутри. Ибо как сказано в Псалтыре: «Ты напояешь горы с высот Твоих, плодами дел Твоих насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу, и вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блестает лице его, и хлеб, который укрепляет сердце человека».

И князь Влад Второй Дракул, словно кухонный мальчишка, послушно побежал к мирно пасущимся коням за притороченной к седлу баклагой.

3

А взяли их сразу же, как только Влад закончил перевязывать рану францисканца куском чистого исподнего, что достал из своей сумы.

Вначале тревожно заржали кони, бросив щипать траву. Князь вскочил, но было уже поздно: в них целились двое конных лучников и арбалетчик, а со стороны дороги пешими подходили еще четверо. Выглядели они поприличнее давешних варнаков — богато одетые, с хорошим оружием, а того, что шел впереди, Влад и вовсе узнал.

— Что же ты, Мирон?! — укоризненно сказал он толстому усачу с красным, словно свекла, лицом. — Или на помощь мне пришел? Зачем тогда твои люди в нас целятся? Вели сейчас же, чтобы перестали.

— Вот уж не думал, что нынче такой улов будет, — прогудел боярин Мирон Табара. — Это как пойдешь на реку, думаешь, что вытянешь плотвичку, а там — щука размером с попадью! Сам господарь! Да еще и монах с ним, поди ж ты...

— Так это твои люди устроили нам засаду на дороге?!

— Мои, а чего ж, — боярин с достоинством покрутил длинный ус. — Я тут прикинул однажды — чем ловить да бить лесовиков, не лучше их к делу приставить?

— Приставил? — мрачно спросил Дракул.

— Как видишь, господарь. Не к сохе же их снова гнать, правда? А так — не поверишь, прибыли куда больше приносят! А все-го-то и надо их не гонять, не травить, когда прижмет — барабана или пару мешков проса им кинуть... Леса мне жалко, что ли? А? Пускай живут!

— Добрый ты, Мирон, — покачал головой князь.

Боярин усмехнулся и дал знак своим спутникам подойти. Те споро связали руки Владу и фра Бернардо, который до сих пор молчал и лишь с интересом наблюдал за происходящим. Забрали кинжалы, охлопали — нет ли еще где клинка. Влад испугался было, что заберут фигурку дракона, но на нее даже не обратили внимания, как и на дорогие перстни. Оно и верно, добро никуда не денется.

— Залезайте, — велел боярин, когда к ним подвели отвязанных коней. — Поедем ко мне в гости. Я человек гостеприимный, все знают!

— Чтоб тебя черти задрали, Красномордый! — выругался в ответ Влад, но боярин только расхохотался.

Мирона Табару по кличке Красномордый князь знал и не особо любил. Как, впрочем, и большинство остальных своих бояр. То были люди хитрые, себе на уме, доверять которым следовало очень осторожно. Держали они обычно руку того, кто сильнее, что не мешало им строить друг другу всевозможные козни, вплоть до смертоубийства.

Мирон, как ни странно, казался далеко не худшим. В нескольких походах он показал себя неплохим воином, брал с собою изрядное количество ратников, хозяином в своих приграничных краях слыл крепким и разумным, монетку к монетке складывал. Теперь князь понял, откуда у Красномордого монетки...

— Может, отпустишь? — поинтересовался он просто так, для разговора.

Мирон пожевал толстыми мокрыми губами, покашлял.

— Ты ж меня на кол посадишь, — рассудительно сказал он. — Какой мне тебя резон отпускать, господарь? Да и не понимаю я тебя. То с полячишками да венграми заигрываешь, то с турками обнимаешься... Нужен нам такой господарь? По мне так вовсе ни к чему. И весь твой род таков — Мирча дня на троне не усидел, а остальных щенков так и вовсе ты сам к Мураду отправил в заложники... Никого и не осталось, чтобы тебя заменить. Вот как все удачно складывается, а? — боярин подмигнул. — И зачем бы мне тебя отпускать? Ты бы отпустил на моем месте?

— Нет, не отпустил бы, — согласился Влад, понимая, что по-своему Красномордый совершенно прав. Бояре больше всего ценили покой, а при Владе покоя им не было.

— Вечно тебе не сиделось, — продолжал тем временем бурчать Мирон. — То идешь османов воевать — крестовый поход, дескать. То вместе с османами Себеш и Брашов берешь. А когда дружок твой Хуньяди наши земли грабил после того, как вам под Варной наклали?

— Хуньяди мне не друг, — огрызнулся Влад.

— Потом-то не друг, а был друг! У тебя не поймешь, господарь... Ну и зачем ты мне, а? Вот монах — другое дело, — повернулся в седле боярин. — Ты, монах, из францисканцев будешь, не иначе?

— Ты не ошибся, боярин, — сухо ответил фра Бернардо.

— Это хорошо. Францисканцы богатые, хоть и гундосят про apostольскую бедность... Сколько за тебя отвалят выкупа братья, а?

— Мы — великий нищенствующий орден, боярин. Тебе ничего за меня не «отвалят», как ты изволил выразиться. Лишь помогутся о моем и твоем спасении.

— О моем, я уж как-то и сам помолюсь, — усмехнулся Мирон. — А ты брешешь все, поди.

— Хорошо богатство, в котором нет греха, и зла бедность в устах нечестивого, — парировал монах.

Дальше они ехали молча. Прямой дорогой к своему дому Красномордый везти их почему-то не стал, повел окольными путями, и добрались они нескоро.

Жилище Мирона походило на самого боярина — грузное и несуразное, с кучей нелепых пристроек. Дом окружал высокий чатокол с башенками, на случай нападения неприятеля. Не замок, конечно, но с разбегу не возьмешь...

— Давайте их покамест в сарай! — распорядился Красномордый, грузно спрыгнув наземь. — Чуть позже я их на ужин приглашу...

Не развязывая рук, их втолкнули в дверь низкого бревенчатого сарая, свежесрубленного и пахнущего смолой. Окон в сарае не было, и лучи заходящего солнца проникали внутрь через несколько узких щелей под самым потолком. Но и этого хватало, чтобы Влад увидел лежащих на соломе людей.

— Кто тут?! — спросил он, когда за спиной закрыли дверь и лязгнул тяжелый засов.

— Господин? Ты, что ли?!

С пола неуклюже поднялся Батя.

— Как видишь... Кто с тобой?

— Пантилимон, только он без чувств валяется, ему дубиной по голове изрядно пришлось. Еще Дан, но он уж отошел. Вон, в угол стащил его... Остальных всех побили. А тебя-то как взяли, господин?

— Как-как... — сердито буркнул Влад. — Видать, прикинули, что конные могут и прорваться, еще один заслон впереди поставили. А мы в него, как карп в решето, и угодили.

— Дом-то, куда нас привезли, боярина Табары.

— Да он сам нас и полонил, собака. Разбойников лесных прокормил, жиরует. Садись, монах. Или так и будешь стоя ужина ждать?

Влад плюхнулся на солому рядом с Батей; монах садиться не стал, прислонился к стене.

— Что будем делать? — уточнил он.

— Да ничего. Отсюда не выбраться, бревна ж не прогрызешь... Подкопаться если попробовать...

— Я уж пробовал, — сказал Батя. — Камень сплошной.

— Не обиделся, что бросил вас? — спросил старого гайдука Влад. — Зло не затаил?

— Наше дело служивое, господин. Сами проворонили засаду, сами и поплатились. Я думал, вы с монахом спасетесь, а тут вон какое дело...

— Ну и ладно, — заключил Влад. — Ты хорошо тут пошарил? Серпа или другой железяки не завалялось?

— Нету ничего, совсем новый сарай. И, думаю, не для барахла строили, а для пленников вроде нас.

— Тебе нужно оружие, князь? У меня есть.

Влад недоверчиво посмотрел на фра Бернардо.

— Пусть твой человек развязет мне руки для начала, — попросил монах.

— Что ж я, в самом деле... — опомнился князь. — Батя, руки нам развязжи! Мне первому! Ты сам-то почему не связан?

— Отчего же, был связан, — сказал Батя, принявшийся за узел. — Да как приехал сюда, сразу освободился. Понамотали там веревки, а толку... Руки вязать — это не козу пежить, а здешние холопы ничего другого не умеют.

— Ну, ты потише, — одернул его князь. — Здешние холопы весь наш отряд положили. И сами мы в сарае сидим.

Старый гайдук сердито запыхтел.

Когда веревка упала на солому, Влад сам занялся руками монаха. Тот долго растирал онемевшие запястья, после чего уселся на пол и принялся стаскивать высокий остроносый сапог.

— Что, прямо сапогами станешь их бить? — с интересом спросил Батя. — Вижу, носы знатные, стальные...

— Сапоги сапогами, но у меня тут есть кое-что еще... — Фра Бернардо возился с подошвой. Что-то щелкнуло, звенякнуло, наподобие распрямившейся пружины, и в руке монаха оказался тонкий длинный стилет. Старый Батя присвистнул.

Фра Бернардо протянул стилет Владу.

— Держи, князь. Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение. Правда, у святого Луки есть и продолжение: когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него.

— Знавал я одного Луку в Брашове, тоже умный был человек, — словно сам себе проговорил Батя.

Влад повертел в пальцах почти невесомый клинок. Казалось, его можно свернуть в кольцо. Рукоять небольшая, но не против меча же с ним биться, это потайное оружие, чтобы горло перерезать, брюхо вспороть, жилы подсечь...

— А сам-то как? — осведомился он, пряча стилет в рукав.

— У меня есть кое-что еще, — повторил фра Бернардо.

— Тут у Красномордого человек двадцать, да еще слуги, да мало ли, что в доме, — предостерег Батя. — Я обсмотрел, когда вели... Не справимся, поди.

— Не справимся — так помрем со славой, а не в загаженном сарае, — сказал князь. — Ты-то, монах, точно подумал? Может, тебе и вправду лучше выкупа дождаться? Сам понимаешь, вряд ли мы отсюда живыми выберемся. А твои братья, может, и впрямь бы заплатили, сколько этот боров требует, ты же в Ватикане человек не последний.

— А как же твой сын?

— Не судьба, стало быть...

— Нет, князь, — решительно покачал головой францисканец. — Я с тобой. Я привык выполнять до конца все свои поручения.

— Ай да монах! — с уважением крякнул Батя. — Но как же нам наружу-то выйти?

— Я же сказал: добрый боярин нас на ужин пригласить грозился, вот и выйдем. А там уж решим, что дальше делать.

— Этак-то еще и поесть получится перед смертью! — заключил гайдук и похлопал себя по объемистому животу. Монах в ответ на это беззвучно засмеялся.

4

...Красномордый оказался верен своему слову — едва стемнело, как дверь отворилась, и на пороге встал человек с фонарем. За ним маячило еще несколько фигур. Фонарщик посветил внутрь сарая и удивленно воскликнул:

— Да они развязались!

— Негоже к валашскому боярину в гости со связанными руками идти, пес! — рявкнул в ответ Влад Дракул так, что тот испуганно отшатнулся. Кто-то из-за спины фонарщика произнес:

— Да ладно, куда они денутся со двора-то...

— Так это... — забормотал человек с фонарем. — Господин вас приглашает за стол...

— Приглашает — так и пойдем скорее, что встал?!

Князь оттер челядина плечом с дороги, за ним двинулся фра Бернардо, а вот гайдука остановили.

— Ты-то куда прешься, старая морда? Иди вон спи в соломе!

— Это мой человек! — крикнул Влад. — Без него и я не пойду!

С ворчанием Батю выпустили из сарая. Покойник и Пантилимон, так и не пришедший в себя, остались внутри.

Стол был накрыт в огромной зале и ломился от яств. Жирная чорба в мисках, печенные карпы, фасоль с салом, целый жареный гусь, лесная дичь, благоухающая уксусом соленая щука, горшки с тушенными бараньими кишками, мамалыга, сыр, фрукты, вина и напитки в графинах и кувшинах... Потрескивал огонь

в светильниках, стоявших у стен в большом количестве и свисавших с потолочных балок.

Хозяина нигде не было видно. Огромное кресло, обтянутое красной тканью, пустовало.

— Коли гостей позвал, так и сам приходи вовремя! — сказал Батя и уселся на скамью, подвинув к себе гуся. Влад и францисканец переглянулись и тоже сели. Только сейчас Влад почувствовал, что весьма голоден.

Фра Бернардо простер над столом руки и произнес торжественно:

— В эту торжественную минуту восхвалим Бога, нашего Отца, и Единородного Сына Его, Иисуса Христа, Который родился от Пресвятой Девы Марии, чтобы быть Богом среди нас. Благодарим Тебя, Боже, Отче наш, за этот хлеб — плод земли и трудов человеческих. Сегодня он собрал нас вместе за одним столом, так же как собирает нас воедино у алтаря Хлеб Евхаристии. Господи, Ты Сам научил нас тому, как, преломляя хлеб, делиться с другими — любовью, доброжелательностью и миром. Надели нас всех даром совершенной любви к Тебе и к ближним и научи нас славить Твою отцовскую доброту. Через Христа, Господа нашего.

— Да уж, — буркнул Батя и разломал птицу руками.

Князь запустил ложку в чорбу. Монах внимательно осматривал стол, выбирая, потом взял грушу и принял деликатно есть.

— Неплохо готовят у Красномордого, — заметил гайдук, обгладывая гусиную ножку и заедая ее целой головкой чеснока. Сплюнув чесночную шелуху, он добавил: — Надеюсь, он сюда отравы не положил.

— А ножей-то на столе нет, — как бы между делом сказал францисканец.

Да, Мирон Табара рисковать не хотел. Что ж, есть у нас для тебя подарочек, подумал Влад, и тут в обеденный зал вошел боярин с охраной. Четверо крепких парней встали у стен, все с саблями, а Красномордый, кряхтя, опустился в хозяйское кресло.

— Вижу, не стали ждать, — беззлобно прогудел он. — Ну и правильно, чего ждать, коли еда на столе. А уж если это последняя трапеза...

— Гадина ты, однако, Красномордый, — сказал Батя, прихлебывая прямо из кувшина. Красное вино потекло по подбородку, теряясь в густой щетине.

Мирон снова не обиделся.

— Может, и так. Мне бы за такие слова тебя под плети, конечно, надо... Ты — простой гайдук, а я все же боярин. Но ты ешь, Батя, ешь. Я как раз про тебя и говорил: с твоих родичей выкупа никакого, а старуха небось только рада будет. Жри, пока живой. И ты, господарь, уж не обессудь. Нет, сегодня ты не умрешь, я еще крепко подумаю, что с тобой делать... А ты, монах, прикинь, куда лучше за выкупом посыпать. В Ватикан человека слать не буду, далеко и хлопотно, ты уж поближе что-нибудь придумай, будь добр...

— За меня не дадут выкупа, я уже говорил тебе.

Францисканец аккуратно положил огрызок груши на стол.

— Брешешь. Ладно, придется с тобой по другому поступить, коли так... Но не сегодня. Сегодня ты мой гость, монах. А гостей железом из горна не пытают, хе-хе...

Красномордый махнул рукой и зачавкал, не обращая внимания на присутствующих. То и дело он прикладывался к вину.

Некоторое время они трапезничали в тишине, как добрые друзья; хотя добрые друзья обыкновенно не молчат за столом, им всегда есть о чем пошуметь. Внезапно боярин словно опомнился, отпихнув от себя блюдо с объедками и сказал:

— Да что ж это я! Главного-то и не выспросил... А надо бы. Сам господарь едет по окраине, да с небольшим отрядом, а при нем — монах, причем непростой монах... С чего бы оно? Не расскажешь, господарь? А?

— В своих владениях я волен ездить куда пожелаю, когда пожелаю и с кем пожелаю.

— Это мои владения, господарь, — пристукнул кулаком боярин.

— В Валахии один владыка. А остальные — только псы, которые подбирают обедки и которых он волен по холке потрепать или плетью вытянуть.

Влад Дракул говорил так нарочно, чтобы разозлить Красномордого, вывести из себя. Покосившись на францисканца, он увидел одобрительный кивок.

— Ах вот как?! Я, стало быть, пес?! Зря ты так, господарь. — Боярин отказывался злиться. И то верно, они полностью в его власти, что попусту слюни пускать, когда можешь сделать с человеком, что заблагорассудится. — Обидеть меня хочешь, понимаю. Ну да я не обидчивый. Кому надо, поклонюсь, кого надо, в зад поцелую, как ты султана Мурадку, хе-хе. А?

А вот этого говорить боярину не следовало. Влад не знал, что за план был у францисканца, но тут уж не до планов. Схватив увесистый горшок, он метко швырнул его в Красномордого. Толстый боярин неожиданно ловко уклонился, пригнувшись; горшок вдребезги разлетелся о спинку кресла, вывалив на голову Мирона жирные петли тушеных кишок.

Фра Бернардо тем временем сделал несколько неуловимых движений рукой, и двое из милюковских гайдуков по его сторону осели на пол, схватившись за горло. Двое других кинулись на пленников, но на их пути встал Батя. Ухватив тяжелую скамью, на которой сидел, он, словно тараном, ударил первого гайдука в живот. Тот, икнув, отлетел в сторону, уронив саблю. Последний выбрал самую правильную тактику и кинулся к дверям, истошно вопя:

— На помощь, братцы! Убивают!

Сбивая посуду и поскользываясь в пролитых лужах вина и соуса, Влад перепрыгнул через стол и воткнул стилет в шею Красномордого. Тот квакнул, словно гигантская жаба.

Фра Бернардо снова метнул что-то в убегавшего, но на сей раз промахнулся. Маленькая металлическая звездочка вонзилась в стену, глубоко увязнув в бревне. Подобного оружия Влад до сих пор не видел, но разглядывать было некогда.

В открывшуюся дверь навстречу убегавшему гайдуку повалила боярская челядь — кто с чем, спасать хозяина.

— Всем стоять, холопы! — крикнул князь, немного повернув стилет. Красномордый вскрикнул. — Еще шаг, и я прикончу вашего господина!

— Слушайте его, слушайте! — испуганно подтвердил Мирон.

Батя с глухим стуком поставил скамью на пол. Францисканец танцующим шагом подошел к мертвому гайдуку, поднял его саблю и осмотрел лезвие, критически покачав головой.

Челядь молча таращилась на Влада и облепленного бараньими кишками боярина.

— Пошли вон, — приказал Влад. — Чтобы никого на пути не попадалось!

Переглядываясь, боярские слуги стали отступать. Обеденный зал опустел, только стонал в углу, держась за живот, ушибленный Батей гайдук.

— Заткнись, — посоветовал ему Батя. — А то еще раз приложу, только по голове.

— Что дальше-то? — осторожно спросил Красномордый. От него дурно пахло, не иначе, обделался с перепугу, подумал князь.

— Дальше мы выйдем из дома, ты велишь своим людям подать повозку и выпустить нас со двора. А как отъедем подальше, я тебя отпущу. Если погони, конечно, не будет. А ты прикажешь, чтобы ее не было. Так, Мирон?

— Ты ж меня не отпустишь. Зарежешь.

— Слово даю. Коли понадобится, я до тебя и потом доберусь.

— Слова мало, — возразил боярин. — На медальоне поклянись.

— На каком еще медальоне?

— На том, что у тебя на шее висит. Дракон.

Владу не понравилось, что Красномордый знал о Драконе, но делать было нечего. Не убирая стилета от жирной шеи боярина, Влад свободной рукой нашарил за воротом медальон, извлек его и сказал:

— Клянусь, что отпущу тебя, как только пойму, что за нами нет погони и нам ничего не угрожает.

— Теперь верю, — буркнул боярин. — Дай хоть рожу оботру от кишок этих чертовых...

— А портки переменить тебе не надо? — ехидно уточнил Батя. — Больно дух от тебя нехороший.

— Не надо. — Красномордый вытерся расшитым рушником и бросил его на пол. — Я тебе не дитенок, чтобы в портки валить с перепугу. Так, воздух малость попортил от неожиданности.

Батя хохотнул.

— Идемте, — сказал Влад Дракул. — И чтобы без шуточек, боярин!

— Да понял я, понял, — вздохнул Мирон.

Боярские людишки тоже понимали, что жизнь их господина висит на волоске. Случись с ним что по их вине, сыновья Красномордого, которых сейчас дома, на беду, не было, по голове не погладят. Поэтому дворня быстро запрягла лошадей в большую четырехколесную повозку-каруцу и боязливо смотрела, как беглецы грузятся в нее. Принесли неподвижного Пантилимона, уложили поудобнее на сено. Покойника решили с собой не брать — если вдруг придется уходить пешком, не на плечах же тащить его...

Мирон пыхтел, боясь лишний раз пошевелиться — стillet Влада по-прежнему упирался ему в горло. На всякий случай францисканец связал боярину руки.

Батя взял вожжи, чмокнул и крикнул:

— Ну, пошли!!

Повозка проехала через торопливо распахнутые ворота и двинулась по дороге к лесу. Позади тревожно переговаривалась челядь. Вскоре ярко освещенный дом Красномордого остался позади, и над повозкой нависли густые ветви деревьев.

— Видишь, никто за нами не поехал, — сказал боярин. — Ты меня далеко не вези, мне ж ногами возвращаться, а я немолод, да и тяжел...

— Ничего, дойдешь, — жестко ответил Влад. — Моя воля, я бы тебя на ремни порезал, да ты хитер — на драконе поклясться выдумал.

— Поживи с мое... — с гордостью произнес Красномордый и умолк.

— Чем ты гайдуков-то положил? — поинтересовался у монаха Батя, правящий лошадьми. — Я и не разглядел.

— Вот, — францисканец показал металлическую звездочку с остро наточенными краями и отверстием посередине. — У меня в сапогах есть потайные карманы, а в них — сюрикены.

— Сюрикен... Занятная штука... Ловко ты, — похвалил Батя. — Я такого и не видал... Откуда ж оно?

— Издалека, — коротко ответил фра Бернардо. Он сложил руки на груди, устроился поудобнее рядом с лежащим Пантилимоном и, казалось, задремал.

Повозка ехала и ехала поочной дороге.

— Глупость мы сделали, — ворчал старый гайдук. — Надо было жратвы с собой взять, а то я толком и перекусить-то не успел... Хорошо хоть сабли прихватили, хоть и дермо, а не сабли.

— Наши некогда было искать. И со жратвой некогда возиться. Дома наешься.

— Когда-то еще дома будем, — вздохнул Батя.

Без остановок они тащились до самого рассвета. Когда сквозь кроны деревьев стало пробиваться солнце, а на обочинах заблестели капли росы, повозка остановилась. Мирон Табара, не сомкнувший глаз, встревожено спросил:

— Чего это мы, господарь?

— Отпустить тебя хочу, — сказал Влад, подталкивая боярина. Тот выбрался из повозки, с трудом переставляя затекшие ноги. — Повернись спиной, руки тебе освобожу, — сказал Влад.

Красномордый повернулся. Влад одним взмахом стилета рассек веревку, потом еще двумя быстрыми движениями перерезал подколенные сухожилия боярина на обеих ногах. Толстяк с воплем повалился в траву и принялся кататься, причитая.

— Я не соврал тебе и не нарушил клятвы, — с ухмылкой глядя на него, напомнил Дракул. — Ты на свободе. Можешь отправляться домой.

— Перевяжи меня хотя бы! — молил Красномордый. — Я же кровью истеку!

— Сам справишись. От рубахи клок оторви, и все дела, — деловито посоветовал Батя, который с одобрением наблюдал за происходящим. — Господарь даже вены не задел. Ползи себе, авось и вправду доползешь.

Влад запрыгнул в повозку и велел:

— Поехали.

Позади раздавались крики боярина, пока совсем не пропали. Францисканец открыл глаза и заметил:

— Жестоко, но верно.

— Что с твоей раной?

— Все хорошо. Я же сказал — излечить ее очень просто.

— И ты уверен, что способен излечить моего сына?

— Да, князь.

— И как же, если не секрет?

Монах помолчал.

— Позволь мне вначале спросить, что за медальон, на котором боярин просил тебя поклясться?

— Вот, — Влад показал ему дракона и быстро спрятал за ворот. Фра Бернардо удовлетворенно кивнул.

— Отчего-то мне кажется, что это явления одного порядка, — сказал он и из неприметного тайника под нагрудником извлек металлическую фигурку крысы. — Вот что лечит. Это убило гниль в моей ране и, надеюсь, сможет излечить твоего сына, князь.

— Излечить или повернуть вспять черное колдовство?

— Я полагаю, что дело тут не в колдовстве, князь, — с сомнением произнес францисканец. — Чаще всего магия и алхимия подразумевают под собой вполне обычные вещи. Ученые люди посрамили не одного шарлатана, как и святая инквизиция. Хотя

я сам себя опровергну, потому что предмет, который я тебе показал, к науке никакого отношения не имеет. Я сам не представляю, как он действует...

— Он лечит все болезни? Воскрешает мертвых?

— Нет, воскресить он никого не в силах. Да и болезни лечит не все. Скажем, отрубленную руку на место крыса вернуть не умеет и сломанные кости сращивать — тоже. А вот лихорадка, чума и прочее ей по силам. Кстати, а что умеет твой дракон? Хотя нет, не говори мне, князь... В конце концов, это не мое дело.

— И Пантилимона не вылечит?

— Нет. Его стукнули по голове, тут крыса бессильна. — Фра Бернардо пощупал шею безмолвно лежащего на сене молодого гайдука. — Но он жив, сердце бьется, наполнение крови в жилах хорошее... Надеюсь, придет в себя, когда дома за ним обеспечат должный уход. К слову, князь, а зачем мы направляемся в твой замок? Мне не следовало бы удаляться от границы; надо продолжать свой путь в Эдирне, для чего же ездить взад-вперед?

— Но у вас нет ни припасов, ни нормального оружия... — Влад Дракул замялся. — Даже лошади и той нет.

— Мне много и не требуется. Лошадь я могу выпрячь из повозки, вам вполне хватит одной, а без седла я легко обойдусь. Вот эта сабля, — францисканец щелкнул ногтем по лезвию сабли, забранной у мертвого боярского гайдука, — хоть и плохо откована и наточена, тоже сгодится. Припасы я раздобуду в пути, тем более привык довольствоваться малым. Укажите мне дорогу и езжайте домой. У вас, полагаю, много неотложных дел впереди. А мне поскорее нужно прибыть к османам и излечить молодого княжича.

Влад задумался. Фра Бернардо был прав. В Адрианополе он сейчас куда нужнее, ведь кто знает, что происходит с сыном... Вдруг он окончательно превратился в чудовище и даже волшебный амулет францисканца не поможет? А ведь княжича надо еще найти, чего не смогли сделать даже великий визирь и Мехмед...

— Мы доберемся до развилки, и я объясню, как ехать дальше. Если ничего не помешает, к полудню ты доберешься до постоялого двора, им заправляет косой венгр Иштван. Это верный человек, скажи, что ты мой друг, — он накормит, положит припасов в дорогу, даст седло и даже может ссудить немного денег. Пообещай, что я все верну троекратно, — он знает мое княжеское слово.

На развилке они распрощались. Напоследок Дракул передал монаху письмо к султану Мураду, в котором изъявлял готовность выступить против Хуньяди. Хорошо, что их толком не обыскивали — это письмо для Красномордого оказалось бы более важной находкой, чем сам князь... Он тут же отправился бы к Хуньяди, и никакого ужина и тем более побега не случилось бы.

Батя выпряг лошадь помоложе, фра Бернардо вскочил на нее и сказал:

— Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и зайдемся делами света.

После чего, помахав рукой, он ускакал.

— Странный монах, — задумчиво сказал старый Батя, глядя вслед францисканцу. — Драться я бы с ним пошел плечом к плечу, а вот исповедоваться ему вряд ли стал бы, господин.

— Не твое это дело, Батя, — устало покачал головой Влад и хлопнул гайдука по плечу. — Поехали домой...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Влад Второй Дракул и его сын Мирча стояли на стене замка и, опервшись на ограду, смотрели на приближающиеся с юга черные тучи.

— Ливень будет, — сказал Мирча.

Названный в честь легендарного Мирчи Старого, прозванного «валашским Шарлеманем», внебрачный сын князя мало напоминал храброго воеводу. Хотя он отважно сражался вместе с отцом под Варной, а после позорного поражения едва ли не больше других ратовал за казнь подлеца и труса Яноша Хуньяди, отец не рассматривал Мирчу как наследника. Да и побывал он уже Мирчей Вторым в отсутствие плененного Влада Дракула — недолго, уступив престол злокозненному Басарабу. Хватит.

Поэтому-то и держал князь своего незаконнорожденного отпрыска подальше от родового замка, на далеком северном порубежье. Но теперь, готовясь к решающему столкновению с непокорными боярами, вызвалbastarda к себе.

О своих переговорах с магистром ордена Дракона и секретной миссии фра Бернардо князь никому не рассказывал. По возвращении послал отряд во главе с неугомонным Батей предать огню поместье боярина Мирона Табары по прозвищу Красномордый. Батя вернулся с победой, сказав, что поместье нашел покинутым, забрал все, что было полезного из скарба, а дом, постройки и охранный частокол сжег дотла. Крестьяне же поведали гайдукам, что

Красномордый приполз из леса чуть живой и с сыновьями и приближенными скрылся.

Влад по достоинству оценил поступок боярина. Не каждый молодой смог бы проползти столько без ног, а ведь Мирон был в годах, да еще и толст непомерно. Конечно, Красномордый теперь лелеет месть, но одним врагом меньше, одним больше — какая разница при таком их количестве...

Гайдук Пантилимон после удара по голове дубиной пришел в себя, но сделался странным. Сидел днями на лавке возле своего домика, качаясь взад-вперед, смотрел в небо, ни с кем не говорил. За ним ухаживала мать, а его девушка, узнав, что случилось с возлюбленным, вышла за другого. Влад хотел было для примера выдрать ее прутьями, но ограничился тем, что отоспал ее вместе с мужем, тоже гайдуком, на дальний кордон. Матери же Пантилимана отсыпал золота и велел обращаться без стеснения, если возникнет какая нужда.

Добрался ли францисканец до Адрианополя, Влад Дракул мог только гадать. Увы, но дракон отчего-то не помогал ему. Князь никак не мог увидеть монаха, словно тот был защищен от его глаз. С другой стороны, фра Бернардо обладал не менее могущественным талисманом, и, возможно, его сила таинственным образом мешала Владу.

Зато за остальными он наблюдал невозбранно, хотя и старался пользоваться драконом как можно реже.

Обезножевший и исхудавший Мирон Красномордый прятался в глубоких пещерах. Иногда к нему наезжали люди, прятавшие лица, — всегда ночью, и шептались с ним в укромных местах так, что князь не мог разобрать ни слова.

Османский султан Мурад Второй горевал о том, что Хуньяди все набирает и набирает силу. Он без конца советовался с Чандарлы Хасан Паши и прочими визиреми, с сыном Мехмедом, даже с астрологами. В разговорах касались судьбы молодого князича Влада — Мурад был встревожен тем, что его до сих пор не могут

найти, а ведь это ставило под угрозу его возможный союз с Валахией против Хуньяди...

Несколько раз видел князь и своего сына Влада. Чаще всего одного, когда тот томился в тесной камере без окон, спал, свернувшись на полу под жесткой кошмой, или читал какую-то толстую книгу при свете свечи. Но несколько раз княжич являлся и в обществе перса, коего звали Синбэд, с его отвратительным карликом, а также красивой девушки, которая раньше не появлялась. Звали ее, насколько мог прочесть по губам сына князь, Тангель. Бесовское, колдовское имя!

Проклятый перс уже не пытал княжича — напротив, он весьма учили беседовал с ним о вещах, порой совершенно непонятных Дракулу, наставлял, объяснял предметы и явления. Порой они гуляли по саду — только ночью, и это было еще одним свидетельством того, что Влад превратился в кровопийцу, солнечный свет для которых смертельно опасен. Но главное — Влад, казалось, полностью смирился со своей участью... А еще была эта девица, которая, как и Влад, никогда не выходила из башни днем. Несколько раз Дракон позволил князю понаблюдать за утехами, которым предавались черноволосая красавица и его сын, когда алхимика не было поблизости... и князь, скрепя сердце, вынужден был признать, что девушка превосходит в искусстве любви всех знакомых ему куртизанок. Поэтому князю все чаще казалось, что, даже если фра Бернардо доберется до Адрианополя и проникнет в покой Синбэда, толку не будет. Но попытаться стоило.

Нужно пойти да попробовать еще раз посмотреть, что делает францисканец. Вдруг он уже у Мурада... Но тут князя отвлек возглас Мирчи:

— Смотри, отец! Гайдуки кого-то везут!

В самом деле, далеко на дороге, опережая подползавшие тучи, появились несколько всадников. Меж двумя лошадьми были прикреплены носилки, а на них — раненый или мертвый.

— Идем вниз. — Влад поспешил к лестнице.

Когда они с Мирчей спустились, всадников еще не было. В открытых воротах стоял Батя.

— Все хуже с глазами, господин, — пожаловался он князю. — Скоро миску не стану видеть, ложку не туда суну...

— Скажи Вороне, чтоб вызвал еврея-лекаря. Он тебе очки сде-лает.

— Дорого же, господин! Я, небось, не боярин...

— Если я скажу — сделает.

— Да и неудобные они... Видал я, болтаются на носу, свалива-ются... Куда с ними, если, скажем, биться случится с кем?

— Веревочкой привяжешь! Все! — Дракул отмахнулся от старого гайдука, показывая, что разговор окончен. Тот насу-пился.

К воротам подъехали всадники, старший спрыгнул с коня, со-рвал с головы шапку и упал на колени перед князем:

— Господин, меня зовут Павелчо... Этот человек ехал мимо нашей деревни и упал без чувств... Мы решили поскорее отвезти его сюда, потому что сами ничего не могли сделать, но он, кажет-ся, умер по дороге...

Дракула склонился над носилками. Покойник лежал ничком, в спине, аккурат напротив сердца, торчал толстый арбалетный болт. Князь взял мертвца за голову, приподнял, чтобы глянуть в лицо. Незнакомый парень, совсем молодой. Зачем они его сюда притащили?!

— Эка невидаль — убили проезжего на тракте... Зачем его ко мне нести?!

— Он сам просил, — виновато сказал Павелчо. — Говорил, срочно надо к господарю, послали с известием...

Фра Бернардо?! Да ну, деревенский парень, явно из здешних, причем тут францисканец, который сейчас должен быть в дале-ком Адрианополе...

— Еще что говорил?

— Да он в себя почти и не приходил. Уже по дороге, как везли, очнулся и сказал: «Господаря предупредите, пусть остерегается...» А кого остерегаться тебе, не открыл. Помер...

Батя наклонился к мертвцу близко-близко, едва не уткнувшись пупырчатым багровым носом в рану. Ухватил пальцами арбалетный болт, выдернул. Повертел перед самыми глазами, протянул Владу:

— Глянь-ка, господин.

На болте нацарапана была буква Р.

— Что это значит?

— Пантилимонов болт. Они с ребятами порой охотились, так чтобы ясно было, кто оленя или вепря завалил, пометки делали.

А арбалет Пантилимона остался у лесных разбойников боярина Красномордого. Снова он... Но от кого же ехал убитый и чего нужно остерегаться? Или болт и есть ответ на этот вопрос? О чем-то ведь сговаривался с ночными гостями Мирон Табара...

Князь велел схоронить покойника как полагается и отправился к себе. Он не знал, что фра Бернардо в этот момент действительно уже добрался до Адрианополя и как раз беседует с султаном во дворце...

2

— Я готов встретиться с Синбэдом, — учтиво произнес францисканский монах, стоя перед Мурадом Вторым. Султан тяжело вздохнул и взял с подноса финик.

— Тут вопрос уже не в алхимике, — сказал он. — Сын валашского князя попросту не может вернуться домой, потому что он не человек. Синбэд говорит, что княжич не может выходить днем из подземелий башни, потому что солнце для него губительно. Он больше не человек, он — чудовище.

— Это не мешает мне встретиться с персидским мудрецом.

— Я тебе не препятствую, чужеземец. Но я не могу заставить Синбэда принять тебя, потому что... потому что я не властен над ним.

Последние слова Мурад произнес с явной неохотой и принял-ся жевать финик. Чернокожие слуги-нубийцы ритмично работали опахалами над его головой в белоснежном тюрбане. Всем своим видом султан показывал, что беседа окончена, но фра Бернардо не отступал.

— А что ты скажешь о письме, что передал тебе Влад Дракул?

— Я рад, что он готов помочь мне против Хуньяди. И я с радостью отпущу домой его второго сына, Раду. Но более я ничего сделать не в силах.

— Так ты не властен на своей земле над каким-то чернокнижником, о сиятельный султан?! — неожиданно спросил францисканец, не скрывая иронии. — Даже если не можешь исполнить из-за этого данное другому государю слово?

Мурад с трудом сдерживал злость, но не справился с собой. Он пнул ногой в мягкому, расшитому узорами башмаке блюдо, со звоном покатившееся по мраморному полу. Изысканные сладости полетели в разные стороны.

— Ты мне не указ, чужеземец, даже если принес полезные вести! — крикнул он.

— Я просто привык выполнять те обязанности, что возложены на меня Господом и папой Николаем Пятым. Позволь мне действовать самому, великий султан. Пусть никто мне не мешает, и я сам найду способ встретиться с Синбэдом. Я нисколько не посижу тебя, ибо знаю: есть вещи, которые сильнее любой человеческой власти, даже власти над Османской империей. Осмелюсь предложить тебе следующие условия: если молодой валашский князь выйдет из подземелья днем...

— Это невозможно! — перебил султан.

— Это возможно, — мягко сказал фра Бернардо. — По крайней мере, я приложу все усилия, чтобы это случилось... Так вот,

если молодой валашский князь выйдет из подземелья ясным солнечным днем и с ним ничего не случится, все поймут, что он — обычный человек, а не чудовище. Тогда ничего не помешает тебе отпустить княжича Влада домой...

— Делай, что хочешь, — кивнул Мурад, успокаиваясь. В самом деле, если этот христианский монах полезет на рожон, Синбэд или его жуткие помощники разберутся с ним сами, и он попросту исчезнет. И потом, виданое ли дело — вылечить кровопийцу?! — Я дам распоряжение, чтобы тебе никто не препятствовал. Ты волен ходить в пределах города где хочешь и когда хочешь. Но пеняй на себя, если с тобой что-то случится. Я более не ответчик за твою жизнь.

— Благодарю, великий султан, — с достоинством поклонился монах. — Надеюсь, все разрешится к нашей общей пользе.

Покинув дворец, фра Бернардо отправился перекусить. Францисканец мог обходиться самой простой и грубой пищей или не есть несколько дней вовсе. Однако он не видел смысла в том, чтобы голодать без нужды. К тому же в местах скопления горожан — на рынке, у мечети, в харчевнях и кофейнях — можно было послушать интересные и полезные вещи.

Потому фра Бернардо направился в уличную харчевню, где заказал у расторопного хозяина-турка местное блюдо — жареную печеньку.

Сами османы говорили так: «Если вы не ели печень в Эдирне, то вы печень вообще не ели!» Это было особое блюдо, которое готовилось с величайшим трепетом. Ведь самые лучшие мясо и молоко получаются из тракийских животных, вскормленных на ароматных травах этой зеленой части Османской империи. Тщательно промытая, обвалинная в муке тонкого помола и обжаренная в масле, печень просто таяла во рту, а особым образом замаринованные, острые, чуть кисловатые перчики разных размеров приятно обжигали язык.

Вот и сейчас монах наслаждался этим вкусным блюдом, запивая его ледяной водой из глиняного кувшина, который сохранял

ее температуру даже в палящий зной. В харчевне кроме него никого не было, но, когда фра Бернардо уже заканчивал трапезу, приковылял карлик довольно отталкивающего вида. Высотой не более чем в половину человеческого роста, карлик был замотан в черную ткань так, что свободной была лишь одна рука. Одеяние уродца местами перепачкано глиной.

Чалмы или тюрбана он не носил, открывая взору лысую голову, усыпанную бородавками и буграми. Лицо карлика также было изуродовано и перекошено, а правый глаз закрывало бельмо.

Францисканец уже слыхал об этом зловещем человечке. Звали его Мехрдад, и являлся он слугой алхимика Синбэда. Он выполнял различные поручения перса, хотя почти не умел разговаривать. Вот и теперь карлик сунул явно испуганному хозяину харчевни маленькую записку. Турок, кланяясь, задом отступил за ширму и завозился там, чем-то бренча.

Карлик покосился на фра Бернардо, который учтиво ему улыбнулся; в ответ карлик скорчил гадкую гримасу и плонул три раза на пол, очевидно, выражая презрение к неверному. Монах пожал плечами и демонстративно сунул в рот последний кусок печенки.

Тут вернулся хозяин, отдавший Мехрдаду несколько полотняных мешочек. Не обращая более внимания на европейца, карлик проковылял мимо. Как только он покинул харчевню, фра Бернардо бросил турку монетку в плату за обед и поспешил вслед за маленьким уродцем.

Искусство слежки францисканец изучил сызмальства и у таких мастеров, что могли стоять рядом с человеком на расстоянии вытянутой руки, а тот бы их не заметил. Ничего не заподозрил и карлик. Он шустро проскочил по узкой замусоренной улочке, потом свернул в пролом в старом глиняном заборе и исчез. Фра Бернардо последовал за ним и оказался на пустыре. Мехрдада нигде не было.

Монах с превеликим тщанием осмотрел груды битого кирпича, но небольшой деревянный люк, искусно замаскированный

среди пыльных кустов сорняка, нашел далеко не сразу. Он осторожно взялся за железное кольцо-рукоять и потянул. Люк отворился. Вниз уходила округлая нора, вырытая в глинистой почве. Совсем неширокая...

— Что ж, — пробормотал фра Бернардо, — не следует торопиться. Лучше прийти к Синбэду, когда он будет ожидать этого менее всего. Хотя он, если подумать, этого совершенно не ожидает...

Францисканец вернулся на постоянный двор и с чувством выполненного долга сел писать донесение в Ватикан. Он никуда не спешил, руководствуясь ветхозаветными притчами Соломона: «Нехорошо душе без знания, и торопливый ногами оступится» и «Помышления прилежного стремятся к изобилию, а всякий торопливый терпит лишение». Тем более, он составил четкий план, как, впрочем, поступал и всегда.

3

А вот валашский господарь Влад Дракул сидел в своих покоях и думал.

И слова убитого не выходили из головы, и намеченный совет с боярами по поводу войны против Хуньяди вызывал опасения. Мирон Красномордый верно сказал, что правлением Влада многие недовольны. Уж не зреет ли заговор среди бояр? И подпитывает его небось все тот же проклятый венгр... Надо было в самом деле казнить его, как требовал Мирча. Одной заботой было бы меньше, причем какой заботой!

Постучался кастелян Ворона.

— Бояре уж собрались, — сообщил он. — Только вас и ждут, господин.

— Иду, иду... — сердито бросил Влад. Увидел на столе стилет, оставленный францисканцем, машинально сунул в карман кафана.

Бояре в самом деле расселись по скамьям. Завидев вошедшего в залу господаря, поднялись и принялись почтительно кланяться. Не обращая внимания на поклоны, Влад прошел к своему месту и сел.

— Я хотел сказать вам, что решил примкнуть к османскому султану против Яноша Хуньяди! — объявил он, не откладывая. — Я знаю, что многие из вас воспротивятся, но уже отправил гонца к султану и ничего менять не собираюсь! Пусть каждый представит мне как возможно больше ратников и будет наготове. Когда выступать, я извещу особо.

Бояре молчали.

Князь обвел взглядом повернутые к нему лица: бритые и бородатые, молодые и старые, морщинистые и покрытые рублеными и резанными шрамами. А ведь кажется, пришли не все... Мирона Красномордого нету, это ясно... Влаху тут, и Михай Руп, и Чика... Тудоран, Беспалый Траян... А вот верного Станку Большое Лихо нету, на его поддержку Влад как раз очень надеялся. И дряхлого, но мудрого Талмаца нет. И еще нескольких...

— Не по нраву нам, господарь, твоя война, — встал Михай Руп. Остальные одобрительно загудели. — Негоже за Аллаха кровь проливать. Не наш он Господь.

— Не за Аллаха, а против предателя и труса Хуньяди! Он даже не валах, а дрянной венгр!!

— Да хоть бы и так. Хуньяди не мечется, как ты, между католиками и неверными! — крикнул Чика, тараща глаза от натуги.

— То есть вы не желаете мне повиноваться?!

Вот оно, подумал Дракул. «Господарю скажите, пусть остере-гается...» Наверное, Талмац гонца послал, или Большое Лихо, или еще кто из тех, кого сейчас нет на совете... Да и в живых, поди, тоже нету...

— Не люб ты нам больше, Дракул!

Бояре повалили навстречу князю, вынимая на ходу сабли и кинжалы. Влад вскочил, перевернув кресло, и полоснул выхваченным

стилетом по лицу завопившего Тудорана. Хотел было подхватить оброненную кем-то в суматохе саблю, но не успел, стал отступать к заднему потайному выходу из залы, но оттуда уже валили чьи-то гайдуки. Зала огласилась ревом и криками:

— Бери его!

— Вздернуть дьявола!

— Ну, Дракул, где твои друзья из ада?! Чего не помогают?!

— Тащите его на улицу, братцы!

— Надо его выблядка найти, Мирчу, он тоже где-то тут, еще сбежит!

Влад отмахивался стилетом, на него брызгала горячая кровь, мягко шмякнуло по щеке чье-то срезанное ухо. Но князя повалили, принялись совать кулаками в лицо, ломая зубы, пинать ногами. В сутолоке бояре и гайдуки промахивались, увеча друг друга, кто-то с верещанием пополз на четвереньках прочь, Тудоран размазывал по роже вытекший глаз. Наконец здоровяк Михай Руп расшивирял заговорщиков, схватил господаря за ворот окровавленного кафана и поволок прочь из залы, говоря:

— Как собаки на кота, навалились... Казнить так казнить, зачем же на части рвать?!

Это было последнее, что слышал князь Влад, проваливаясь в черное смутное беспамятство.

Очнулся он во дворе замка, когда на него выплеснули бадью ледяной колодезной воды.

— Живой еще, — обрадовано воскликнул незнакомый гайдук, когда Влад открыл заплывшие глаза.

— Хорошо, а то негоже мертвому голову-то рубить...

— Во, шевелится... Глядите, чтоб не кинулся!

— Да он еле дышит.

— Кто его знает — поди, с самим врагом рода человеческого знался, ну как он ему помочь решит?!

Влад с трудом перевернулся набок, потер ладонью грудь под разодранным кафтаном, сплевывая острые осколки зубов. Дракона

не было. То ли сорвали, пока били, то ли потерялся, пока Михай Руп тащил его на двор... Да и не помог бы дракон. Никто не поможет — магистр далеко, верных гайдуков во главе с Батей, наверное, побили... Где же Мирча?!

Словно откликаясь на мысли господаря, кто-то подбежал, громко топая, и доложил:

— Удрал щенок, и с ним несколько господарских людей. Пробились через наших, только и видели...

— Ладно, с ними после разберемся, никуда они не денутся!

— Да мы погоню послали, Беспалый за главного.

— Хватит болтать, господаря казнить надо!бо!

— Ташите его! Вот и плаха!

— Чика, топор неси!

Бояре перекрикивались, словно крестьяне, собравшиеся колоть особенно злобную и крупную свинью, которая и сама может завалить да загрызть. Словно бы каждый боялся взять нож и сделать первый удар, а что случись, так всегда можно сказать, что «все виноваты».

Наконец Влада подтащили к плахе, положили голову на выщербленную ударами топора колоду. Он закрыл глаза, надеясь, что теперь все закончится. Но рано радовался Дракул — вокруг зашумели, потом последовал удар ногой в бок, и знакомый голос прогудел:

— Небось, не чаял уже со мной встретиться, господарь? А?

Рядом с плахой на специально сработанном стуле с ручками, чтоб носить, сидел Красномордый. В руке он держал топор с широким лезвием.

— Зачем же? Я знал, что ты жив. Худую собаку всегда труднее убить, чем породистую. Правда, думал, что будет наоборот — ты на плахе, а я с топором.

— А оно иначе получилось. Обидно, поди, господарь?

— Не знаю пока. Обожди, я потом из рая к тебе в ад специально зайду, вот и поговорим. Заодно маслица на твою сковородку плесну.

Послышились смешки.

— Шути, господарь, шути, — беззлобно сказал боярин. — В последний раз шутишь. А там и Мирчу твоего поймаем... А? Ежели на султана надеешься, то не надейся. Зря. С нами теперь Хуньяди, он нынче регент при малолетнем короле Ласло, вся венгерская армия за ним!

— Не тот ли Хуньяди, что под Варной бежал, сломя голову, а потом наши земли валашские грабил? Не ты ли, Красномордый, его поносил, когда на ужин меня любезно приглашал? Не бывать Валахии под Хуньяди, пусть вы меня нынче убьете!

— Да что тут дальше говорить... — Боярин замахнулся, и тяжелый топор обрушился вниз.

...Мирча, баста́рд Влада Дракула, скакал на неоседланном коне прочь от Тырговиште. С ним было девять человек, включая старого Батю. Остальных перебили боярские гайдуки. Хромого кастеляна Ворону, который оборонялся на лестнице своей Водяной башни, из окна этой же башни и выбросили живым.

Куда податься, Мирча не знал. Он понимал, что остальные надеются на него, как-никак, наследник господаря... Тем более по пятам гнались боярские прихвостни.

— Настигают, господин! — крикнул сокольничий отца, серб Зоран.

Мирча оглянулся — в самом деле, взмыленные кони преследователей оказались совсем рядом. Из луков и арбалетов заговорщики не стреляли, наверное, хотели взять живьем, чтобы вдоволь потешиться. Впереди скакал Беспалый Траян, рядом с ним — двое его сыновей, Костин и Рипан. Мирча помнил их еще совсем маленькими, они вместе играли, вместе ловили раков в реке под берегом, вместе боялись привидения, живущего в развалинах старого дома в лесу...

Сдаться?

Но остальных убьют. А его, Мирчу Дракула, названного в честь храброго деда, запомнят как предателя-bastarda, труса, выступившего против собственного отца. Хуже подлеца Хуньяди.

Впереди замаячил холм, поросший редким лесом. Говорили, что это древний курган, под которым похоронены воины-великаны из незапамятных времен. Хорошее место, чтобы лечь рядом с ними, подумал Мирча и позвал своих:

— Давайте на холм! Сверху легче атаку отбивать, может, что и выйдет!

Лошадей пришлось оставить — они поскользывались, не могли взобраться по крутизне. Мирча на прощание шлепнул по крупу своего гнедого, и тот резво поскакал обратно к Тырговиште. Бог даст, хорошему хозяину попадет в руки.

Беглецы вскарабкались на холм, двое втащили под руки запыхавшегося Батю. На самом верху торчал острый камень в человеческий рост, напоминающий клык.

— Спиной к камню! — скомандовал Мирча, доставая свой меч. — Умрем достойно, братья!

Преследователи уже спешились и тоже карабкались по склону, поросшему высокой пахучей травой и полевыми цветами. Сокольничий Зоран раскрутил пращу, камень врезался в лоб одного из гайдуков, и тот покатился вниз, крича и ругаясь. Второй камень выбил еще одного, кривоногого хорвата, но остальные немудрено приближались. Мирча сделал шаг вперед и схватился с Рипаном. Сын Беспалого хрюпел и скалил зубы, но боец он был так себе. Ударом тяжелого меча Мирча срубил его саблю у самого эфеса, а вторым движением проткнул насеквоздь там, где печень. Рипан упал, обливаясь кровью, его место занял брат Костин. Этот дрался получше; пожалуй, даже посильнее Мирчи. Княжич пошел на хитрость — увернулся, пропустил Костина мимо себя и толкнул в спину так, что Костин врезался с размаху в камень-клык. Не давая тому опомниться, Мирча с оттягом рубанул поперек спины, чувствуя, как подается плоть и лопается хребет.

Резко развернувшись на месте, Мирча приготовился встретить очередного противника, но все уже было кончено. Его спутники лежали замертью кто где, лишь старого Батю, пыхтя

и хекая, топтали ногами человек шесть. Беспалый Траян с перекошенным от ненависти лицом кинулся на Мирчу, но его сдержали:

— Боярин, не лезь! Сами справимся!

— Сыночки мои... Детки-братики... — стонал Беспалый, упав на колени.

— По одному подходите, — велел Мирча. Но кинулись на него стаей, всего-то и успел княжич, что метнуть меч, словно копье. Лезвие вошло прямо в горло мордастому гайдуку, а потом Мирчу сбили с ног.

— Не убивайте! — кричал Беспалый. — Я сам!

Но убивать Мирчу и не спешили. Длинными кинжалами прибили руки к земле, словно распятому Христу, кривоногий хорват сел на ноги, придавил. Подошел Беспалый, плонул в лицо липкой слизью, сказал:

— Ты ж с ними в детстве в деревяшки играл...

— Не знал тогда, что их отец предателем станет.

— Копайте могилу, — распорядился боярин.

— Чем? — развел руками гайдук.

— Мечами, саблями! Хоть зубами грызите, а чтобы могилу тотчас вырыли! — хрюпал заорал на них Траян. Гайдуки поспешили приняться за работу, благо земля на холме была мягкая, жирная. Наружу лезли розовые дождевые черви.

— Тут бы сеять, — пробормотал кто-то.

Боярин опустился на корточки рядом с головой Мирчи. В руках он держал охотничий нож.

— Было у меня два сына, — медленно произнес он, дыша чесноком и луком в лицо княжичу. — А у тебя, Мирча, два глаза. Вот не стало у меня одного сына...

С этими словами Беспалый воткнул в левый глаз Мирчи острие ножа. Глаз лопнул, словно виноградина, голову прострелило жуткой болью. Мирча до крови закусил губу, понимая, что будет дальше.

— А потом не стало у меня второго сына, — продолжал Траян, втыкая нож в правый глаз.

Свет для Мирчи погас, в глазах плясало черно-красное, и словно из стога сена, из самой глубины, он услышал:

— Кидайте его в яму да засыпьте землей.

— Он ведь живой еще, господин! — робко заметил кто-то из гайдуков.

— Там и подохнет...

Мирчу подтащили к могиле, пинками сбросили вниз. Он упал набок и почувствовал, как сыплются сверху тяжелые комья. Они набивались в рот, в уши. Княжич пытался отплевываться, скреб землю пробитыми руками, но тяжесть наваливалась все сильнее, не давая дышать...

Притоптав землю, гайдуки уставились на боярина в ожидании приказов.

— Заберите моих сыновей, — устало велел тот и принял спускаться к подножию холма, где мирно паслись кони.

4

Фра Бернардо полз, словно уж, по тесной норе.

Для карлика она была в самый раз, но францисканцу, пусть и не обладавшему излишним весом, приходилось трудновато. Он ввинчивался между стенок, изо всех сил помогая себе руками и ногами. Про себя монах молился, но то и дело от молитв его мысли обращались к этой проклятой норе. Порою казалось, что он застрял и не может двинуться ни вперед, ни назад, но, поборов волнение, фра Бернардо протискивался дальше.

Расстояние от пустыря до башни алхимика оказалось изрядным, к тому же подземный ход изгибался и прихотливо виллял. Несколько раз монах даже помянул дьявола, а в одном месте пришлось подкопать немного кинжалом, чтобы протиснуться.

Отовсюду сыпались пыль и глина, но глаза монах держал закрытыми, а рот был прикрыт повязкой. С потолка норы свисали длинные корни, в которых францисканец один раз запутался.

Когда фра Бернардо стало казаться, что тоннелю не будет конца и он, наверное, где-то пропустил нужное ответвление, нора неожиданно расширилась и закончилась камерой, в ней высокий монах смог выпрямиться во весь свой рост.

Он с наслаждением потянулся, сделал несколько упражнений, отряхнул глину с одежды и огляделся. Сверху сквозь решетчатую квадратную крышку пробивался лунный свет. Вот и выход. В глиняной стенке были вырезаны ступени — очевидно, чтобы карлик мог ловко взбираться наверх. Упервшись носком сапога в одну из средних ступеней, фра Бернардо сдвинул крышку в сторону и вылез на воздух.

Башня черной громадой возвышалась в нескольких шагах. Нора выводила в ее внутренний дворик, куда, как понимал фра Бернардо, без ведома Синбэда и его охраны попасть было невозможно. Однако он находился здесь и вдыхал ароматыочных цветов овеивающих сад.

Впрочем, наслаждаться простором и свежим воздухом времени не было. Францисканец прокрался к стене башни и обнаружил там маленькую дверцу, в половину человеческого роста. Интересно, прикинул он, перс-алхимик построил башню с учетом размеров своего слуги-карлика или после проделал эту дверцу? А может, он всегда предпочитал карликов другой прислуге?

Где-то наверху лязгнуло железо, и фра Бернардо прижался к холодному камню, уже отпустившему накопленное за жаркий день тепло. Наверное, пошевелился один из стражников на балкончике, которых по стенам башни было несколько... Подождав немного, монах вернулся к осмотру дверцы. Разумеется, она оказалась запертой, но фра Бернардо тут же нашупал скважину для ключа. Из потайного кармана он извлек набор отмычек,

сделанных для него по специальному заказу в парижской воровской гильдии, и принял ковыряться в замке.

Его старания вознаградились практически сразу — видимо, труднодоступность самой дверцы успокоила ее хозяев, и они не стали вставлять еще и сложный замок с секретами. Петли были хорошо смазаны, и внутрь монах попал без лишнего шума. Там оказалась комнатка с оконцем и деревянная лесенка, уходящая вверх по узкой темной шахте. Покачав головой и еще раз помянув черта, фра Бернардо начал взбираться по ней, покрепче хватаясь за расшатанные перекладины.

Он карабкался, мысленно представляя высоту башни и свое продвижение. Вообще-то монах полагал, что самое интересное находится в подземелье, на нижних ярусах, но путь вел туда, куда вел, и выбирать не приходилось. Вверху забрезжил свет, и вскоре фра Бернардо высунул голову из квадратной дыры в полу. После чего ему на плечо наступила босая нога, и кто-то спросил по-турецки:

— А ты что тут делаешь, неверный?!

Францисканец, недолго думая, схватился за вторую ногу, оказавшуюся прямо у него перед носом, и дернул изо всех сил. Говоривший грохнулся на выложенный черно-белой плиткой пол, оказавшись полуголым янычаром с разбойничьей физиономией. Его широкий ятаган отлетел в сторону, но в планы монаха в любом случае не входило устраивать с турком бой. Он и сабли-то с собою не взял, иначе застрял бы с ней в подземном ходе... Потому фра Бернардо резво выскоцил из проема в полу, бросился на ошеломленного янычара и нанес ему несколько ударов в висок. Поскольку в его перчатку вшиты свинцовые полоски, не было ничего удивительного в том, что турок тотчас потерял сознание и закатил глаза.

— Весьма поучительное зрелище.

Соскользнув с поверженного противника, фра Бернардо перекатился и увидел перса-алхимика. Он стоял в дверном проеме в виде арки и незлобиво смотрел на незваного пришельца.

— Эгемен не привык проигрывать, — заметил Синбэд на хорошем французском, как и насчет «весыма поучительного зреища».

— Тем печальнее для него, — ответил по-турецки монах.

— Говорите на французском, прошу вас, — попросил алхимик. — Мне полезно попрактиковаться. А вам повезло, э-э...

— Фра Бернардо. Посланник и представитель папы Николая Пятого, епископа Рима, викария Христа, преемника князя апостолов, верховного первосвященника Вселенской церкви, великого понтифика, примаса Италии, патриарха Запада, архиепископа и митрополита Римской провинции, суверена Ватикана, раба рабов божьих.

Францисканец специально именовал папу Николая полным его титулом, зная, как на Востоке ценится все пышное и цветистое. И только в последний момент сообразил, что произносит титул, умостившись седалищем на полу рядом с полумертвым янычаром.

— Встаньте, мой друг. Я слышал о вас, но не думал, что увижу. Насколько я понимаю, вы проникли сюда через тайный вход. Что вам помешало прийти как добруму гостю?

— То, что вас все боятся. — Фра Бернардо поднялся. — Так почему же мне повезло?

— Вы наткнулись на Эгемена, а он принадлежит к числу самых обычных стражей моего покоя. Вы могли встретиться с куда более непредсказуемыми противниками.

— Вроде живых покойников?

— О, вы многое знаете!

— Вам следует чаще бывать за стенами башни, — сказал фра Бернардо. — Люди и не такое рассказывают, и мне стоило большого труда вычленить из подслушанных разговоров относительно правдоподобные вещи. Правда, я не уверен, что ваши живые покойники — действительно покойники.

— Продолжим нашу беседу в более удобном месте, — любезно предложил перс. — Здесь множество весыма уютных комнат... Может быть, вы хотите вина или кофе?

— Благодарю, я ужинал, — вежливо отказался монах. — А что будет с этим?

Он ткнул носком сапога в ногу так и не пришедшего в сознание янычара.

— Умретвят, — пожав плечами, ответил Синбэд. — Надеюсь, от мертвого будет куда больше толку, чем от живого...

Ярко освещенная комната со стенами, забранными шелковыми портьерами с искусствой вышивкой, и впрямь оказалась уютной. Фра Бернардо сел на ковер напротив хозяина; их разделял низенький столик, на котором стояла лишь изящная золотая вазочка с веткой жасмина.

— Итак, что же вы хотели? И почему, повторюсь, не пришли ко мне обычным путем?

— Я говорил с султаном Мурадом, но он предоставил мне разбираться самостоятельно. Дело в том, что я прибыл в Эдирне по поручению валашского господаря Влада Второго Дракула. Того самого, чей сын томится у вас в подземелье и, как уверен султан, безвозвратно превращен вашей магией в чудовище, питающееся человеческой кровью.

Алхимик тотчас помрачнел.

— Вот оно что... Я огорчу вас, фра Бернардо, но султан не согдал. Не во всем правда: моя магия к болезни княжича Влада не имеет никакого отношения. Я лишь развел в нем некоторые способности, уже вызванные хворью и показавшиеся мне... э-э, полезными.

— А что, если я возьмусь излечить молодого княжича? — спросил, прищурившись, францисканец.

Синбэд изумленно посмотрел на него и расхохотался.

Алхимик смеялся долго, вытирая слезы рукавом халата. Монах ждал, легонько барабаня пальцами по гладкой поверхности стола. Жасминовая ветка едва заметно покачивалась.

— Вы очень самоуверенны, — проговорил перс, отсмеявшись. — Я многие годы постигал знания, чтобы стать тем, кем я есть. И я знаю, что княжича вылечить невозможно.

— Но вы позволите мне попробовать? — настаивал фра Бернардо.

— Сколько угодно. Знаете, поначалу я собирался вас убить...

— Каким образом, если не секрет?

— Сам я неважный боец, хотя когда-то неплохо управлялся с клинками. В молодости... Эй, Мехрдад! — Алхимик громко прищелкнул длинными сухими пальцами. За спиной францисканца послышался шорох. Он повернулся и увидел, как из незаметной прорези в портьере высунулся карлик. В руке у него была короткая трубка, заряженная, как понял монах, отравленной иглой. — Мехрдад все время следовал за вами. Один мой знак — и вы были бы мертвы, фра Бернардо.

— Любой яд действует не моментально, — покачал головой монах и показал алхимику зажатый между пальцами левой руки маленький сюрикен в форме шестиконечной звездочки. — Я успел бы метнуть вот это. Кстати, тоже смазано ядом. А я, между прочим, регулярно принимаю противоядие — на всякий случай, вроде сегодняшнего.

Рута, чеснок, териак и орех, как и груши, и редька,

Противоядием служат от гибель сулящего яда.

Надо солонку поставить перед теми, кто трапезой занят.

С ядом справляется соль, а невкусное делает вкусным,

— процитировал Синбэд, полуприкрыв глаза.

— Арнольд из Виллановы, — кивнул францисканец. — «Салернский кодекс здоровья». Я удивлен — полагал, что вы изучали только то, что добыто единоверцами.

— Любое знание ценно, и неважно, ваш Иесса или же Аллах даровали его пытливому уму.

Алхимик снова прищелкнул пальцами, и карлик исчез. Фра Бернардо незаметно перевел дух — значит, сегодня он не умрет.

Пока не умрет.

— Что ж, я даю свое согласие, — продолжал тем временем Синбэд. — Мне-то известно, что излечение невозможно, но если вы так уверены...

— Если я вылечу Влада, вы отпустите его со мной в Валахию.

— Сколько угодно! Хотя... Я передумал, — неожиданно сказал перс. — У вас есть козырь, о котором я не знаю, иначе вы не явились бы сюда так смело... Я размышляю, убить ли вас или просто отпустить. Склоняюсь ко второму. Надеюсь, вы понимаете, что больше сюда не проникнете... Я не люблю подобные игры, но не хочу осложнений. Мне и так хватает забот. Большой княжич останется у меня, ему нечего делать в мире людей, ибо он давно уже не человек. Не будем же менять порядок вещей. Мехрдад проводит вас к выходу, и я надеюсь более не видеть вас, фра Бернардо, — по крайней мере, в моих владениях.

— Хорошо.

— Попытка была достойной.

— А вот я разочарован. Я не ожидал, что вы испугаетесь. Человек, которого боится сам великий султан Мурад...

Францисканец надавил на самолюбие алхимики и не прогадал. Перс насупился.

— Я вновь передумал! Пытайтесь. Но к молодому княжицу я вас не допущу. Сделаем так — в условленный день он должен будет выйти средь бела дня на солнце. У вас будет немного времени на общение с ним, читайте свои молитвы, давайте ему снадобья, делайте все, что заблагорассудится. Поскольку я не знаю способов излечения, их не можете знать и вы, потому что я изучал эту болезнь много лет, а вы — всего лишь христианский высокочка...

Похоже, Синбэд не на шутку рассердился и обиделся, подумал фра Бернардо. Нужно было с самого начала играть на этих струнах. Что ж, по крайней мере, согласие получено. А вот то, что княжича он сможет увидеть только в день их своеобразного состязания, весьма плохо. Крыса — а именно ее собирался использовать для лечения монах — должна воздействовать на больного как минимум несколько дней. Сразу ничего не получится... Что же придумать?!

— А когда вы проиграете, — говорил алхимик, — то уберетесь из Эдирне восьмой и более не вернетесь сюда никогда! Иначе вас постигнет жестокая смерть! Хотя... что я говорю! Влад разорвет вас, он выпьет вас до капли!

— Сомневаюсь, — усмехнулся фра Бернардо.

— И напрасно! — воскликнул окончательно разъярившийся перс. — Потому что у вас нет защитного амулета, а у меня есть!

— Амулетов, защищающих от кровопийц, не существует, — отмахнулся монах.

— Скажите лучше: вы не знаете об их существовании! — рявкнул Синбэд. — Между тем вот эта штука, — его рука нырнула в карман, — делает упырей кроткими, как овечки!

Фра Бернардо подался вперед, жадно уставившись на лежащий в ладони алхимика предмет. Это была серебряная пиявка в полпальца длиной. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: предмет этот был сродни крысе и дракону.

— Откуда у вас это? — срывающимся от волнения голосом спросил францисканец.

— А вам-то что? — подозрительно прищурился Синбэд. — Ну, скажем, я нашел ее в подземелье разрушенной башни далеко на востоке...

— Она была там одна?

— А! — Перс довольно захохотал и поднял испачканный чем-то желтым палец. — Вы тоже знаете о магических серебряных фигурках? Может быть, даже владеете одной из них, а?

Фра Бернардо сделал скорбное лицо.

— Наша религия запрещает нам пользоваться дьявольскими амулетами... Значит, все ваше волшебство на самом деле...

— Нет! — крикнул, вновь рассердившись, перс. — Моя магия — это многие годы тяжелого учения, тысячи экспериментов, упорный труд! А фигурки лишь помогают...

— Все-таки у вас есть и другие амулеты, — заметил довольный монах.

— Шпион, — с отвращением проговорил Синбэд, убирай пиявку в карман. — Убирайтесь отсюда! Все равно вы больше ничего не узнаете! Эй, Мехрдад! Проводи его к выходу и выставь за ворота! Если будет по пути совать нос куда не следует — убей!

Раздался едва слышный топоток, и карлик возник справа от монаха. Дернул его за рукав, скorchив противную гримасу.

— Вы не уточнили, в который день состоится наше состязание, — напомнил францисканец, брезгливо оттолкнув карлика и поднимаясь с ковра.

— Вас известят. Я знаю, на каком постоялом дворе вы остановились.

Синбэд замолчал и не произнес ни слова, когда монах в сопровождении Мехрдада вышел из комнаты.

Карлик переваливался впереди, проводя фра Бернардо по длинным анфиладам, темным комнатам без окон. Затем вывел к спиральной лестнице с укрепленными на стенах факелами, по которой они спустились. У дверей их встретили двое янычар — видимо, те самые «живые покойники», о которых ходило столько слухов. Они и впрямь выглядели восставшими мертвецами, с восковыми лицами, неподвижные, и даже грудь их, казалось, не вздымалась для дыхания. Однако по знаку карлика они зашевелились и быстро отперли дверь, приведя в действие некий сложный механизм, скрытый за деревянной ширмой. Дверь, окованная металлическими полосами, со скрежетом и постукиванием ушла вверх. Карлик пнул монаха ногой в лодыжку, намекая, чтобы тот убирался.

— Поаккуратнее, мелкое исчадие ада, — цыкнул на него францисканец.

Карлик что-то злобно пробормотал в ответ, но монах не понял ни слова.

По дорожке, петлявшей среди деревьев и розовых кустов, усыпанных цветами, Мехрдад провел его к калитке, которую охраняли такие же безмолвные и недвижные янычары. Калитка открывалась

уже обыкновенно, с замком и засовом. Снаружи её стерегли обычные воины, которые были чрезвычайно удивлены появлением европейца, вышедшего оттуда, куда он не входил. Когда калитка захлопнулась, командир охраны с решительным видом двинулся к фра Бернардо, но тут же остановился и сказал:

— Ты, верно, тот чужеземец, что получил от великого султана право ходить везде и всюду?

— Именно, — согласился монах. — Рад, что великий султан донес свое распоряжение до всех своих достойных воинов.

— Но как ты попал внутрь?! — изумленно спросил турок. — Или ты тоже колдун?

— И еще, какой сильный! — ответил фра Бернардо, поклонился и пошел прочь. Он устал и очень хотел спать. А еще он совершенно не представлял, как доставить крысу несчастному княжичу. Но проигрывать поединок он точно не хотел.

К тому же теперь он знал, что может получить в случае выигрыша. Если он привезет в Ватикан пиявку, папа осыпляет своего верного посланника милостями, которым позавидует любой кардинал.

Но, положа руку на сердце, дело было вовсе не в милостях.
Просто фра Бернардо привык выполнять все поручения.

Фра Бернардо знал, что во время родов своего третьего сына султан Мурад читал Коран. Лишь только он добрался до суры победы — стихов, предсказывающих победу над неверными, — как гонец принес ему весть о появлении на свет сына. Его и назвали Мехмедом. Однако оба единокровных брата Мехмеда были старше его, и мальчик никогда не являлся любимцем отца. Его шансы стать султаном весьма зыбки, в том числе и оттого, что мать Мехмеда родом из Сербии и являлась христианкой.

Возможно, именно поэтому по характеру Мехмед оказался совершенно несхож со своим отцом.

Первые годы жизни Мехмед провел в дворцовом гареме Эдирне, однако в возрасте двух лет его послали в Амасию, главный город Анатолии, где он мог сделать первые шаги на пути к образованию. В то же время старший из его единокровных братьев, двенадцатилетний Ахмед, стал правителем Амасии, но спустя несколько лет внезапно умер. Шесть лет спустя, когда правителем был другой единокровный брат Мехмеда, Али, в Амасию приехал знатный паша Кара-Хизир, который проник ночью во дворец и задушил несчастного Али прямо в его постели. По чьему повелению Кара-Хизир это сделал, он так и не признался.

Мехмед остался единственным наследником, и у султана не было иного выбора, кроме как призвать сына в Эдирне. Однако Мурад буквально пришел в ужас, вновь увидев сына: тот был упрямым и своевольным, не желал повиноваться своим наставникам, не давая себя наказывать и не изучая Коран.

Мурад призвал знаменитого муллу Ахмеда Гурани, поручив ему привести юного принца к повиновению. С палкой в руке мулла отправился к наследнику.

— Твой отец, — сказал он, — послал меня заняться твоим обучением. Но если ты не будешь слушаться, я тебя накажу.

Мехмед громко расхохотался в ответ на угрозу, но мулла задал ему такую трепку, что тот сразу взялся за книги. Особенно мальчик преуспел в постижении языков — он знал турецкий, персидский и арабский и вдобавок умел говорить по-гречески, на славянском диалекте и немного по-латыни, а также увлекался историей и географией, инженерным делом и литературой. Все это позволяло надеяться, что он станет выдающейся личностью.

Францисканец доселе не видел юного Мехмеда, но зато читал его описание, сделанное итальянцем Джакомо де Лангуски: «Хорошо сложенный, роста скорее высокого, чем среднего, искусно

владеющий оружием, вида более устрашающего, нежели почтенного, смеется редко, чрезвычайно осмотрительный, наделенный немалым великодушием, упорный в исполнении своих замыслов, во всех своих предприятиях проявляющий храбрость и столь же жадный до славы, сколь Александр Македонский. Ежедневно ему читают сочинения римских и иных историков. Он говорит на трех языках: турецком, греческом и славянском. Он прилагает значительные усилия, чтобы изучить географию Италии, хочет знать, где пребывает папа, а где император и сколько королевств в Европе. У него есть карта Европы, ее стран и провинций. Ничто не изучает он с большим интересом и энтузиазмом, чем географию мира и войн; его сжигает желание господства; он старательно изучает отношения между государствами. В мире, говорит он, должна быть только одна империя, одна вера и одна власть».

Сейчас Мехмед находился перед монахом и, на его взгляд, вполне соответствовал описанию итальянца.

— Так ты прибыл от Влада Дракула, валашского князя, — сказал Мехмед задумчиво.

— Да, господин.

— Тогда ты, верно, до сих пор не знаешь, что с ним случилось?

— А что с ним случилось, господин? — насторожился фра Бернардо. — Когда я покидал Валахию, князь был здоров, хотя и обременен проблемами. Мы как раз сбежали вместе из плена, куда попали из-за козней одного предателя-боярина.

— Влад Дракул больше не обременен проблемами, — с неподдельной печалью сказал Мехмед. — Он мертв. Убит боярами, которые устроили заговор с подачи Хуньяди. Его сын Мирча тоже погиб — ослеплен и заживо похоронен... Поистине христиане рассказывают жуткие истории о жестокости правоверных, но сами превосходят их во многом.

Францисканец был поражен услышанной новостью.

— И кто же теперь правит Валахией?

— Владислав Второй Басараб. Из дома Басарабов-Данешти. И это в тот момент, когда валашский князь принял нашу сторону против Хуньяди, — продолжал сетовать Мехмед. — Отец возлагал на этот союз огромные надежды...

— В таком случае нам и подавно нужно спасти княжича из башни Синбэда. Он — наиболее подходящий наследник, ведь Раду слишком мал и, что не тайна, простоват! — решительно заявил монах. Мехмед удивленно поднял брови.

— Спасти?! Ты что, не знаешь, глупый монах, что мой друг Влад...

— Что он превратился в кровожадное чудовище? Знаю. Более того, я посетил башню алхимика и говорил с ним.

Фра Бернардо поведал Мехмеду о своем визите к персу и грядущем состязании. Мехмед слушал рассказ с восторгом подростка, переспрашивал, искренне радовался и пугался...

— Но как ты собираешься вылечить княжича? — недоверчиво спросил он. — Неужели с помощью какого-то вашего христианского колдовства?

— Христианского колдовства не бывает, господин, — покачал головой францисканец. — Вот что мне должно помочь.

С этими словами монах протянул Мехмеду фигурку крысы на цепочке.

Наследник османского султана с опаской взял крысу и принял внимательно ее рассматривать, словно ребенок — игрушку.

— Что это за вещица? — спросил он. — Талисман?

— Я и сам толком не знаю, господин, — уклончиво ответил фра Бернардо. — Я получил его от людей, которым безгранично доверяю и перед которыми преклоняюсь. Я не ведаю, какие силы в ней содержатся, но это точно не силы зла.

— Ничего не понимаю. Что может сделать эта железная бездешушка?

Мехмед капризно швырнул фигурку обратно монаху.

— Ее нужно передать княжичу Владу, — терпеливо начал объяснять фра Бернардо. — Я пока не знаю, как это сделать, потому что вряд ли сумею снова проникнуть в башню Синбэда.

— Да, там же мертвые янычары! — с нескрываемым восторгом сказал Мехмед.

— В том числе и они, господин. Думаю, что алхимик управляет ими с помощью подобного же... амулета. Так вот, когда Влад получит фигурку, он должен будет ее надеть на шею и держать при себе, скрывая от Синбэда и его помощников. Тогда он сможет излечиться, без страха и опасности для себя выйти на солнечный свет, а злонравный алхимик будет посрамлен. Разве ты не хочешь этого? Спасти друга, восстановить союз с Валахией против Яноша Хуньяди, победить того, кого боится даже твой отец Мурад?!

Францисканец осторожно, словно на струнах лютни, играл на честолюбивых мыслях подростка.

— Я... Я помогу тебе, — слогнув слону, произнес Мехмед. — Но как? Сам я тоже не смогу попасть в башню. Не брать же ее приступом...

— Приступом брать, конечно, не надо, — согласился монах. — Но я слышал, что у княжича был телохранитель по имени Аббас.

— Да, был такой. Верный человек, однако не уследил, и княжич исчез.

— Где он теперь, господин?

— В темнице.

— Верно ли, что Аббас — бывший ассасин?

Теперь уже с неподдельным интересом спрашивал сам фра Бернардо. Он много слыхал о таинственных ассасинах. О том, что самых стойких учеников опаивали опиумом, а после того как они теряли сознание, переносили в специальный «райский сад», где их ожидала изысканная еда, роскошь и множество красивых женщин. Несколько часов спустя ему опять давали наркотик и переносили обратно, сообщая, что вернуться в рай он сможет,

только отдав свою жизнь ради священного дела. Поскольку ученики обычно набирались из тех, кто жил в бедности, они проникались мыслью о грядущем блаженстве и приступали к жестоким тренировкам.

Их учили не только владению оружием и акробатике, но и актерскому мастерству, и языкам, и маскировке... Все это делало из молодых людей идеальных убийц. Однако настоящего ассасина францисканцу увидеть пока так и не довелось. Много говорили о том, что тайный орден больше не существует, причем очень давно — с тех пор как умер его основатель, Хасан ибн Саббах.

— Я не знаю, монах. Но видел, как Аббас взбирался по отвесной стене, в которой не было видимых трещин или выступов, и как он ловил рукой летящую стрелу. Это был лучший мой человек, я отдал его в услужение своему другу, но Аббас не уберег княжича...

— Возможно, Аббас не так уж и виноват, — предположил фра Бернардо. — Что, если княжич сбежал сам?

— Но зачем же ему сбегать? — поразился Мехмед. — Разве ему было здесь плохо?!

— Причин достаточно, господин... Но вернемся к Аббасу. Ты по-прежнему доверяешь ему?

— Больше, чем многим.

— Тогда почему он в темнице?

— А как я еще мог наказать его?! Другому отрубили бы голову!

— В таком случае пускай Аббас и попробует доставить фигурку в подземелье. Если не справится настоящий ассасин, не справится никто. Если не справится никто, я не выполню данное мне поручение. Я не могу такого допустить, господин.

— Ты человек чести, монах, — с уважением сказал Мехмед. — Идем скорее к Аббасу. Я сам все объясню ему, тебя он не станет

слушать. Но что, если Аббаса убьют мертвые янычары Синбэда и ты потеряешь свою волшебную фигурку?

— Тогда я потеряю честь, о которой ты сказал, господин, — просто ответил фра Бернардо. — Надеюсь, мой Господь этого не допустит.

— Надеюсь, что милосердный Аллах тоже, — кивнул Мехмед.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Аббас ловко карабкался по стене башни.

Его тренированные пальцы находили в гладких камнях едва заметные трещинки и впадины и вцеплялись в них, словно пустынный варан в добычу, чтобы уже не выпустить.

Аббас был почти обнаженным — только в коротких свободных штанах и кожаных ремнях-перевязях, на которых крепилось многочисленное оружие. Кинжалы, метательные ножи, две длинные прямые сабли и маленький арбалет, способный стрелять без перезарядки шесть раз. Помимо этого, Аббас держал во рту тонкое пружинистое лезвие, скатое в кольцо.

Вчера они долго говорили с христианским монахом. И о башне, и о том, что может ждать Аббаса внутри, и о различном оружии, и о том, как быстрее и удобнее убивать людей. Аббас поведал монаху, как проще лишить жизни женщину и ребенка и что нужно сделать, чтобы они умирали дольше и мучительнее, чем мужчина.

Монах понравился Аббасу, хоть и был неверным. Жаль, что он попадет в ад, где для кяфиров, согласно Корану, скроены одежды из огня, а еще их станут поить зловонным кипятком, а они будут хлебать его, но проглотить едва ли смогут... Впрочем, если бы господин Мехмед велел, то Аббас тотчас убил бы монаха. Неверный, несомненно, был хорошим бойцом и доставил бы Аббасу хлопот, но он все равно убил бы его... Аббас и так не выполнил

один приказ господина, не смог уберечь другого христианина из далекой страны, называемой Валахия. Христианский юноша, которого звали Влад — слабый телесно, но внутри у него было что-то такое, что пугало видавшего виды ассасина. Поэтому Аббас старался по возможности избегать неверного, словно боясь заразиться чумой...

И неверный пропал.

Сейчас, как верно знал Аббас от господина и монаха, Влад томился в подземелье у колдуна Синбэда и был превращен в чудовище в человеческом обличии. Если бы спросили Аббаса, он бы сказал, что Влада следует убить, но Аббаса никто не спрашивал.

Ему приказывали, а он выполнял.

Потому Аббасу следовало вручить неверному фигурку крысы из непонятного металла, которую велели беречь пуще глаза. Аббас так и сделал — разрезал кожу на груди и спрятал под нее фигурку, а потом кожу зашил. Так почти невозможно что-нибудь потерять... На словах он был обязан передать, чтобы неверный носил эту крысу постоянно и прятал ее от колдуна...

Один из камней, за который держался Аббас, неожиданно треснул, рука соскользнула. Посыпалась крошка, звучно прошуршав сквозь листву деревьев. Аббас повис на другой руке и прислушался...

Он знал, что башню колдуна стерегут мертвые янычары. Мертвого нельзя убить, на то он и мертвый, но справиться с ним все равно можно. Если отрубить мертвому руку, он уже не возьмет ею ятаган, а если отрубить ногу, он не наступит на нее и не сможет идти. А если отрубить голову?

Что будет, если отрубить живому мертвому голову, Аббас не представлял, но надеялся, что скоро узнает.

Слева он увидел небольшой балкончик. Пустой, судя по всему.

Аббас знал, что, кроме мертвых янычар, башню охраняют и живые, а кроме них — карлик в черной одежде, который умеет плюется отравленными иглами из духовой трубки. Ассасин

регулярно принимал целый набор известных ядов, много лет и малыми дозами, чтобы приучить организм. Когда он поймает карлика, то засунет духовую трубку ему в задницу и дунет. Аббас не любил карликов — в детстве его обижал сын богатого соседа, который как раз и был карликом. Перед тем как уйти в ученики к ассасинам, Аббас бросил карлика в колодец и дождался, пока тот перестанет всплыть и утонет. Ждать пришлось долго, и за это время Аббас еще больше вознавидел карликов.

Беззвучно перепрыгнув со стены на балкончик, Аббас вошел внутрь. Плана башни у него не было — кроме той ее части, которую посетил неверный монах, но сейчас Аббас находился совсем в другом месте. Он двигался по интуиции, ища путь вниз, в подземелья.

По слухам, в башне алхимики было от десятка до сотни охранников. Аббас верил в первую цифру, потому что какой смысл толочься здесь целой сотне янычар? А если молва не врет и они действительно мертвые, то им и отдых не требуется, а значит, не нужно сменяться. Нет-нет, десяток, ну, два десятка. С таким количеством врагов Аббас справится.

Несколько поразило Аббаса количество пустых комнат. Он заглядывал в них, проходя мимо. В одних вообще ничего не было, в других на полу лежали ковры, в третьих на полках стояли пустые пузырьки и колбы очень тонкого стекла, в четвертых хранились ящики, сбитые из досок... Все это выглядело безжизненным и редко посещаемым. Наверное, Синбэд был дурным хозяином и не умел правильно пользоваться своими владениями... Хотя кто их знает, колдунов.

Колдовства Аббас не страшился.

Он здраво рассуждал, что не видел еще человека, которого невозможно было бы убить, вне зависимости от того, сколько у него золота и драгоценных камней, какой властью он облечен и какому богу поклоняется. Да и если алхимик попробует применить

свое колдовство, Аббас всегда его опередит и прикончит раньше, чем тот пробормочет заклинания.

Обнаружив ведущую вниз лестницу, Аббас довольно улыбнулся и принюхался. Да, едва уловимые запахи сырости, земли и плесени. Точно, лестница ведет в подземелье.

Состояла она из коротких пролетов, соединяющихся небольшими площадками. На второй Аббасу встретился янычар. Мертвый или же нет, он разглядывать не стал — метко положил ему в грудь два метательных ножа. Янычар с безразличным видом выдернул их и, не обращая внимания на заструившуюся из ран кровь, бросился на Аббаса. Однако ассасин справился с ним несколькими движениями клинка. Голова покатилась вниз по ступенькам, а тело нелепо зашарило по стене руками. Возиться с ним дальше Аббас не стал, просто обошел и двинулся дальше. Спускаясь, он слышал, как безголовый янычар спотыкается и поскользывается в крови.

Наверное, это был все же ходячий мертвец, заключил Аббас и остановился. Обычный человек сразу упал бы... Ну, не совсем сразу, однажды Аббасу пришлось видеть, как обезглавленный пробежал шагов тридцать и только потом упал. Ассасин покачал головой и вернулся наверх.

Янычар вертелся на площадке, расставив руки и словно пытаясь на ощупь схватить кого-то. Точно, мертвец, подумал Аббас и подрубил безголовому ногу. Тот упал, принялся ползать.

— Надоел, — буркнул Аббас и рассек тело на несколько частей. Они еще трепыхались, когда он побежал по лестнице.

Еще троих охранников он убрал без особого труда и, не разбирая, живой перед ним или покойник. Просто срубал головы, чтобы не успели поднять шум, а потом сек в клочья. Так он добрался до самого низа лестницы, прикинув, что находится уже глубоко под землей. В две стороны уходил коридор, освещенный факелами. На мгновение Аббас остановился, выбирая направление. Пшел налево — просто так, надо же было куда-то идти...

Через несколько шагов перед ним оказалось что-то вроде караульного помещения. Там находились трое янычар и непонятный человек, весь замотанный в лоскутья желтоватой ткани вроде бинтов. Даже лицо его было полностью закрыто, только для глаз оставалась небольшая щель.

Один из янычар выругался, схватив свой ятаган, а другой уронил медный кувшин, из которого как раз что-то пил. Значит, живые. Тем лучше, подумал Аббас и плонул в ближайшего пружинистым клинком, который прятал во рту. Клинок с жужжанием вонзился в глаз янычара и проник глубоко в мозг. Турок завизжал и покатился по полу, в то время как ассасин занялся двумя другими. Забинтованный человек стоял в углу и никак пока не реагировал на происходящее, но Аббас старался не выпускать его из поля зрения.

Янычары дрались хорошо, но для ассасина они были несложными противниками. Через несколько мгновений тот, что уронил кувшин, уже сидел у стены и с ужасом пучил глаза на собственную печень, которая выползла из распоротого живота, а другой захлебывался кровью, потому что Аббас напрочь снес ему нижнюю челюсть.

Поскольку янычары больше не представляли опасности, ассасин решил разобраться с забинтованным человеком. Тот по-прежнему не двигался, но в щели между лицевыми бинтами поблескивали вполне живые глаза. Аббас хотел разрубить его сверху вниз, но забинтованный неожиданно ловко ушел из-под удара. Он двигался быстро, словно перетекая в пространстве. Никогда еще Аббас не видел подобного.

Ассасин сорвал с пояса арбалет и выпустил в забинтованную тварь все шесть коротких стрел, но попал лишь один раз. Четырехгранный наконечник, пробивающий нагрудную броню, с глухим стуком ударился чуть ниже ключицы забинтованного и завяз. Казалось, что Аббас выстрелил в старый дуб.

Забинтованный тем временем извлек откуда-то из-за спины непривычного вида оружие с лезвием-полумесяцем. Аббас видел

такое и держал в руках, но не думал, что им до сих пор кто-то пользуется. Кхопеш, древнее оружие египтян, тысячу лет как забытое...

Лезвие просвистело там, где только что стоял Аббас, доказав, что не такое уж оно забытое. Забинтованный владел им чрезвычайно виртуозно, а уж в сочетании с быстротой передвижений...

Аббас быстро осознал, что с подобным противником ему встречаться еще не приходилось. И забинтованный был сильнее. Более того, несколько пропущенных им ударов Аббаса не принесли никакого вреда — прямая сабля ассасина полосовала бинты, разевающиеся теперь во все стороны, но под ними словно натыкалась все на тот же дуб.

Забинтованный, видимо, понимал, что перед ним тоже не последний боец, и никуда не торопился. Они метались по караульной комнате, высекая искры из клинков и каменных стен, и Аббас понемногу уставал, тогда как забинтованный выглядел все таким же проворным и свежим.

Несомненно, это было колдовство, и колдовство того рода, которое Аббас победить не мог. Не знал как. Он привык иметь дело с ранимой человеческой плотью, а перед ним стояло нечто иное. Возможно, когда-то забинтованное существо и было человеком, но те времена давно ушли.

Ассасин понял, что уже довольно долго лишь обороняется, не пытаясь атаковать. Забинтованного это вполне устраивало. Тяжело дыша, Аббас отбил очередную серию ударов и выпадов, споткнулся о мертвого янычара без нижней челюсти и едва не упал. Странно, но противник не воспользовался этим подарком, до того он был уверен в своем превосходстве. Это оскорбило Аббаса куда сильнее, чем все остальное. Молниеносно он отшвырнул саблю, что держал в левой руке, выхватил из креплений на стене факел и ткнул им в шарообразную голову.

Забинтованный испуганно отшатнулся.

— А, ты не любишь огня! — радостно крикнул Аббас. — Странно, а я думал, всякая нечисть вроде ифритов им повелевает!

С факелом в левой руке и саблей в правой он из последних сил ринулся в атаку. Теперь уже оборонялся забинтованный, причем суматошно, словно вмиг растерял часть своих умений. Двигался он все так же быстро, но Аббас старался ограничивать его перемещения, действуя факелом. А потом, когда забинтованный своим кхопешем отбил нижний удар в пах, Аббас сунул факел ему прямо в лицо.

Бинты вспыхнули, треща и распространяя едкий запах.

Тварь выронила оружие и бросилась по коридору к лестнице, но Аббас настиг его и в прыжке ударил ногами в спину. Забинтованный рухнул на пол; ассасин тут же швырнул ему на спину факел и крикнул:

— Получай!

Колдовское создание корчилось и билось на полу, издавая отвратительные каркающие звуки. Черный дым быстро заполнил караульную. Кашляя и протирая глаза, Аббас нашел на стенах связку ключей и пошел к темницам, оставив противника догорать...

Ассасин заглядывал в дверные оконца в поисках княжича.

В камерах сидели какие-то люди и другие существа, на людей не похожие. На разных языках они просили о милости, сулили несметные богатства за свое освобождение или просто нечленораздельно завывали, стонали и колотились в двери. Аббас мог легко всех их выпустить, но такого приказа господин Мехмед ему не давал. Потому ассасин прошел дальше, не обращая внимания на страдания узников. В любом случае рано или поздно появятся другие стражники и вернут их на место — из башни выхода нет.

Валашского княжича он обнаружил в большой камере, отличной от других. Там стоял стол, заваленный книгами и свитками, горел масляный светильник, а сам Влад Дракул выглядел

не таким изможденным, как прочие узники Синбэда. Аббас подобрал нужный ключ и открыл дверь.

Неверный смотрел на него с удивлением.

— Кто ты? — спросил он.

— Разве ты не помнишь меня? Я Аббас, — сказал ассасин. — Твой нерадивый телохранитель. Меня прислал мой господин, Мехмед, сын султана Мурада Второго.

— Мехмед?! — Юноша оживился. — Так он помнит обо мне?!

— Как видишь. — Аббас бросил свой факел на пол и пальцами принялся разрывать швы на груди, чтобы извлечь металлическую фигурку. Он не видел, какими глазами смотрит на выступившую кровь неверный... — Вот, — сказал асассин, протягивая крысу княжичу. — Господин велел тебе надеть ее на шею и носить, не снимая. Синбэд ни в коем случае не должен ее видеть. Через несколько дней ты должен будешь выйти наружу, к солнцу.

— Но я не могу... — прошептал Влад, словно завороженный уставившись на окровавленный металл фигурки. — Солнце убьет меня.

— Это талисман, который защитит от солнца. Колдун будет посрамлен, а ты отправишься к себе домой... Кстати, твой отец убит, — сообщил Аббас.

— Отец?! Кто посмел?! — Влад вскочил на ноги.

— Был заговор, — коротко сказал Аббас, который не знал всех подробностей гибели князя. — Господин говорит, что ты теперь единственный наследник. Ты должен выйти отсюда и отомстить.

— Да, я выйду... Выйду и отомщу...

— Возьми же талисман, — напомнил ассасин. Крыса качалась на цепочке в его протянутой руке.

Влад схватил фигурку и быстро облизал с нее кровь, зажмутив глаза от удовольствия. Аббас смотрел на него равнодушно: у неверных свои причуды, говорят, что там, на севере, они совсем дикие...

— Я ухожу, — сказал Аббас, поворачиваясь. — Ни в коем случае не снимай талисман.

— Не буду, — пообещал княжич и, словно кошка, прыгнул на спину асассину.

Аббас почувствовал, как в шею ему впиваются острые клыки. Он попытался сбросить неверного, ударив его изо всех сил о стену, но тот держался крепко, а силы покидали Аббаса неожиданно быстро. Мускулистые ноги его подкосились, и асессин осел на пол. Что ж, смерть так смерть, он шел к ней все эти годы... Но умереть вот так...

И почему-то умирающий Аббас был совсем не уверен, что вскоре окажется в райских кущах в обществе старого Хасана ибн Саббаха и прекрасных гурий.

2

День, как нарочно, был солнечный и жаркий. На небе — ни единого облачка.

Фра Бернардо вознес последнюю короткую молитву к Господу и быстрым, решительным шагом направился к башне алхимика. Сегодня он действовал совершенно открыто, более того, Мехмед поведал, что спор францисканца с алхимиком чрезвычайно заинтересовал всех придворных. На его исход делались внушительные ставки, хоть подобные вещи и были запрещены султаном Муратом Вторым.

Мехмед очень просил, чтобы фра Бернардо взял его с собой, но францисканец отказал наотрез. Мало ли, какие козни мог умыслить гнусный перс, особенно если поймет, что проиграл. Мехмед согласился с доводами монаха, но настоял, чтобы с тем отправились несколько янычар и пожилой мулла Ахмед Гурани, человек высокоучченый и смелый. Сейчас сопровождающие шли чуть сзади, и фра Бернардо слышал, как мулла тихонько бормочет сурь Корана.

Алхимики монах увидел издали. Синбэд стоял на мощеной дорожке, ведущей через сад к башне, и улыбался. Рядом вертелся чрезвычайно возбужденный карлик, так что персу пришлось его даже одернуть.

Синбэд ждал и, судя по его довольному виду, верил в свою победу.

А вот фра Бернардо не знал, чего ожидать. Ассасин Аббас не вернулся из своей вылазки, и францисканец не ведал, сумел ли тот передать фигурку крысы княжичу или погиб, не добравшись до темниц в подземельях башни.

— Ты пришел, посланник раба божьих, — сказал Синбэд с таким видом, словно не ожидал его увидеть.

— Отчего бы мне не прийти? — сухо осведомился фра Бернардо.

— Ну как же! После того как ты прислал своего человека освободить княжича, я подумал, что ты решился на крайнюю меру, понимая, что я непобедим. Ты, верно, теряешься в догадках, куда же подевался лазутчик? Так вот, княжич убил его. Напал, прокусил артерию и высосал кровь. Я ведь говорил тебе — это нельзя вылечить, монах. А ты в своей непроходимой глупости и вере в вашего жалкого Иисса потерял ловкого человека...

Значит, Аббас погиб, и погиб от руки — а точнее, от зубов — юного валашского наследника. Это был серьезный удар для францисканца, но он не подал виду, хотя ровным счетом не представлял, что теперь делать.

— Ты можешь уйти восвояси, — благосклонно предложил алхимик. — Достаточно с тебя позора.

— Где княжич? — спросил в ответ фра Бернардо.

— Ах, ты настаиваешь? Что ж, твоё дело, монах.

Перс наклонился к Мехрдаду и велел:

— Беги в башню и скажи, чтобы вывели моего неверного. Да пусть будут готовы скорее забрать его назад — я ведь не хочу его потерять.

Синбэд ехидно улыбнулся францисканцу, ибо последняя фраза предназначалась в основном для него.

Карлик повернулся и на своих кривых ножках поспешил к входу в башню. В иное время это вызвало бы смех у зрителей, но сейчас все промолчали.

Фра Бернардо напряженно размышлял над услышанным от перса. Еще раз: Аббас мертв. Убил его Влад Дракул. Значит, асасин все же сумел пробраться в подземелье... если только его не бросили в темницу княжича на растерзание, связав и обездвижив... С другой стороны, алхимик мог сорвать, и Аббас убит охранниками... Но в любом случае, где же крыса?! Синбэд, конечно, злодей, но далеко не глупец и сразу понял бы, что перед ним не простой медальон, а могущественная вещь. Что делать с крысой и что она умеет — Синбэд вряд ли представляет, но уж похвастаться обладанием ею он бы не преминул. «Ты это хотел передать княжичу? И что же, помогло оно ему?»

Следовательно, крыса или утеряна — мало ли где мог спрятать ее умирающий Аббас, или, во что францисканцу хотелось верить, висит себе на шее у Влада.

Сейчас все станет ясно...

Влад Дракул вышел из башни и потянулся, подставляя лицо солнечным лучам. Он улыбался и выглядел совершенно здоровым и полным сил.

Фра Бернардо доставило огромное удовольствие наблюдать, как выражение брюзгливого превосходства на лице алхимика быстро сменяется недоумением и бессильной злобой.

— Что?.. — проскрипел было Синбэд, но осекся.

Влад направился к ним. Внимательно оглядел с ног до головы францисканца и учтиво поклонился:

— Вы, верно, друг моего друга, славного Мехмеда?

— Да, господин. Меня зовут фра Бернардо, и я посланник римского папы Николая Пятого. Твой отец, великий господарь Валахии, отправил меня в Эдирне, чтобы я излечил тебя и привез домой, в Тырговиште.

— Отец убит боярами... — помрачнев, сказал княжич.

— Да, изменники легли под Яноша Хуньяди, — кивнул фра Бернардо. — Ты должен отомстить.

— Я отомщу, — пообещал княжич, но тут в разговор вмешался Синбэд, который топнул ногой и сварливо завопил:

— Хватит! Хватит нести эту чушь о мести и возвращении домой! Ты никуда не поедешь! Ты сгоришь, словно сухая ветка в костре!

— Но он почему-то до сих пор даже не задымился, — весьма ехидно заметил фра Бернардо, теперь уже полностью уверенный в том, что крыса у Влада.

— Здесь кроется какой-то обман! — кричал Синбэд.

Янычары у входа с любопытством смотрели на то, как беснуется их хозяин. Внезапно алхимик хлопнул себя по лбу с такой силой, что едва не сбил белоснежный тюрбан, и расплылся в злой улыбке.

— Понял! Это же мазь! Он намазался мазью, и солнце не страшно ему на некоторое время... Мехрдад! Неси скорее воды, большой таз!

— Ты признаешь поражение? — осведомился фра Бернардо. — Как ты там говорил? Можешь уйти восвояси, достаточно с тебя позора.

Влад Дракул снова заулыбался и заметил:

— Какая хорошая сегодня погода... Я в своей темнице под землей уже отвык от солнечных лучей.

Алхимик испепелил его взором.

Два янычара в сопровождении карлика принесли огромный медный таз. В нем плескалась вода, пуская солнечные зайчики.

— Умойся, — велел Синбэд княжичу, подтолкнув его к тазу. Влад с готовностью наклонился, зачерпнул пригоршней воду и бросил себе в лицо. В стороны полетели радужные брызги.

— Хорошо! — воскликнул Влад с нескрываемым удовольствием, сорвал с себя рубаху, оставшись голым по пояс, и вылил оставшуюся воду себе на голову. Синбэд выпучил глаза, а княжич со

смехом брызнул в него, воскликнув: — А ты не хочешь помыться, старик?! У тебя небось уже пауки сплели паутину под мышками, я уж не говорю про другие места!

— Я приказываю!.. — Голос алхимика прервался. Он полез в карман, выбросил руку по направлению к княжичу и заорал во весь голос: — На колени, проклятый кровосос!

— Он сошел с ума, — пожал плечами Влад, повернувшись к францисканцу. — Слишком долго сидел в своей башне...

Несколько мгновений Синбэд стоял, словно пораженный громом, протянув руку к своему пленнику. И тут фра Бернардо, воспользовавшись его замешательством, быстрым хлестким движением ударил его по полуоткрытой ладони. Что-то тяжелое, блеснув в ярких лучах полуденного солнца, отлетело в траву. Алхимик взвизгнул, отдернул руку и бросился к башне, крича:

— Выпускайте тварей, выпускайте скорее! Убейте всех, и княжича первого!

За хозяином во всю прыть припустил карлик, но фра Бернардо в три шага нагнал его и поддал в спину острым окованным носком сапога. Мехрдад вскрикнул и отлетел на клумбу, сминая цветы и пятная их кровью.

И в этот миг земля по обе стороны дорожки вдруг провалилась, и из разверзнувшихся люков на фра Бернардо и его спутников бросились невообразимые твари. Верно, это были плоды жутких опытов алхимика, скрещиваний людей с обезьянами и волками, ужасающих хирургических операций и нечеловеческих пыток...

Янычары, охранявшие вход в башню, сочли за благо убежать в башню и запереться изнутри перед самым носом Синбэда. Перс безуспешно молотил кулаками в окованные железом створки, но дверь не поднималась.

Вот когда фра Бернардо оценил настойчивость Мехмеда, отправившего с ним янычар! В одиночку он был бы растерзан, но теперь янычары умело отбивались от наседавших чудовищ. Мулла

тоже выхватил острый клинок, спрятанный в его посохе, и пронзил им особенно уродливую тварь с лицом ребенка и волосатым туловищем лесной обезьяны. Францисканец отбросил в сторону свой плащ, чтобы не сковывал движений, и вступил в схватку.

Внезапно из ближнего люка выскочила девушка ослепительной красоты и кинулась к Владу. Первым желанием францисканца было защитить княжича, но девушка заключила княжича в объятия. Этого еще не хватало, подумал фра Бернардо, но тут же отвлекся от влюбленных, потому что на него напали сразу три жутких существа: чернокожий великан со щупальцами вместо пальцев, коренастый уродец с головой размером с кулак и щелкавшей зубами пастью на груди и женщина с длинными когтями, сверкавшими на солнце металлом. Слава богу, чудовища были довольно глупы, так как больше мешали друг другу, и вскоре отрубленные щупальца уже извивались на земле, зубастый уродец оказался разрублен почти пополам, а женщина уползала в кусты роз, истекая кровью.

Но францисканец совсем забыл о Синбэде.

Кинжал, который Синбэд всегда носил при себе, был изготовлен по специальному заказу в Дамаске. Обоюдоостре лезвие при помощи скрытой в рукояти пружины отскакивало и втыкалось глубоко в тело так, что его почти невозможно было извлечь. Но даже извлечение не помогло бы, ибо в лезвии сделаны специальные камеры, заполненные ядом. Этот яд Синбэд составлял много лет; противоядия не существовало, а для того чтобы убить человека, достаточно было маленькой капельки, причем умирал он долго и в страшных муках. Глаза лопались, изо всех отверстий на теле текла кровь, но главное — несчастный до самой смерти оставался в полном рассудке и ощущал, что с ним происходит. Алхимик убедился в этом, испытав яд на нескольких рабах и просто неугодных ему людях, а потом — из любопытства — на огромном африканском чудовище — бегемоте. Исполин издох в тех же муках, что и люди, от дозы яда размером с маковое зернышко.

Поняв, что в башню ему уже не попасть, а выпущенные из подземного зверинца чудища не будут разбирать, кто здесь их хозяин, алхимик решился убить хотя бы того, из-за кого рушилось сейчас дело всей его жизни.

Нет, не проклятого францисканца.

Валашского княжича. Ведь этот яд убьет даже кровопийцу. Даже одной царапиной...

...Влад оттолкнул от себя Тангуль, но не потому, что хотел обидеть девушку, а напротив, чтобы спасти. Он подхватил с земли брошенный монахом плащ и укутал ее с головой, ибо знал, что палящее солнце для нее смертельно. И тут краем глаза княжич заметил алхимика. Перс, выставив перед собой кинжал, чрезвычайно резво для своих лет несся прямо на Влада. Вот он перепрыгнул через корчащееся тело одного из своих созданий и завопил:

— Тангуль! Держи его, я приказываю!

Влад словно осталенел, глядя на приближавшегося Синбэда, а Тангуль воспользовалась этим, изо всех сил схватила его за руки.

— Предательница! — возмущенно крикнул княжич. Синбэд оскалил в ухмылке желтые зубы, но тут девушка с нечеловеческой силой отпихнула Влада и с быстротой молнии перехватила вытянутую руку перса, в которой тот сжимал кинжал. Плащ со скользнул с ее плеч и снова упал на камни мощеной дорожки.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Синбэд. Глаза его округлились и совсем уже вылезли из орбит, когда кость руки с сухим треском сломалась пополам. Кинжал выскользнул из ослабевших пальцев и воткнулся острием в ногу алхимика, легко пронзив расшитый золотом сафьяновый башмак. Синбэд ахнул и повалился на спину, а Тангуль вцепилась ему в горло и принялась душить, не зная, что яд уже начал свое страшное дело... Как и солнце. Девушка, казалось, не замечала, что ее кожа сморщивается и трескается, а от волос поднимается зеленоватый дымок. Она душила алхимика, пока тот не затих, вывалив наружу распухший язык...

Влад снова накинул на Тангуль плащ, но сделанное солнечными лучами нельзя было исправить. Лицо девушки покрылось глубокими язвами, почерневшая кожа напоминала чешую ящерицы, прекрасные глаза переменили цвет — огромные зрачки дико чернели на кроваво-красных белках... Тангуль глухо стонала, шевеля полопавшимися от жара губами. Кажется, она пыталась что-то сказать Владу.

Княжич прислушался, но в этот момент девушка дернулась всем телом, вытянулась и обмякла.

Влад заплакал. Рядом с ним опустился на колени фра Бернардо.

— Кажется, все... — устало сказал он. — Что с ней?

— Солнце, — пробормотал княжич. — Солнце ее убило...

— Постой-ка, — францисканец сунул руку под плащ, нащупывая пульс. — Нет, она еще жива...

— Крыса! — осенило Влада, но монах с сожалением покачал головой:

— Крыса лечит болезнь. Она не может восстановить поврежденные или распавшиеся ткани. Девушка останется такой на всегда, если не умрет... наверное, лучше было бы ей умереть...

— Нет, — решительно сказал Влад. — Я заберу ее с собой. А ты вылечишь ее, пообещай мне. Она не должна умирать.

— Я сделаю все, что могу, — склонил голову фра Бернардо. Потом перевел взгляд на мертвого алхимика с искаженным лицом, наклонился и, пошарив в залитой кровью траве, поднял блеснувшую серебром фигурку пиявки. — Ты знаешь, что это такое, господин?

— Зови меня князем. Я — князь Валахии.

— Ты знаешь, что это такое, князь?

— Да. Это та самая вещь, с помощью которой мерзкий старик держал меня в рабстве.

— И без которой он не смог заставить девушку убить тебя, — добавил монах с улыбкой. — Раз она тебе не страшна больше, не мог бы ты отдать ее мне? Таким предметам место в Ватикане...

Влад задумчиво посмотрел на францисканца.

— Ты спас мне жизнь, монах. И даже больше того — избавил меня от участи кровососа... Ты, безусловно, заслуживаешь награды. Но...

— Тебя что-то смущает, князь?

— Скажем, у меня есть некие планы на будущее, — усмехнулся Влад. — И пиявка может мне пригодиться.

Фра Бернардо ничего не ответил.

Вокруг янычары добивали визжащих чудовищ.

Мулла Ахмед Гурани ходил среди трупов, с брезгливым любопытством рассматривая порождения больного разума.

А двое мужчин стояли на коленях подле едва живой девушки, укрытой плащом, и мертвого персидского алхимика.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несколько лет спустя

...Суть сажания на кол состояла в том, что человека клали на живот, один садился на него, чтобы не дать ему пошевелиться, другой держал его за шею. Человеку вставляли в задний проход острие, которое затем вбивали дальше посредством колотушки; затем вколачивали кол в землю.

Считалось, что острие кола должно выйти изо рта казненного, но подобного добивались лишь мастера. Чаще всего кол выходил под мышкой или же между ребер. В зависимости от угла, под которым вводили острие и судорог казненного, кол мог выйти и сквозь живот.

Счастлив был тот, кому кол по пути пронзal жизненно важные органы, приводя к быстрой смерти, но обыкновенно осужденные мучились на колах в течение нескольких дней. Иногда, чтобы усилить мучения, недалеко от острого конца кола прибивали перекладину, которая не позволяла пронзить тело насеквозди и тем самым продляла агонию.

Господарь Валахии Влад Третий Дракул поступил именно так. Он даже лично проследил, чтобы концы кольев ни в коем случае не были слишком острыми — обильное кровопускание могло слишком рано прекратить мучения казненных. Сейчас князь сидел за столом перед целым лесом из кольев, и на каждом из них корчился человек, причем бояре были выше посажены на колах, чем простолюдины...

Влад завтракал. Он ел простую деревенскую еду, от которой почти отвык в бытность султанским заложником в Адрианополе, не говоря уж о темнице алхимика Синбэда. Жирный творог с молоком, пышный хлеб, свежий мед, пахнущий полевыми цветами. Опустошив миску, князь сделал слуге знак, чтобы принесли еще.

— А ты не хочешь ли творогу, боярин? — весело спросил Влад Траяна Беспалого, который был ближним к нему. Боярин не ответил, облизывая пересохшие губы. — Или ты пить хочешь? Погоди, сейчас дождик пойдет, вволю напьешься... все вволю напьетесь, как напились крови моего отца и брата!

В самом деле, небо было затянуто свинцовыми тучами; прогремел гром, где-то совсем близко сверкнула молния.

Слуга подал полную миску творога, но Влад велел ему убираться и унести стол с остатками завтрака. Опираясь на самодельные костыли, к господарю подошел старый Батя. В очередной раз не смогли убить старого гайдука — переломали кости, выбили глаз, но он очнулся и уполз с холма, где был заживо похоронен Мирча. Словно призрак из прошлого, Батя объявился на том же месте, когда Влад с почестями перезахоранивал останки отца и брата. За заслуги и верность новый господарь хотел было сделать Батю первым своим советником, но гайдук отказался.

— Стар я уже. Двумя глазами уж толком не видел, а одним и подавно едва свет от тьмы отличаю... Хожу еле-еле, в нужник и то с помощниками добираюсь... На что тебе такой советник, господин? А если, в самом деле, про что важное посоветоваться решишь, так я всегда рядом, далеко не уйду, хе-хе...

Прав был старый гайдук, но верных людей осталось совсем мало. Хотя убийцы отца и делали вид, что искренне рады, когда Влад вернулся домой с турецким войском, скинул и умертил их ставленника Владислава Второго. Бояре рассуждали так: уж сколько многие из них пережили правителей и господарей, сколько рубились плечом к плечу с османами против христиан и с христианами против османов... Жизнь такая, сегодня враг,

а завтра друг. А что до молодого господаря, так разве сел бы он на трон, кабы его отец до сих пор жив был? Сколько случаев известно, когда сыновья сами против отцов заговор устраивали, со смертоубийством, а тут и греха брать на себя не пришлось — все чужими руками сделано...

Так говорили между собой бояре, глядя, как голодные янычары Влада Третьего Дракула ловят кур у них в поместьях.

А когда новый господарь со всеми надлежащими почестями и церемониями пригласил их в Тыгровиште на пир в честь своего вступления на престол, многие и вовсе успокоились. Не поехал лишь Мирон Красномордый, словно чуял неладное.

Во время застолья вино текло рекой, бояре клялись господарю, что костыми лягут за него, случись что, и заедали свои клятвы барабаниной с чесноком. Влад слушал, благосклонно кивал, а потом спросил, много ли правителей пережили бояре.

За всех ответил Михай Руп:

— Почитай, что многих, господин. Но в том нашей вины нету.

— Ты так думаешь?! — крикнул Влад. За столами воцарилась мертвая тишина.

— Боярство есть боярство, господин, — растерянно развел руками Михай Руп. — У господарей да воевод своя жизнь, свои дела, мы в них ничего не понимаем. Наша забота — служить верой и правдой...

— Как моему отцу послужили?! Да и в смерти других почти всегда вы повинны, выползки гадючье! Но теперь так не будет, бояре! Пришло время ответить!

Бояре загомонили, кто-то начал выбираться из-за столов, другие, напротив, полезли под них прятаться, но ворвавшиеся в обеденную залу люди господаря повязали всех и поволокли прочь.

Влад не судил всех без разбору, нет. Тех, кто провинился менее прочих, он сослал на строительство крепости выше по реке. Бояре и их родичи шли пешком, без еды и отдыха, и добрались не все, но кто ж в том был виноват, кроме их самих? На строительстве

господарь тоже велел им продыху не давать, бить плетьми за леность и кормить так, чтобы они всегда оставались голодными.

Зачинщиков же и тех, кто особенно себя запятнал в сношениях с проклятым венгром Яношем Хуньяди, господарь велел рассадить на колья. Вышло почти пять сотен. И сейчас Влад стоял перед ними, глядя в знакомые с детства искаженные лица.

Беспалый, Влаху, Чика, одноглазый Тудоран, Вылча, Игнац, Михай Руп, двое братьев Фармору...

Игнац учил его мастерить кораблики из бересты.

Влаху знал много историй про далекие страны и земли.

Михай Руп подарил первую сабельку, совсем как настоящую, только маленькую...

— Негоже делаешь, господин, — укоризненно произнес Батя, обвисший на своих неуклюжих костылях.

— Разве я спрашивал твоего совета, гайдук? — обернулся к нему Влад.

— Нет, не спрашивал. Но сам меня звал в советники, вот я и подумал — может, пора чего и присоветовать, вдруг послушаешь?

Снова прогремел гром, с неба посыпались первые крупные капли дождя. Сидящие на кольях бояре старались ловить их губами, но движения причиняли им новую мучительную боль, и все вокруг огласилось стонами.

— Что тебе не нравится, гайдук? Или я впрямь должен был их творогом угощать?

— Зачем же творогом? Голову снес, да и ладно.

— Э-э, нет, гайдук... Мало кому голову снесли, что ли? И чему это следующих научило? А теперь все видят, что бывает с теми, кто против своего господина умышляет заговор и, тем более, жизни его лишает... Пусть завидуют Красномордому, что легко отделался!

Боярин Мирон и в самом деле отдался легко. Влад самолично перерезал ему жилы на руках и бросил с лодки в озеро, да еще кричал вдогон:

— Ты руками и ногами пошибче греби, Красномордый! Авось выплыешь!

— Может, и прав ты, господин, — склонил седую голову Батя. — Но не могу я более на это смотреть. Стар, видать, для крошичи.

— Так иди. Держу я тебя, что ли...

Гайдук утащился прочь, а Влад продолжал прохаживаться взад-вперед вдоль стоявших рядами кольев, не обращая внимания на усилившийся дождь. Кое-кто из бояр, постарше в основном, уже помер, но остальные мучились, просили о пощаде.

— Правда, что ли, пощадить вас? Кто жить хочет, а? — спросил Влад, толкнув ногой кол с насаженным на него Влаху. Тот заскрипел зубами от боли и крикнул в ответ срывающимся голосом:

— Что ты говоришь, щенок?! После кола не живут!

— У меня и после кола живут, Влаху. Поцелуйся с моей красавицей, и тотчас с кола сам слезешь, да еще и волех¹ станцуешь!

— Красавица? — Влаху скосил на господаря глаза. — Это ведьма, что ты привез из Адрианополя и прячешь в подвале? Которая днем не выходит, а ночью крадет детей по ближним деревням?

— Отчего же не выходит? Сейчас день, и она скоро придет...

Влад повернулся к ждавшим в отдалении гайдукам и махнул рукой. Те споро сняли с повозки большой ящик, закрытый плотным полотном, и открыли дверцу сбоку. Из нее выбралась закутанная в плащ фигура и побрела к господарю под низким темным небом сквозь плотную стену ливня. За ней шел одетый в серую рясу из домотканого полотна монах-францисканец, сжимавший в руке какой-то предмет.

— Что, князь, — спросил он Влада, — пришло время осуществить твои планы?

Скупая усмешка тронула жесткое лицо князя.

— Пришло, монах.

¹ Волех — народный валашский танец.

И, не обращая больше внимания на францисканца, князь снова повернулся к посаженному на кол боярину.

— Так что, Влаху, хочешь ты, чтобы тебя поцеловала моя красавица?!

Боярин застонал.

— И что со мной станет?

— Я же говорю: спрыгнешь с кола. Солнышка больше не увидишь, так это тебе наука. А послужить мне еще сможешь... Всяко лучше, чем с проткнутыми кишками подохнуть, верно?

— Я согласен, господин! — крикнул одноглазый Тудоран.

— И я!

— Я тоже, господин! Помилуй!

— И я!

Влад улыбался, глядя, как распахивается плащ, и дождь течет по чешуйчатому черному лицу Тангуль.

— Целуй их, — велел он. — Мне нужна новая армия. Ведь впереди у меня, в отличие от отца, так много времени...

ЭПИЛОГ

1944 год, Людвигсфельд, Германия

...Высоко в небе прошли несколько звеньев британских высотных бомбардировщиков «москито»¹. Однако приказа открывать огонь не поступало, и расчет пятидесятимиллиметрового зенитного орудия Flak.41 во главе с вахмистром Польстером сидел в укрытии. Видимо, англичан было решено пропустить дальше, где их встретят более серьезные силы противовоздушной обороны.

Юный Йозеф Ратцингер с облегчением вздохнул.

После того как он прошел подготовку в качестве помощника зенитчика, его зачислили сюда, в команду, защищавшую заводы BMW в Людвигсфельде, к северу от Мюнхена. На заводах производили авиационные двигатели, поэтому бомбили их довольно часто, как и весь Мюнхен, но сегодня, как говорится, пронесло.

¹ «Москито» — De Havilland Mosquito, британский многоцелевой самолет-бомбардировщик, ночной истребитель, состоявший на вооружении Королевских ВВС. Один из лучших самолетов времен Второй мировой войны, основанный на идеях, являвшихся полной противоположностью преобладавшим в то время взглядам на концепцию бомбардировщика (в частности, был практически полностью выполнен из дерева, что не позволяло немецким радарам своевременно засекать приближающиеся машины).

Мысли Йозефа разделяли и остальные зенитчики. Толстый Герд Брайтнер по прозвищу Буби пробормотал:

— Слава богу!

После чего вытащил из своего вешмешка начатую банку консервированной фасоли, складную алюминиевую ложку и неторопливо принял есть. Вахмистр недовольно покосился на Буби, но втык ему делать не стал.

— Можете отдыхать, — сухо сказал он и, поднявшись со снарядного ящика, ушел.

Польстер был неплохим человеком и толковым командиром, насколько мог себе представить толкового командира Йозеф. В жизни ему приходилось сталкиваться с самыми разными людьми, облеченными правом отдавать другим приказы. Взять хотя бы отца, отставного комиссара жандармерии... Да и в мужской семинарии в Траунштайне воспитанников гоняли порой почище, чем рекрутов в вермахте. И уж тем более — когда семинарию объединили с реальным училищем, а семинаристам намекнули, что неплохо бы вступить в Гитлерюгенд. Что Йозеф и сделал...

И семья Ратцингеров, и он сам надеялись, что по возрасту на армейскую службу Йозеф попасть не успеет. Сначала — потому что Германия быстро разберется с русскими, затем — потому что русские и союзники быстро разберутся с Гитлером... Но в один печальный день Йозеф получил повестку «на противовоздушную оборону Отечества» — согласно указу от 26 января 1943 года, который разрешил заменять солдат в войсках противовоздушной обороны молодыми помощниками ВВС и флота.

В Мюнхен Йозеф отправился в августе сорок третьего года вместе с одноклассниками. Там, параллельно с сокращенным школьным курсом, они изучали устройство зенитного орудия. Сначала Йозефа приставили к радиолокационной станции, которая определяла местонахождение подлетавших самолетов. Однако в случае чего он должен был способен заменить раненого или убитого товарища у орудия, поэтому Ратцингеру пришлось

отражать учебные атаки, роль вражеского самолета в которых исполнял старенький биплан «бюккер-юнгмейстер»¹.

Несколько раз пришлось пострелять и по настоящему противнику. Йозеф помогал заряжающему, содрогаясь от мощной отдачи орудия и задыхаясь и кашляя от пороховых газов. Спотыкаясь об откидные станины, он бежал за боеприпасами, снаряжал магазины и торопился обратно, поскользываясь на катающихся под ногами горячих пятидесятимиллиметровых гильзах. Ратцингер не знал, удалось ли его расчету хоть раз попасть в самолет, не говоря уже о том, чтобы его сбить. В эти минуты он чувствовал себя винтиком, шестеренкой огромного грохочущего механизма. И это будущему римскому папе не нравилось. Когда товарищи в часы досуга играли в футбол или развлекались другими, куда менее невинными способами (к примеру, пробовали пить шнапс), Йозеф уединялся и читал Библию или Бревиарий².

Вот и теперь, после налета, он сидел на железобетонном противотанковом надолбе и размышлял над Откровением святого Иоанна Богослова: «И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе...»

Йозефа отвлекли от священной книги шум и крики. Оказалось, что на разборку образовавшегося после попадания бомбы завала пригнали заключенных из Дахау. Это было привычное зрелище — лагерники все чаще привлекались к подобным работам.

¹ «Бюккер-юнгмейстер» — легкий немецкий учебный самолет времен Второй мировой войны.

² Бревиарий — римско-католический служебник, содержащий отрывки из Библии, трудов отцов церкви, молитвы и гимны, употребляемые в богослужении.

Их привозили на грузовиках под охраной эсэсовцев, преимущественно нестроевиков, так как все молодые и сильные давно отправились на Восточный фронт. Вот и сейчас пожилой унтершарфюрер с вильгельмовскими усами торопил своих подчиненных, которые, в свою очередь, покрикивали на слезавших с грузовиков заключенных.

Лагерники выглядели изможденными и едва живыми. Йозеф не понимал, как в таком состоянии можно ворочать и перетаскивать куски кирпичной кладки, куски бетонных плит и носилки со щебнем. Казалось, люди вот-вот упадут на землю под тяжестью собственного скелета, на котором почти не оставалось плоти. Но они работали, и работали довольно споро и производительно. Эсэсовцам даже не приходилось их особенно подгонять и наказывать. Поскольку убегать, на память Йозефа, тоже никто не пытался, охранники чувствовали себя спокойно и занимались кто чем: перекусывали, читали, дремали, пялились по сторонам...

Сегодня заключенные трудились всего метрах в тридцати от сидящего с Библией в руках Ратцингера. Они не обращали никакого внимания на юного зенитчика, тупо ковыряясь в развалинах. Зато хромой эсэсовец с карабином на плече подошел к Йозефу и попытался заговорить с ним — видимо, от скуки.

— Привет, парень... Как у вас тут дела? Сбили кого?

— Сегодня не было приказа стрелять.

— Сидите и ждете, пока томми вывалят вам бомбы прямо на головы, а? — сердито усмехнулся хромой. — Тебе сколько лет-то, парень?

— Семнадцать...

— Тебе семнадцать, мне пятьдесят семь... Много мы навоюем — старик и мальчишка?

Хромой вздохнул и уселся рядом с Йозефом, прислонив карабин к надолбу. Пошарил в кармане, извлек круглую баночку шоколада «Шо-Ка-Кола» и жестом предложил юноше.

— Нет, спасибо, — отказался Ратцингер. Хромой пожал плечами и убрал шоколад обратно в карман.

— Что читаешь? — спросил он. Библия Йозефа была заботливо обернута в газету, поэтому сразу понять было нельзя.

— Откровение Иоанна Богослова.

— На каком месте закончил?

— Э-э... — Йозеф растерянно раскрыл книгу. — «И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе...»

— «...И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем, — продолжил хромой. — И поклоняются ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом...» Надо же, еще не забыл!

Ратцингер удивленно покосился на эсэсовца. Тот улыбнулся:

— Я когда-то был пастором в Тюрингии.

— Но...

— Почему на мне эта форма? Так уж случилось. В свое время я разуверился в Господе и нашел ему замену... Совсем неважную замену, парень...

Хромой осторожно взял из рук Йозефа Библию, пролистал.

— Ты знаешь... Кстати, как тебя звать-то?

— Йозеф. Йозеф Ратцингер.

— Ты знаешь, Йозеф, что у нас в Дахау сидит пастор Мартин Нимеллер? Я беседовал с ним пару раз. На последней проповеди в тридцать седьмом он сказал: «Больше мы не можем хранить молчание, повеленное человеком, когда Господь велит нам говорить. Мы должны повиноваться Господу, а не человеку!» После проповеди Нимеллера и арестовали... — Бывший священник помолчал. — А могу я поинтересоваться, зачем ты читаешь Библию, Йозеф?

— Я семинарист, — пояснил юноша. — Учился в семинарии в Траунштайне, пока меня не забрали сюда, в зенитчики.

— И ты, верно, после войны собираешься продолжить обучение?

— Конечно! — воскликнул Ратцингер. — Как иначе?!

Бывший пастор аккуратно положил книгу рядом с собой.

— Знаешь, — сказал он медленно, — я тоже не раз думал об этом. Год, два от силы — и наступит мир. Нам придется жить в стране поверженных, Йозеф, и строить ее заново. Вопрос в другом — сумеем ли мы построить ее так, как учил нас Бог? Я смотрю вокруг, и мне кажется, что нет, не сумеем. Дьявол слишком силен, и он не только в Гитлере, в этих молниях у меня на мундире, в этом карабине, из которого я, быть может, убью человека, как мне уже приходилось убивать... Дьявол везде, он в нас самих, какими бы добросердечными и миролюбивыми мы ни стремились стать. Поэтому ничего путного мы не построим, парень... Ничего путного.

— Но так же нельзя, — возмутился Ратцингер. — Если так рассуждать, то остается только опустить руки и ждать, пока враг рода человеческого...

— Главный враг рода человеческого, Йозеф — сам род человеческий, — перебил хромой. — Подумай об этом. Я уже подумал, очень крепко подумал... Дьявол слишком силен, и мы заранее проиграли все войны против него — нынешние и грядущие. Надеюсь, в аду меня ждет достойное место.

Бывший пастор поднялся, вскинул на плечо карабин и, не оглядываясь, зашагал к возящимся в руинах лагерникам.

Йозеф Ратцингер растерянно смотрел ему вслед.

Об этом разговоре он не рассказал никому. А через несколько дней Йозефа перевели на другой объект противовоздушной обороны — сначала в Унтерферинг, потом в австрийский Инсбрук, а позже в Гилхинг, на базу истребителей Люфтваффе. Бывшего пастора он больше не видел и о его судьбе мог только догадываться.

Уже после войны Йозеф узнал, что в апреле сорок пятого подразделения американской армии обнаружили в нескольких километрах от Дахау сорок вагонов, заполненных до отказа истощенными трупами на поздних стадиях разложения. Еще больше мертвцев американцы нашли непосредственно возле концлагеря. Возмущенные солдаты и офицеры устроили бойню, в результате которой были расстреляны более пятисот охранников. Еще несколько десятков растерзали заключенные, и лишь некоторым удалось бежать.

Почему-то Йозеф был уверен, что среди спасшихся бывшего пастора не было... Однако его слова он помнил до сих пор...

Январь 2013 года, Ватикан

— Сумеем ли мы построить все так, как учил нас Бог?!. — пробормотал папа Бенедикт Шестнадцатый, облокотившись о письменный стол. В кабинете царила мертвая тишина, нарушающая лишь тиканьем часов. — Дьявол слишком силен, и мы заранее проиграли все войны против него, нынешние и грядущие...

Папа знал, что причины его отречения будут выдвигать самые разные — педофильские скандалы, связанные с кардиналами и епископами, неспособность противодействовать «голубому лобби», старость и немощь, в конце концов, хотя чувствовал он себя весьма сносно для своих лет... Но другого выхода понтифик просто не видел. Он взял авторучку и стал писать, почти не делая пауз, ибо обдумал текст заранее:

«Я созвал вас на эту консисторию не только ради трех канонизаций, но и чтобы сообщить вам о решении большой важности для жизни Церкви. Неоднократно испытав свою совесть перед Богом, я пришел к уверенности, что моих сил — из-за преклонного возраста — больше недостаточно для надлежащего исполнения служения святого Петра. Я прекрасно осознаю, что это

служение в силу его духовной сущности должно исполняться не только делами и словами, но и не меньшей степени страданиями и молитвой. Тем не менее, в сегодняшнем мире, подверженном стремительным переменам и взволнованном вопросами величайшей важности для жизни в вере, чтобы управлять ладьей святого Петра и возвещать Евангелие, необходима энергия, как тела, так и духа, а энергия эта в последние месяцы настолько угасла, что я вынужден признать свою неспособность должным образом исполнять вверенное мне служение.

Поэтому, хорошо понимая серьезность этого акта, я при полной свободе заявляю, что отказываюсь от служения римского епископа, преемника святого Петра, вверенного мне кардиналами 19 апреля 2005 года. Таким образом, с двадцати часов 28 февраля 2013 года Римская кафедра, престол святого Петра будет вакантным, и теми, на ком лежат соответствующие полномочия, должен быть созван конclave для избрания нового римского папы.

Дорогие братья, благодарю вас от всего сердца за любовь и за труд, посредством которого вы несли вместе со мной бремя моего служения, и прошу прощения за все мои недостатки. Вверим же теперь святую церковь заботе ее верховного пастыря Господа Иисуса Христа и будем молиться его святой Матери Деве Марии, дабы она сопутствовала своей материнской благостью отцов кардиналов в избрании нового римского папы. Что касается меня, то и впредь я буду служить всем сердцем святой матери церкви жизнью, посвященной молитве».

Отложив авторучку и перечитав текст, Бенедикт Шестнадцатый горько улыбнулся.

Это скандал. Мировая сенсация. Папы не отрекались от престола вот уже шестьсот лет; в последний раз это сделал Григорий Двенадцатый в XV веке, но это случилось во времена Великой Схизмы, когда сразу три претендента объявили себя истинными папами.

Но Бенедикт Шестнадцатый не видел другого выхода. Он и без того максимально обтекаемо и, что греха таить, малопонятно и неинформативно обозначил причины своего отречения. Свою войну он проиграл; что ж, возможно, у других получится лучше.

Он на многое не обращал внимания. А ведь что-то лежало на поверхности, что-то мерцало полунамеками...

Понтифик вспомнил, как в октябре две тысячи одиннадцатого румын Юлиан Джугареан взобрался на карниз колоннады площади Святого Петра во время многолюдной мессы. В самый разгар торжественной литургии, посвященной канонизации новых святых, румын влез на балюстраду колоннады Бернини напротив одной из лоджий Апостольского дворца, поджег Библию и бросил ее в толпу, крича:

— Эй, папа, где же Иисус?

Бенедикт Шестнадцатый знал, что торжественная литургия транслируется телевидением на всю планету, и сделал вид, что ровным счетом ничего не происходит. Но потом он захотел встретиться с румыном, однако командир ватиканских жандармов Доменико Джани сообщил, что Джугареана отправили на «обследование состояния психического здоровья».

Папа не стал настаивать, но спустя несколько дней поинтересовался, что сказали психиатры и нельзя ли переговорить с задержанным. К тому времени руководитель службы печати святого престола отец Федерико Ломбарди уже озвучил версию о душевном незддоровье румына, который якобы хотел обратиться к миру с протестом против международного терроризма. Бенедикту Шестнадцатому сожалением объяснили, что Джугареана уже отправили лечиться на родину, в Румынию... Но один из психиатров, который осматривал богохульника, признался понтифику, что Джугареан все время нес какую-то чушь о вампирах, которые по-прежнему сильны в Румынии и других балканских странах еще со времен Чаушеску, если не самого Дракулы. Именно об

этом он якобы и хотел побеседовать с Бенедиктом, поскольку предыдущему папе Иоанну Павлу II не доверял. Да он и не смог сделать этого, даже когда глава Римской католической церкви посетил Румынию — кстати, она была первой православной страной, куда приезжал понтифик. Накануне приезда румынские власти очистили Бухарест от бродяг, проституток, беспризорных, цыган и прочих, кто мог побеспокоить папу и смутить его взор. По официальной версии, их вывезли за пределы города, но говорили, что для многих все закончилось куда страшнее...

Бенедикт Шестнадцатый погоревал о болезни молодого человека и обещал помолиться за него, что и сделал.

Но много позже в одной из аналитических записок, которые готовились для него, он прочел любопытные вещи. Оказывается, за четверть века своего правления Иоанн Павел Второй канонизировал почти пятьсот человек — больше, чем все предыдущие папы. Среди канонизированных были достойные персоны, но попадались и сомнительные — вроде Хосе Марии Эскрива де Балакура, сторонника диктатора Франко, фашиста и основателя зловещей секты Опус Деи, или кардинала Алоизиуса Степинича — главы хорватской церкви, принявшего с распостертыми объятиями нацистов во время Второй мировой войны.

Одним из тех, кто значился в списке, был и фра Бернардо, автор рукописи, описывавшей юные годы зловещего властелина Валахии и Трансильвании, Влада Цепеша. В сопроводительной справке говорилось, что монах принял «мученическую смерть от рук язычников», но в каком году это произошло, указано не было.

По своей привычке все скрупулезно проверять Йозеф Ратцингер велел своим архивариусам поднять все документы, касавшиеся фра Бернардо. Тогда-то и выяснилось, что личный посланец папы Николая V доставил в Ватикан фигурку пиявки, дающую своему владельцу силу управлять вампирами и оборотнями — существами, которых святая Католическая церковь не признавала реальностью вот уже несколько веков. Распоряжением папы

Николая пиявка была помещена в Серебряный Зверинец, как называли коллекцию древних магических предметов, хранившуюся в тайном реликварии в подземелье под Бельведером.

Папа послал за пиявкой хранителя Секретного архива... но тот вернулся с пустыми руками. Кто-то забрал (Бенедикту не хотелось думать «украл») могущественный предмет из реликвария. Когда это произошло — можно было лишь гадать. Последним, кто входил в реликварий, согласно записям в книге хранителя, был покойный Кароль Войтыла, он же папа Иоанн Павел Второй.

Тот самый, что в 1989 году послал в Румынию двух священников, присутствовавших при расстреле Николае Чаушеску и его жены Елены.

Все усилия лучших специалистов Ватикана, пытавшихся определить, кем были эти священники и в чем заключалась их миссия, не увенчались успехом. Лишь одному частному детективу, не имевшему отношения к святому престолу, удалось раскопать в архивах «Алиталии» копии двух авиабилетов из Рима в Бухарест, датированных декабрем 1989 года и оплаченных Институтом религиозных дел, то есть Центральным банком Ватикана. Один билет был выписан на имя капеллана Траяна Фиуми, второй — на имя некоего «монсеньора Бернардо».

Конечно, это всего лишь совпадение. Но Бенедикт Шестнадцатый, прочитав отчет детектива, почувствовал, как сердце его сжимают ледяные пальцы.

Что за силы свили себе гнездо в святая святых Римской католической церкви?

Он вспомнил о том, как святой престол и тот же Иоанн Павел Второй помогали Румынии встать на ноги после суда над Чаушеску и падения социалистической системы. Доходили смутные слухи, что тогда на румынской земле творились беззаконие и ужас, которым порой не было места даже при коммунистах.

А ведь сам Бенедикт тогда мог очень многое сделать, изменить. На момент расстрела Чаушеску он уже десять лет как возглавлял

Конгрегацию доктрины веры. Именно так с 1902 года повелением папы Пия Десятого называлась Святая инквизиция. И, конечно, в силах Конгрегации было узнать, с какой целью отправились в Трансильванию капеллан Фиуме и монсеньор Бернардо. Но Ратцингер не обратил тогда своего взора на происходящее в Румынии. Он был чересчур занят, возглавляя Подготовительную комиссию по изданию Катехизиса католической церкви.

А напрасно...

Очень напрасно. За Войтылой нужно было присматривать.

Бенедикт тяжело вздохнул.

Он не сделал почти ничего, что долженствует сделать на своем посту понтифику. А теперь еще пропала пиявка. Кому понадобился этот предмет в мире, где уже давно никто не верил в вампиров и оборотней? Кому она попала в руки и что сделает с ней этот человек? И человек ли он, кстати говоря?!

— Дьявол слишком силен, и мы заранее проиграли все войны против него — нынешние и грядущие, — снова пробормотал папа и с силой шлепнул себя ладонями по своей бедной седой голове. — Надеюсь, в аду меня ждет достойное место.